

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ДВАДЦАТЫЙ

МОСКВА
2019

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 г.

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

Том двести двадцатый

МОСКВА
№ 6/2019

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

ТРУДЫ
SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED TWENTIETH

MOSCOW
№ 6/2019

УДК 33

ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

UDK 33

BBK 65

© Вольное экономическое общество России, 2019

© The Free economic society of Russia, 2019

ISBN 978-5-94160-208-7

ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов ВЭО России

БОДРУНОВ С.Д. Президент ВЭО России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов ВЭО России

ГЕОРГИЕВ Р.М. Вице-президент Международного Союза экономистов, профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ С.Ю. Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕАК), член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ Р.С. Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

- ГРИШИН В.И.** Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ГРОМЫКО А.А.** Член Президиума ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук (г. Москва, Россия)
- ДАВЫДОВ В.М.** Член Правления ВЭО России, член Координационного совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей ибероамериканского мира, заместитель Председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ДЫНКИН А.А.** Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ЛЕМЕЩЕНКО П.С.** Член Международного комитета ВЭО России, заведующий кафедрой международной политической экономики Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

- ПЕТРИКОВ А.В.** Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А.Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ПОРФИРЬЕВ Б.Н.** Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н, профессор (г. Москва, Россия)
- САМЕДЗАДЕ З.А.** Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета по экономической политике, промышленности и предпринимательства Милли Меджлиса Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)
- СИЛИН Я.П.** Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- СОРОКИН Д.Е.** Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ М.А. Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Ю.В. Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ ДЖЕЙМС
(James Galbraith) Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса (США)

НОЛАН ПИТЕР
(Peter Nolan) Член Международного комитета ВЭО России, профессор, директор Центра о развитии Кембриджского университета (Великобритания)

Редакционная коллегия Научных трудов ВЭО России

АЛЕКСЕЕВ А.В. Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)

БОБИНА А.В.

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н.
(г. Москва, Россия)

БАРСУКОВ И.Е.

Член Правления ВЭО России, декан факультета управления ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры государственного и муниципального управления АСОУ, ученый секретарь экспертного Совета ВЭО России по программе независимая оценка качества экономического образования, к.э.н. (г. Москва, Россия)

ВЕРЕНИКИН А.О.

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор
(г. Москва, Россия)

ГОЛОВ Р.С.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ Р.С.

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ А.А.

Вице-президент ВЭО России, президент Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, исполнительный вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

МАНЮШИС А.Ю.

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РАТНИКОВА М.А.

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

Editor-in-Chief of Transactions of the Free Economic Society of Russia

BODRUNOV S.D. President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of Transactions of the Free Economic Society of Russia

GUEORGUIEV R.M. Vice President of the International Union of Economists, Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

GLAZIEV S.Yu. Vice President of the VEO of Russia, Minister for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

GRINBERG R.S. Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

GRISHIN V.I. Vice President of the VEO of Russia, Rector at Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

GROMYKO A.A. Member of the Presidium at the VEO of Russia, Member of the IUE Coordination Council, Director of the RAS Institute of Europe, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia)

DAVYDOV V.M. Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

DYNKIN A.A. Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**LEMESHCHENKO
P.S.**

Member of the International Committee at the VEO of Russia, Head of the Theoretical and Institutional Economics Department at the Belorussian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

PETRIKOV A.V.

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russia Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

PORFIRIYEV B.N.

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

SAMEDZADE Z.A.

Vice President of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Full member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

- SILIN Ya.P.** Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)
- SOROKIN D.Ye.** Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Academic Adviser at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- ESKINDAROV M.A.** Vice President of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- YAKUTIN Yu.V.** Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the “*Ekonomicheskaya Gazeta*” Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- GALBRAITH James** Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the University of Texas (USA)
- NOLAN Peter** Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University (United Kingdom)

Editorial Board of Transactions of the Free Economic Society of Russia

- ALEXEYEV A.V.** Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at Mir Peremen International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)
- BOBINA A.V.** Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Academic Conferences and Nationwide Projects at the VEO of Russia, Candidate of Technical (Moscow, Russia)
- BARSUKOV I.Ye.** Member of the Board of the VEO of Russia, Dean of the Management Faculty at the Academy of Public Administration, Academic Secretary of the Expert Council for Independent Valuation of Economic Education Quality at the VEO of Russia, Candidate of Economics (Moscow, Russia)
- VERENIKIN A.O.** Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Postgraduate Education at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- GOLOV R.S.** Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

- DZARASOV R.S.** Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
- ZOLOTAREV A.A.** Vice President of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg and Leningrad Region interregional organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Executive Vice President of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of Saint Petersburg, Candidate of Economics (Saint Petersburg, Russia)
- MANYUSHIS A.Yu.** Member of the Board of the VEO of Russia, Rector at the International University in Moscow, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)
- RATNIKOVA M.A.** Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)

Содержание

- 21** **НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**
Абалкинские чтения
«Китай и Россия: стратегия партнерства»
(к 70-летию образования КНР)
- 24** *В.И. Богоявленский, И.В. Богоявленский*
Сотрудничество России и Китая в нефтегазовой сфере
- 42** *В.В. Зимин*
Слияния и поглощения в финансовом секторе Китая на современном этапе
- 55** *Г.Б. Клейнер, М.А. Рыбачук*
Системные проблемы и системные решения: Россия и Китай
- 71** *С.А. Луконин*
Россия и Китай: пределы сотрудничества
- 83** *А.Н. Спартак*
Современный масштаб российско-китайского торгово-экономического сотрудничества и перспективы удвоения взаимной торговли к 2024 году
- 109** *Т.Б. Уржумцева*
Алгоритм развития конкурентных преимуществ в сфере туризма в проекте «Один пояс — один путь»
- 127** **Презентация «Доклада о цифровой экономике 2019»**
ЮНКТАД
- 130** *В.Б. Бетелин*
О выгодоприобретателях цифровой экономики
- 144** *М.В. Ершов*
О некоторых проблемах цифровизации

- 152 *Т.В. Ершова*
Работа с данными — основа цифровой экономики
- 169 *Д.Н. Мариничев*
Куда ведут цифровые тренды
- 177** АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ
- 178 *П.В. Арефьев, М.Л. Каретникова, В.А. Мышкина,
Е.М. Хохлова*
Технологические уклады и финансовые институты
- 200 *В.В. Козлов*
Институциональная среда инновационного развития
сельского хозяйства
- 222 *В.А. Пучков*
Исследование основных условий и факторов, влияющих
на систему безопасности жизнедеятельности населения
- 244 *Л.Н. Усенко, А.Н. Тарасов*
Научные основы формирования стратегии государственного
регулирования внешнеэкономической деятельности АПК
- 263** Требования к научным статьям для публикации

Contents

- 21** **SCIENTIFIC DISCUSSIONS**
Abalkin readings
«China and Russia: partnership strategy»
(to the 70th anniversary of the PRC)
- 24** ***V.I. Bogoyavlensky, I.V. Bogoyavlensky***
Cooperation of Russia and China in oil and gas sphere
- 42** ***V.V. Zimin***
Mergers and acquisitions in the financial sector of China at the present stage
- 55** ***G.B. Kleiner, M.A. Rybachuk***
System Problems and system solutions: Russia and China
- 71** ***S.A. Lukonin***
Russia and China: limits of cooperation
- 83** ***A.N. Spartak***
The current scale of Russian-Chinese trade and economic cooperation and prospects for doubling mutual trade by 2024
- 109** ***T.B. Urzhumtseva***
Algorithm for the development of competitive advantages in the tourism sector in the project «one belt — one way»

- 127 PRESENTATION OF UNCTAD (DIGITAL ECONOMY REPORT 2019)**
- 130 **V.B. Betelin**
About the beneficiaries of the digital economy
- 144 **M.V. Ershov**
About some problems of digitalization
- 152 **T.V. Ershova**
Working with data is the basis of digital economy
- 169 **D.N. Marinichev**
Where do digital trends lead us
- 177 **ANALYTICAL ARTICLES**
- 178 **P.V. Arefyev, M.L. Karetnikova, V.A. Myshkina, E.M. Khokhlova**
Technological structures and financial institutions
- 200 **V.V. Kozlov**
The institutional environment of innovative development of agriculture
- 222 **V.A. Puchkov**
Investigation of the main conditions and factors affecting the life safety system of the population
- 244 **L.N. Usenko, A.N. Tarasov**
Scientific bases of state regulation of foreign economic activity of agro-industrial complex strategy formation
- 263 Requirements for publication of academic papers**

НАУЧНЫЕ
ДИСКУССИИ

АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
НА ТЕМУ
«КИТАЙ И РОССИЯ:
СТРАТЕГИЯ ПАРТНЕРСТВА»
к 70-летию образования КНР

12 сентября 2019 года в Доме экономиста состоялись организованные Вольным экономическим обществом России и Международным Союзом экономистов «Абалкинские чтения». Научный форум был посвящен российско-китайским отношениям и приурочен к 70-летию со дня образования Китайской Народной Республики.

Модератор: Д.Е. Сорокин, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

В настоящем разделе представлены статьи, в основу которых легли доклады спикеров Абалкинских чтений.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ COOPERATION OF RUSSIA AND CHINA IN OIL AND GAS SPHERE

БОГОЯВЛЕНСКИЙ ВАСИЛИЙ ИГОРЕВИЧ

Заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник, член-корреспондент РАН, доктор технических наук, заведующий лабораторией, Институт проблем нефти и газа РАН

VASILY I. BOGOYAVLENSKY

Deputy Director for Science, Head Researcher, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences, Head of Laboratory, Oil and Gas Research Institute of RAS

БОГОЯВЛЕНСКИЙ ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ

Научный сотрудник, Институт проблем нефти и газа РАН

IGOR V. BOGOYAVLENSKY

Researcher, Oil and Gas Research Institute of RAS

АННОТАЦИЯ

Выполнен анализ объемов добычи и потребления нефти и газа в Китае, свидетельствующий об остром дефиците углеводородного сырья. Показан резкий рост объемов импорта сжиженного природного газа (СПГ). Дана характеристика основных проектов СПГ в России с участием китайских инвесторов. Отмечен возможный сценарий развития «газогидратной революции», инициируемой Китаем и Японией. Проанализированы основные положения «Арктической политики Китая».

ABSTRACT

An analysis of volumes of oil and gas production and consumption in China is carried out, indicating urgent lack of hydrocarbon resources. Abrupt growth in volumes of import of liquefied natural gas (LNG) is shown. The main LNG projects in Russia with the participation of Chinese investors are characterized. A possible scenario of the development of the «gas hydrate revolution» initiated by China and Japan is noted. The main points of the «China's Arctic Policy» are analyzed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Рациональное природопользование, нефтегазодобыча, Ямал СПГ, сжиженный природный газ, сланцевый газ, газовые гидраты, «Арктическая политика Китая».

KEY WORDS

Rational nature management, oil and gas production, Yamal LNG, liquefied natural gas, shale gas, gas hydrates, «China's Arctic Policy».

Работа выполнена по государственному заданию по теме «Рациональное природопользование и эффективное освоение нефтегазовых ресурсов арктической и субарктической зон Земли» (№ АААА-А19-119021590079-6).

ДОБЫЧА И ПОТРЕБЛЕНИЕ НЕФТИ И ГАЗА В КИТАЕ

Активно развивающийся топливно-экономический комплекс (ТЭК) Китая испытывает сильный дефицит углеводородного сырья (УВС), в связи с этим китайские компании проявляют большую активность по вхождению в зарубежные проекты нефтегазового профиля, а рынок Китая представляет огромный интерес для российской нефтегазодобывающей отрасли [1–17]. Для России в сложившейся непростой геополитической ситуации диверсификация рынков сбыта является важнейшей стратегической задачей.

Ввод в эксплуатацию в 2009 и 2012 гг. ПАО «Транснефть» двух этапов нефтепровода ВСТО (Восточная Сибирь — Тихий океан) от Тайшета до нефтеналивного порта Козьмино в заливе Находка (4740 км) и ответвления Сковородино-Мохэ открыл новую историю поставок российской нефти в Китай и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Отрадно, что при прокладке маршрута трубопровода ВСТО были учтены рекомендации РАН, доложенные в 2006 г. академиком Н.П. Лаверовым Президенту В.В. Путину. В итоге трубопровод удалился от Байкала с его сейсмоопасными зонами, прошел рядом с месторождениями Иркутской области и Якутии и сделал их привлекательными для разработки.

Практически завершена модернизация трубопроводов ВСТО, позволившая довести пропускную способность участков Тайшет-Сковородино (ВСТО-1) и Сковородино-Козьмино (ВСТО-2) до 80 и 50 млн т в год, а Сковородино-Мохэ (в Китай) — 30 млн т. В 2010 г. из Козьмино было экспортировано по морю 15,3 млн т нефти, а в 2017 и 2018 гг. — 31,7 и 30,4 млн т (около 80% — в Китай). 8 июня 2018 г. был преодолен рубеж накопленного экспорта

200 млн т. По официальным данным ПАО «Транснефть» за 10-летний период работы (2009–2019 гг.) из Козьмино отгружено 239,7 млн т нефти на 2388 танкерах.

Добыча нефти в Китае достигла пикового значения 214,6 млн т в 2015 г., после чего началось ее снижение (рис. 1а). В 2018 г. она составила 189,1 млн т, что на 1,3% ниже 2017 г. (191,5 млн т) и почти на 12% ниже, чем в 2015 г. При этом в 2018 г. объем потребления достиг 641,2 млн т, что на 5% выше 2017 г. (610,7 млн т). Объем импорта вырос на 10,1% до рекордного уровня 452 млн т (70,5% потребления).

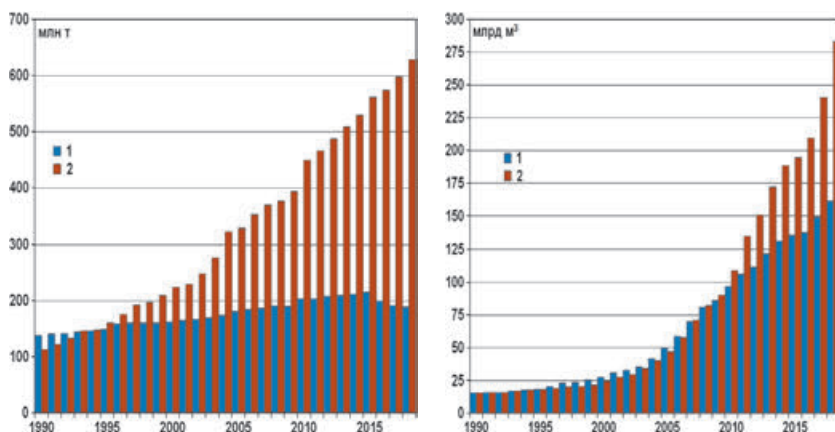

Рис. 1. Добыча (1) и потребление (2) нефти (а) и газа (б) в Китае (по данным [9])

Россия является одним из основных поставщиков нефти в Китай. В 2018 г. поставки достигли 71,5 млн т [8], в том числе по нефтепроводу ВСТО из Сковородино в Мохэ — около 30,9 млн т (в 2017 г. — 16,5 млн т). Судя по предварительным результатам, в 2019 г. добыча нефти в Китае вырастет примерно на 1%, однако это гораздо ниже роста потребления.

В восьмилетний период 2010–2018 гг. средний прирост добычи газа в стране составлял 8,1 млрд м³, а потребление росло в среднем на 21,3 млрд м³ (рис. 1б). В 2017 и 2018 гг. добыча росла ускоренными темпами на 11,3 и 12,3 млрд м³ (на 8,2%) и достигла 149,2 и 161,5 млрд м³, однако темпы роста потребления были еще выше — 31 и 42,6 млрд м³ (на 14,8 и 17,7%). В итоге доля импорта газа выросла с 11,4% в 2010 г. до 43,4% в 2018 г. Около 39,4% (47,9 млрд м³) было поставлено по газопроводам, а остальные 60,6% (73,5 млрд м³) газозамами СПГ. Рост импорта составил 30,7%, а закупок СПГ — рекордные 38,8%. В период 2010–2018 гг. объемы импорта СПГ увеличились в 5,7 раз.

В 2010 г. Исследовательский институт экономики и технологий CNPC (Research Institute of Economics and Technology CNPC — RIET CNPC) рассчитал прогнозные сценарии развития потребления газа в Китае по сценариям высокого, базового и низкого роста (рис. 2) [2, 16]. По данным ВР и других источников фактическое потребление газа в 2010–2017 гг. отставало от данных модели пессимистичного сценария низкого роста (см. рис. 2.4) [9, 14]. Однако уже в 2017 г. произошел значительный рост объемов потребления газа до 240,4 млрд м³, что сблизило кривые 4 и 3. В 2018 г. потребление газа в Китае достигло 283 млрд м³ — на 17,7% (на 42,6 — млрд м³) больше, чем в 2017 г. (см. рис. 1б и 2). По этому показателю Китай занял второе место после США (78 млрд м³). В итоге фактическое потребление (рис. 2.4) вплотную приблизилась к кривой высокого роста (рис. 2.1). Предполагается, что в 2019 г. потребление вырастет примерно на 10% и достигнет 310 млрд м³, что превысит сценарий высокого роста на 3,3% (см. рис. 2), а в 2020 г. — возможен рост до 335 млрд м³ [11].

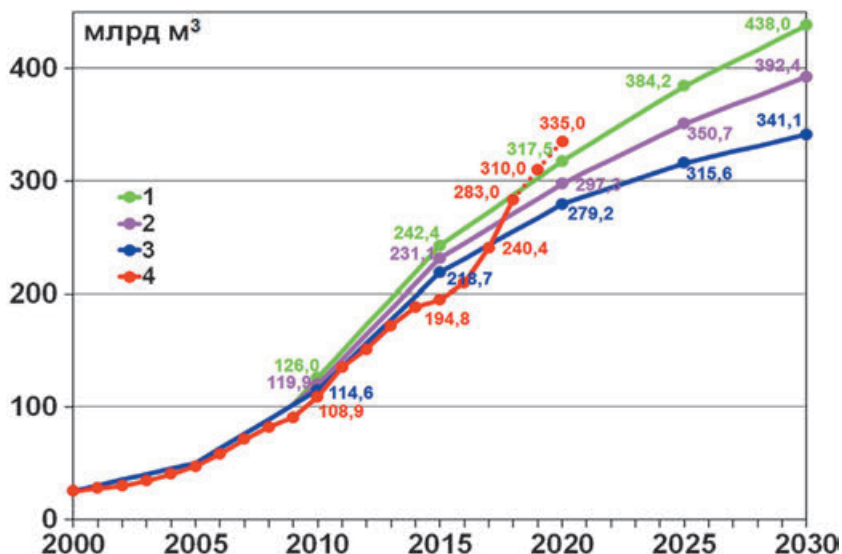

Рис. 2. Прогнозные и фактические данные потребления газа в Китае.

Обозначения: 1, 2 и 3 — сценарии высокого, базового и низкого роста [16], 4 — фактическое потребление газа (2019 и 2020 гг. — прогноз).

В 2018 г. Китай закупил 54 млн т СПГ (73,5 млрд м³) — на 12,7 млн т больше, чем в 2017 г. (рис. 3). При этом он второй год опережает Южную Корею (44 млн т/60,2 млрд м³) и занял второе место по импорту СПГ (17,1%) после Японии (82,8 млн т/113 млрд м³). Основные поставщики СПГ в Китай — Австралия и Катар (61%). Поставки СПГ из России составили всего 1,3 млрд м³ (1,8%), а из США — 3 млрд м³ (4,1%). Трубопроводные поставки газа в 2018 г. были преимущественно (93,9%) из трех стран СНГ: Туркменистан — 69,5% (33,3 млрд м³), Узбекистан — 13,1% (6,3 млрд м³) и Казахстан — 11,3% (5,4 млрд м³) [9].

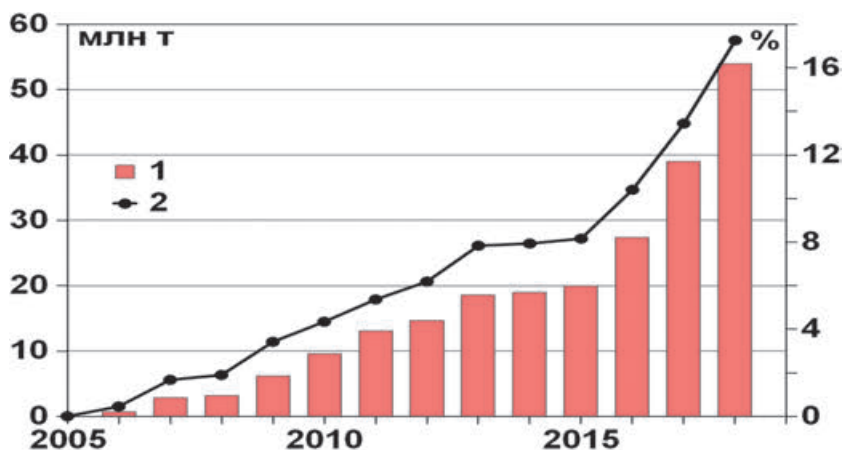

Рис. 3. Объемы закупок Китаем СПГ (1) и их доля в объеме мирового производства (2)

2 декабря 2019 г. ПАО «Газпром» по 30-летнему контракту с CNPC планирует начать поставки Чаяндинского газа по трубопроводу «Сила Сибири», проложенному параллельно нефтепроводу ВСТО, с выходом на границу через Амурский газоперерабатывающий завод и г. Благовещенск. Первая очередь трубопровода имеет длину 2157 км, диаметр 1420 мм и пропускную способность до 38 млрд м³ с возможностью расширения.

В заключение добавим, что в ТЭК Китая традиционно ведущую роль играет уголь.

Китай в Российской Арктике

Китайская нефтяная и химическая корпорация SINOPEC (China Petroleum & Chemical Corporation) и Китай-

ская национальная нефтегазовая корпорация CNPC (China National Petroleum Corporation) в 2018 г. заняли 2-е и 4-е места по рейтингу Fortune Global 500, основанному на оценке объема выручки, соответственно 414,6 и 393 млрд долл. [13]. Растущий дефицит УВС в Китае стимулирует активность китайских компаний и инвестиционных фондов к вхождению в зарубежные проекты.

Российская Арктика обладает широким спектром различных полезных ископаемых, среди которых особенно выделяются богатые ресурсы углеводородов и угля. Кроме того, в Российской Арктике проходит Северный морской путь (СМП) — уникальная транспортная магистраль, связывающая не только все северные регионы страны, но и страны Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы. Все это в совокупности делает отечественные арктические проекты очень привлекательными для китайских компаний и инвестфондов.

Среди российских арктических проектов освоения ресурсов углеводородов особенно выделяются два, ориентированные на производство сжиженного природного газа (СПГ). Первый из них, проект «Ямал СПГ» ПАО «НОВАТЭК», — по сложности реализации в Арктике, масштабам и скорости строительства не имеет аналогов в мире. Его успешный запуск, несмотря на тяжелые природно-климатические условия и санкционные ограничения, подтвердил возможность развития производства российского СПГ в Арктике. Богатая ресурсная база полуостровов Ямал и Гыданский позволяет планировать строительство новых заводов с общей мощностью производства до 50–80 млн тонн СПГ в год.

Завод «Ямал СПГ» (рис. 4), построенный в порту Сабетта, отгрузил первую партию газа Южно-Тамбейского месторождения (запасы около 1 трлн м³) 8 декабря 2017 г. В авгу-

Рис. 4. Завод «Ямал СПГ» в Сабетте и загрузка двух газозовозов (фото В.И. Богоявленского из вертолета 14 августа 2019 г.)

сте и декабре 2018 г. начали работать 2-я и 3-я линии завода, в результате чего он уже около года работает на полную мощность 16,5 млн т в год (три линии по 5,5 млн т). 14–16 августа 2019 г. в составе 273 партии на газозовоз «Владимир Воронин» была отгружена 20-миллионная тонна СПГ (см. рис. 4). Подробная информация о проекте приведена в наших работах [2–5].

Китай контролирует в «Ямал СПГ» 29,9% долю, из которой 20% принадлежат Китайской национальной компании по разведке и разработке нефти и газа CNODC (China National Oil and Gas Exploration and Development Corporation — 100% дочернее предприятие CNPC) и 9,9% — Фонду Шелкового Пути (Silk Road Fund). 19 июля 2018 г. первые две партии СПГ были поставлены по СМП газозовозами ледового класса Arc7 «Владимир Ру-

санов» и «Эдуард Толль» в Китай на регазификационный терминал в порту Цзянсу Жудун. Чистое время в пути составило 19 суток, что почти в два раза быстрее, чем через Суэцкий канал.

Проект «Арктик СПГ-2» [1] предусматривает строительство трех линий производства СПГ общей мощностью 19,8 млн т в год (по 6,6 млн т) на основе газа Утреннего месторождения (запасы около 2 трлн м³), расположенного на побережье полуострова Гыданский (в 70 км к востоку через Обскую губу). Несмотря на почти 19% большую мощность по сравнению с заводом «Ямала СПГ» новый завод обойдется примерно в 21 млрд долл., что на 22% дешевле первого (27 млрд долл.). Такой результат достижим благодаря размещению трех линий на трех гравитационных платформах, широкому использованию российских технологий и строительству завершенных конструкций завода на верфи в Кольском заливе. Первый экспорт СПГ запланирован на 2023 г.

Две китайские компании CNODC и CNOOC (China National Offshore Oil Corporation — Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация) вошли в апреле 2019 г. в проект ПАО «НОВАТЭК» «Арктик СПГ-2», получив по 10% акций.

Китайские корпорации и банки рассматривают ряд других проектов в России. В частности, в 2017 г. Эксимбанк КНР (China Exim Bank/Export-Import Bank of China — Экспортно-импортный банк Китая) и компания Poly International Holding Co. объявили о готовности вложить 5,5 млрд долл. в строительство железнодорожной магистрали «Белкомур» (от Белого моря через Республику Коми на Урал) и глубоководного порта в г. Архангельске [6].

КИТАЙ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ УВС

Руководство Китая задействовало различные внутренние и внешние источники УВС, чтобы обеспечить собственную энергетическую безопасность и максимальную ценовую конкуренцию экспортеров [2]. В частности, в 2014 и 2018 гг. закупки СПГ осуществлялись в 17 и 20 странах [9]. Активно растущие потребности в УВС привели к реализации проектов освоения нетрадиционных углеводородов, включая тиражирование «сланцевой революции» и развитие технологий добычи газа из субаквальных залежей газовых гидратов.

В 2013–2015 гг. Управление энергетической информации США — EIA (U.S. Energy Information Administration) провело сравнительный анализ мировых технически извлекаемых ресурсов сланцевого газа, согласно которому мировым рекордсменом является Китай, имеющий 31,6 трлн м³ (14,7% от мировых, в 1,8 раза больше, чем в США) [15,17]. В Китае, как и в США, сланцевые нефть и газ способны внести огромный вклад в энергетическую независимость страны [2].

Китай освоил и совершенствует американские технологии добычи сланцевого газа. В июне 2019 г. авторы данной статьи побывали в Пекине и познакомились с работой двух крупных (более 1000 сотрудников) институтов: Научно-исследовательского института разведки и разработки нефти СИНОПЕК (SINOPEC Petroleum Exploration and Production Institute — SINOPEC PEPRIS) и Института геологии и геофизики Китайской академии наук (Institute of Geology and Geophysics of China Academy of Sciences — IGG CAS). Поводом для поездки послужило приглашение прочесть цикл лекций, поступившее от академика Цзинь Чжицзюнь, руководящего Государственной ключевой лабораторией

ей механизма аккумуляции и эффективной разработки сланцевых нефти и газа SINOPEC PEPRIS. Само название данной лаборатории и ее большой штат (85 сотрудников) свидетельствуют, что одним из основных стратегических направлений Китая является освоение нетрадиционных сланцевых углеводородов.

Не за горами «газогидратная революция», подготовка которой ведется в Китае и Японии, в чем мы убедились, побывав в этих странах и посетив ряд научных организаций [5]. В мае 2017 г. Китай осуществил успешную пробную добычу газовых гидратов со дна Южно-Китайского моря. Добыча газа велась в течение восьми дней, при этом было извлечено 120 тыс. м³ при максимальном дебите 20 тыс. м³/сут. Отметим, что первоначальные дебиты из вертикальных скважин в сланцевых коллекторах были также около 5–20 тыс. м³/сут. Не вызывает сомнений, что дебиты газа из гидратных залежей могут быть многократно увеличены за счет бурения горизонтальных скважин, как и при разработке сланцевых месторождений. Возможно, что промышленная разработка залежей газогидрата начнется в 2023 г.

КИТАЙСКИЕ КОМПАНИИ НА ШЕЛЬФЕ РОССИИ

Китайские научно-исследовательские институты и нефтегазовые компании проявляют большой интерес к проведению в различных регионах Арктики научных исследований, включая геолого-геофизические, экологические и природно-климатические. Китайский ледокол (исследовательское судно) Хуе Лонг («Снежный Дракон», рис. 5), построенный в 1993 г. на Херсонском судостроительном заводе на Украине, осуществил 9 самостоятельных экспедиций в Арктику и 22 в Антарктику.

Рис. 5. Китайский «Снежный дракон» в Арктике (tvzvezda.ru)

В ходе 90-дневной арктической экспедиции в 2012 г. он прошел по СМП [7], а 2 января 2014 г. принял участие в эвакуации экипажа судна «Академик Шокальский», зажатого льдами в Антарктике. В 2017 г. Xue Long впервые прошел через Северо-Западный проход вдоль северного побережья Канады. В июле 2019 г. был принят в эксплуатацию ледокол, построенный в Шанхае и получивший название Xue Long — 2.

Позитивно развивается совместное научное сотрудничество России и Китая. В 2019 г. состоялась первая совместная экспедиция ИО РАН и Национальной лаборатории по морской науке и технике Циндаона на шельфе Арктики. С 2013 г. Китай активно участвует в деятельности Арктического Совета в качестве одной из 13 стран — наблюдателей.

Высока роль китайских компаний при проведении геологоразведочных работ (ГРР) на шельфе России. Сложившийся в России дефицит технических средств ГРР длительное время компенсируется привлечением китайских плавучих буровых установок (СПБУ и ППБУ) и судов для сейсморазведки 3D. В частности, компания COSL (China Oilfield Services Ltd.) по заказам российских компаний бурила скважины с ППБУ NANHAI-8 (построена в Южной Корее в 1983 г.) в 2016 г. на шельфе Сахалина (Южно-Лунская-1 и Дукцинская-1), а в 2017–2018 гг. — в Карском море (Ленинградская-3 и Русановская-6).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившееся научное и деловое сотрудничество России и Китая носит долговременный, обоюдовыгодный и прагматичный характер. Китай снижает «накал страстей», вызванных санкциями, и частично компенсирует сложившийся дефицит новых технологий и долговременных инвестиций в Российскую индустрию. При этом Китай получает доступ к гигантским ресурсам полезных ископаемых, включая УВС, и приобретает статус реального активного участника деловых и политических событий в Арктике.

В 2018 г. пресс-канцелярией Госсовета КНР была опубликована «Арктическая политика Китая» («Белая книга Китая»), являющаяся по размерам и сути — брошюрой с декларацией стратегии Китая (менее детально, чем в «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»). В «Арктической политике Китая» отмечается, что «использование морских маршрутов, а также разведка и разработка ресурсов в Арктике могут оказать огромное влияние на энергетиче-

скую стратегию и экономическое развитие Китая, который является крупнейшей торговой державой и потребителем энергии в мире... Китайский капитал, технологии, рынок, знания и опыт Китая будут играть важную роль в расширении сети маршрутов судоходства в Арктике и в содействии экономическому и социальному развитию прибрежных государств, расположенных вдоль этих маршрутов» [10].

Китай «давно занимается арктическими делами... принимает активное участие в трансрегиональных и глобальных проблемах в Арктике, особенно в таких областях, как изменение климата, окружающая среда, научные исследования, использование маршрутов судоходства, разведка и освоение ресурсов, безопасность и глобальное управление». При этом особенно важно, что «Китай отдает приоритет научным исследованиям, подчеркивает важность защиты окружающей среды, рационального использования, правового управления и международного сотрудничества и обязуется поддерживать мирный, безопасный и стабильный арктический порядок» [10].

Библиографический список

1. «Арктик СПГ 2» — очередной проект «НОВАТЭКа», связанный с производством сжиженного природного газа. Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК» <http://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/>
2. Богоявленский В.И., Баринев П.С., Богоявленский И.В., Якубсон К.И. Газовая революция в Китае // Бурение и нефть 2016, № 11, с. 3–14.
3. Богоявленский В.И. «Ямал СПГ»: реализован уникальный международный проект в Российской Арктике // Арктические ведомости, № 1 (24), 2018, с. 24–29.

4. Богоявленский В.И. Газ Арктики — драйвер экономического роста России // Арктические ведомости, № 2 (27), 2019, с. 58–67.
5. Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Арктика и Мировой океан: глобальные и российские тренды развития нефтегазовой отрасли // Аналитические материалы МАЭФ. Труды Вольного экономического общества России, 2019, т. 218, с. 152–179.
6. В Пекине презентовали проекты «Белкомура» и глубоководного района порта Архангельск. ТАСС, 4 сентября 2017 г. <https://tass.ru/ekonomika/4529950>
7. Китай официально заявил о намерении создать Полярный Шелковый путь в Арктике / Интерфакс, 26 января 2018 г. <https://www.interfax.ru/russia/597217>
8. Третьяков Е. Новый нефтяной путь. Как Азиатско-Тихоокеанский регион становится главным рынком для российских нефти и газа. Ведомости, 03.09.2019. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/09/03/810153-novii-neftyanoi-put>
9. BP Energy Outlook 2019. 141 p.
10. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. First Edition 2018. http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm
11. China's gas demand growth rate to slow in 2019, government report shows. CNBC, 2.09.19 <https://www.cnbc.com/2019/09/02/chinas-gas-demand-growth-rate-to-slow-in-2019-government-report-shows.html>
12. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. Jan. 2018. First Edition 2018. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm.
13. Fortune Global 500, 2018. <https://fortune.com/global500/2019/>
14. Zhaofang D. China's Natural Gas Market Outlook 2010. Research Institute of Economics and Technology CNPC, 2010.– 35 p.
15. International Energy Outlook 2016» // EIA [http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484(2016).pdf)

16. Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States. U.S. Energy Information Administration. June 2013. https://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas/archive/2013/pdf/fullreport_2013.pdf
17. World Shale Resource Assessments. September 24, 2015 <https://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas/>

References

1. “Arctic LNG 2” – new project of NOVATEK, connected with production of liquefied natural gas. Official website of NOVATEK <http://www.novatek.ru/ru/business/arctic-lng/>
2. Bogoyavlensky V.I., Barinov P.S., Bogoyavlensky I.V., Yakubson K.I. Gas revolution in China // *Drilling and oil* 2016. No. 11. p. 3–14.
3. Bogoyavlensky V.I. “Yamal LNG”: Unique international project has been realized in the Russian Arctic // *Arctic news*. No. 1 (24). 2018. p. 24–29.
4. Bogoyavlensky V.I. Gas of the Arctic – driver of the economic growth of Russia // *Arctic news*. No. 2(27). 2019. p. 58–67.
5. Bogoyavlensky V.I., Bogoyavlensky I.V. The Arctic and the World Ocean: global and Russian trends of development of petroleum industry // *Analytical materials of MAEF. Transactions of Free Economic Society of Russia*. 2019. v. 218. p. 152–179.
6. The projects of Belkomur and the deep area of the port of Arkhangelsk were presented in Beijing. TASS. 4 September 2017. <https://tass.ru/ekonomika/4529950>
7. China has officially announced about the plan of creating the Polar Silk Road in the Arctic. Interfaks. 26 January 2018. <https://www.interfax.ru/russia/597217>
8. Tretiakov E. New petroleum route. How Asian-Pacific region is becoming the main market for Russian oil and gas. Ve-

- domosti. 03.09.2019. <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/09/03/810153-novii-neftyanoi-put>
9. BP Energy Outlook 2019. 141 p.
 10. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. First Edition 2018. http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm
 11. China's gas demand growth rate to slow in 2019, government report shows. CNBC. 2.09.19 <https://www.cnbc.com/2019/09/02/chinas-gas-demand-growth-rate-to-slow-in-2019-government-report-shows.html>
 12. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. Jan. 2018. First Edition 2018. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm.
 13. Fortune Global 500. 2018. <https://fortune.com/global500/2019/>
 14. Zhaofang D. China's Natural Gas Market Outlook 2010. Research Institute of Economics and Technology CNPC. 2010. — 35 p.
 15. International Energy Outlook 2016 // EIA [http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484\(2016\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/ieo/pdf/0484(2016).pdf)
 16. Technically Recoverable Shale Oil and Shale Gas Resources: An Assessment of 137 Shale Formations in 41 Countries Outside the United States. U.S. Energy Information Administration. June 2013. https://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas/archive/2013/pdf/fullreport_2013.pdf
 17. World Shale Resource Assessments. September 24. 2015 <https://www.eia.gov/analysis/studies/worldshalegas/>

Контактная информация

Василий Игоревич Богоявленский

e-mail: vib@pgc.su

Игорь Васильевич Богоявленский

e-mail: igorbogoyavlenskiy@gmail.com

СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ В ФИНАНСОВОМ СЕКТОРЕ КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

MERGERS AND ACQUISITIONS IN THE FINANCIAL SECTOR OF CHINA AT THE PRESENT STAGE

ЗИМИН ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, аспирант

VLADISLAV V. ZIMIN
Financial University under the Government
of the Russian Federation, graduate student

АННОТАЦИЯ

Неуклонно развивается экономика Китая. Растет влияние китайских предприятий на мировой арене, в том числе в финансовом секторе. По некоторым оценкам международных экспертов, до 2027 года страна направит \$1,5 трлн на инвестиции за рубеж и приобретение активов по всему миру.

Однако в 2018 – 2019 гг. наметился спад активности Китая по данному направлению. В статье подробно освещены особенности сделок слияний и поглощений на этапе, предваряющем этот спад, а также представлен прогноз развития данных сделок в ближайшем будущем.

ABSTRACT

China's economy is developing steadily. The influence of Chinese enterprises on the world stage, including in the financial sector, is growing. According to some estimates of international experts, by 2027 the country will direct \$1.5 trillion to invest abroad and acquire assets around the world. However, in 2018-2019 gg., there has been a decline in China's activity in this direction. The article details the features of mergers and acquisitions at the stage preceding this recession, and also presents a forecast for the development of these transactions in the near future.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Динамика иностранных инвестиций в КНР, экономика Китая, мировой рынок сделок, финансовый рынок.

KEY WORDS

The dynamics of foreign investment in China, the Chinese economy, the global transaction market, the financial market.

Влияние китайских предприятий на мировой арене постоянно растет с неуклонным развитием национальной экономики, что особенно заметно на примере рынка слияний и поглощений, который с 2011 по 2016 год ощутимо вырос.

В среднем рост составил 16,69% в год, количество закрытых сделок M&A с участием китайских компаний увеличивалось соответственно на 12,22%. На сегодняшний день КНР является одним из главных участников мирового рынка сделок слияний и поглощений. На конец 2016 года объ-

ем международных сделок с участием китайских компаний достиг более 240 млрд долларов против 102 млрд в прошлом году, согласно Bloomberg. Таким образом, страна занимает второе место после Соединенных Штатов, которые лидируют по совокупному объему сделок M&A, составляющему чуть меньше, чем 350 млрд долларов.

Согласно прогнозам, за 2017–2027 годы Китай планирует серьезно увеличить свою международную деловую активность — до конца десятилетия КНР направит более 1,5 трлн долларов на зарубежные инвестиционные проекты и приобретение иностранных активов (по прогнозу международной юридической компании Linklaters). Это на две трети больше, чем почти 900 млрд долларов, которые Китай направил за рубеж за 2007–2016 гг.

Международная бизнес-экспансия Китая началась с закупок сырья для так называемой старой экономики — фабрик и заводов. По мере роста ВВП КНР увеличивался и интерес страны к иностранным активам. Китайские инвесторы включились в глобальную борьбу за технологические компании, которые способны развить «новую экономику», базирующуюся не на экспорте, а на внутреннем спросе. Если раньше большинство M&A-сделок с китайским участием приходилось на госкорпорации, приобретающие энергетические и сырьевые предприятия, то сейчас они стали стремиться войти в капитал производителей микропроцессоров и компаний, занимающихся развитием агротехнологий. В структуре зарубежных сделок по слияниям и поглощениям с участием китайских компаний все менее заметной становится доля государственных предприятий, хотя еще в 2010 г. их доля в таких сделках составляла 90% [1].

Главными препятствиями в деятельности компаний из КНР за рубежом выступает противодействие ряда государств в сфере допуска иностранных инвестиций в значимые как со стороны национальных интересов, так и со стороны национальной безопасности проекты, связанные с топливно-энергетическим комплексом, производством с высокими расходами на НИОКР. По итогам 2016 года общая сумма отмененных сделок с китайскими компаниями достигла 40–75 млрд долларов по оценке Linklaters. Основными причинами срыва уже согласованных сделок являлись блокировки регуляторных органов, а также отмена инвесторами изначальных планов.

Другим серьезным барьером для китайских компаний является политика властей КНР касательно оформления значительных иностранных сделок. Зачастую китайское правительство рассматривает такие сделки как несущие потенциальную угрозу для банковской системы страны (как правило, в связи с увеличением заимствований, вытекающих из расчетов контрагентов с компаниями-приобретателями) и, как следствие, всей экономической системы. Стоит отметить, что китайское правительство все чаще блокирует сделки, не являющиеся профильными для китайских компаний (к примеру, связанные с развлечениями или недвижимым имуществом) и являющиеся «нерациональными» проектами для инвестиций. Помимо этого, барьером для китайской активности на международном рынке является усиливающийся регуляторный контроль над денежными переводами в юанях для прекращения их оттока за границу. Для компаний из Китая согласование транзакций с иностранными контрагентами зачастую требует значительных сроков, что может высту-

пать причиной отмены уже согласованных сделок. Особенно остро данная проблема проявилась в тот момент, когда зарубежные фирмы начали прописывать в рамках договоров значительные денежные санкции за несвоевременное исполнение условий контракта. Следствием незавершенной сделки являются крупные убытки, которые несет китайская компания при сделке M&A. Для китайского традиционного подхода такое положение вещей неприемлемо, но на международном рынке плата за отмену трансграничной сделки уже стала трендом.

Так, в 2015 г. сделка M&A между Electrolux и General Electric не удовлетворила требованиям антимонопольного законодательства, и Electrolux вынуждена была выплатить \$175 млрд. Однако китайские компании демонстрируют высокий уровень приспособляемости к новым условиям — так, когда китайская Haier приобретала бизнес General Electric по производству бытовой техники, корпорация учла этот момент, и сделка прошла успешно. Компенсации за несостоявшуюся сделку — это не единственная практика, которая идет вразрез с традициями и устоями Китая или противоречит китайской деловой этике. При совершении сделок слияния и поглощения за рубежом китайские компании могут столкнуться с разницей в политических установках и законодательстве, рыночной среде, с другими нормами поведения, экологических стандартов, другими положениями интеллектуального права и трудового законодательства [2].

Значительным фактором, влияющим на китайскую иностранную деловую активность, является снижение курса юаня, и, как следствие — увеличение стоимости зарубежных активов для китайских покупателей. За 2018–2019 гг.

юань ослаб к доллару в большей степени, чем любая другая азиатская валюта — на 12,5%. Стоит отметить, что продолжительное снижение курса юаня увеличивает привлекательность сделок внутри КНР.

Следует обратить внимание на то, что инвестиционное сотрудничество России с КНР снижается. Согласно информации Минкоммерции Китая, в 2016 году китайские прямые инвестиции в Российскую Федерацию сократились на четверть и составили около 547 млн долларов, в то время как совокупные российских прямые инвестиции в Китай сократились более чем на 60% и составили 4,98 млн долларов.

Совокупный объем финансовых вложений КНР в экономику России более чем в девять раз больше, чем обратные финансовые вложения России в Китай. Так, на начало 2017 года совокупные накопленные прямые российские инвестиции в КНР составили около 1 млрд долларов, а аналогичные китайские инвестиции в России — 9,5 млрд долларов [3]. По сравнению с другими регионами, даже Северной Америкой и Европой, финансовые риски в России для китайских инвесторов одни из самых низких в мире. Отчасти это объясняется значительными колебаниями обменного курса юаня по отношению к доллару США со второй половины 2016 года по сравнению с курсом юаня по отношению к рублю.

Уже в 2017 году объем иностранных сделок M&A, в которых участвуют китайские фирмы, снижается. С начала года совокупный объем таких сделок достиг 112 млрд, что на 30% меньше, чем за аналогичный период 2016 года. Предыдущий год был рекордным в части зарубежных сделок слияний и поглощений китайских компаний — они приоб-

рели активы за границей на более чем 200 млрд долларов. Главная причина такого уменьшения — ужесточение экономической политики КНР касательно правил осуществления иностранных инвестиций для того, чтобы остановить вывод капитала из Китая. Правительство стало гораздо пристальнее проверять зарубежные приобретения китайских компаний. Помимо этого, были разработаны правила, устанавливающие ограничения на покупку неключевых иностранных активов. Так, в июле стало известно, что Пекин собирается ограничить иностранные приобретения крупнейшего девелопера в КНР — Dalian Wanda Group. Власти требуют от китайских банков не финансировать подобные сделки фирмы, а также не принимать зарубежное имущество в качестве обеспечения финансирования.

Наибольшее снижение показал объем китайских сделок в США — 86 сделок на почти 10 млрд долларов в 2017 г. против 118 сделок более чем на 30 млрд долларов в 2016 г. Кроме того, американские власти, в том числе специальный комитет по иностранным инвестициям при Министерстве финансов США (CFIUS), стали жестче проверять сделки с участием китайских компаний. Это происходит на фоне заявлений президента США Дональда Трампа о защите американского производства и ухудшении торговых отношений двух стран. Показательным кейсом является указ Трампа, блокирующий покупку американского производителя микросхем Lattice Semiconductor компаниями, в число которых входит китайская государственная корпорация China Venture Capital Fund Corporation Limited.

К сделкам, отмененным или приостановленным из-за давления властей, относится, например, приобретение китайской Shandong Tian Home доли участия в австра-

лийских золотых месторождениях за 1,3 млрд долларов, а также покупка Dalian Wanda Group продюсерской компании Dick Clark Productions за 1 млрд долларов. Еще один пример — китайский производитель молочных продуктов Inner Mongolia Yili Industrial Group сделал предложение компании Danone о покупке у нее американского производителя йогурта Stonyfield Farm за 900 млн долларов. Но Danone приняла решение продать Stonyfield дешевле на 25 млн долларов французской компании Lactalis [4].

Крупнейшим успешным зарубежным поглощением с участием китайской компании стала сделка ChinaChem, которая летом 2017 года купила Syngenta AG, швейцарского производителя агрохимических товаров за \$43 млрд.

Китайские предприятия часто недостаточно точно и детально разрабатывают стратегии зарубежного инвестирования и ведения бизнеса. Они неэффективно собирают информацию о законодательных особенностях, политике и рыночной конъюнктуре страны, в которой планируют вести деятельность. При выходе на рынок часто действуют вслепую и пренебрегают особенностями международного и отечественного финансового рынка. Инвестиционные решения бывают неэффективны и не отвечают необходимым требованиям. В управлении рисками и реагировании на негативные обстоятельства китайские предприятия демонстрируют недостаточную эффективность, им не всегда удается наладить хорошие отношения с профсоюзами. В выполнении социальных обязательств предприятия действуют недостаточно активно.

В 2018 году Индия опередила Китай по активности сделок M&A — иностранные покупатели сейчас тратят в этой стране больше, чем в Китае, пишет The Wall Street Journal.

Сумма приобретений зарубежных инвесторов в Индии оказалась больше, чем в Китае. Покупатели потратили \$39,5 млрд в Индии по сравнению с \$32,8 млрд в Китае, где рост замедляется на фоне продолжающихся торговых споров с США. В декабре китайский интернет-гигант Tencent присоединился к южноафриканской медиа- и интернет-компаниям Naspers в раунде финансирования индийского сервиса доставки еды Swiggy на \$1 млрд [5].

Агентство Thomson Reuters подвело итоги динамики рынков капитала, M&A и IPO в 2018 году. Общий объем слияний и поглощений составил \$4 трлн, ранее этой отметки рынок достигал лишь дважды с 1980 года. Аналитики отмечают, что значительный вклад в активность мирового рынка M&A в 2018 году, увеличившегося на 19% по сравнению с 2017 годом, внесли мегасделки (на сумму более \$5 млрд). Их в прошлом году было заключено в общей сложности на \$1,5 трлн — это на 51% больше, чем годом ранее. 123 мегасделки составили в общей сложности 38% от общемирового объема рынка слияний и поглощений, что на 30% больше, чем годом ранее. Значительный рост показали и трансграничные сделки M&A — их было заключено на общую сумму \$1,6 трлн, что на 32% больше, чем в 2017 году. Кроме того, объем сделок оказался рекордным с 2007 года. Больше всего слияний и поглощений было совершено в США — на \$1,7 трлн, это на 32% больше, чем годом ранее. Европейские компании заключили сделок M&A на \$1 трлн, что также на 32% больше, чем в 2017 году. Это 11-летний рекорд для Европы. На третьем месте оказался азиатский рынок M&A со сделками на общую сумму \$900 млрд — на 4% меньше, чем годом ранее. Активнее всего поглощали друг друга или объединялись энергетические

компании — 17,5% от общего объема всех M&A, компании высокотехнологического сектора (12,6%), компании, работающие в области здравоохранения (10,8%), промышленные компании (10,5%) [6].

За август 2019 г. в Китае были заключены 111 сделок слияний и поглощений. Это на 32,3% меньше, чем за август 2018 г., как сообщает китайский исследовательский институт Zero2IPO Research. В частности, объем по 84 августовским сделкам, информация о которых уже опубликована, снизился на 84% в годовом сопоставлении. Наибольшее число сделок слияния и поглощения заключено в сфере химических материалов и переработки. На втором месте находятся отрасли недвижимости и машиностроения, а на третьем — сектор пищевых продуктов и напитков. Ранее сообщалось, что за январь-июль 2019 г. прямые нефинансовые инвестиции Китая на территории 153 стран достигли 432,92 млрд юаней (\$61,6 млрд). Это на 3,3% больше, чем годом ранее. Только за июль текущего года прямые нефинансовые инвестиции КНР за рубежом достигли 68,06 млрд юаней. Они выросли на 25,5% в годовом сопоставлении [7]. В 2018 г. Китай фактически использовал иностранные инвестиции в объеме \$138,3 млрд, что обеспечивает первое место в мире по данному показателю среди развивающихся стран.

Также возрастает интерес крупнейших китайских конгломератов к зарубежным компаниям финансового сектора с целью их поглощения. За последние 20 лет количество M&A-сделок Китая в финансовом секторе возросло более чем в сто раз. Так, Dalian Wanda Group в целях диверсификации своих операций и распространения влияния на европейский финансовый рынок, вела переговоры

по приобретению немецкого Postbank. Кроме того, в ноябре 2017 г шанхайская компания Fosun приобрела мажоритарный пакет акций португальского банка Millenium BCP. Тем не менее аналитики Bloomberg описывают вероятность усиления влияния китайских компаний на европейском финансовом рынке как невысокую — как правило, регуляторные органы дают согласие на приобретение банков только при наличии у компании-приобретателя собственных развитых финансовых операций.

«Большая четверка» крупнейших компаний, предоставляющих аудиторские и консалтинговые услуги, в своих отчетах о мировом рынке M&A уделяет особое внимание таким сделкам в Китае. Так, согласно ежегодному отчету KPMG «Global banking M&A trends», прогнозируемый рост китайских сделок слияния и поглощения составит 10–15% в 2019 г., что позволяет классифицировать рост как устойчивый. Ожидается, что в этом секторе будут заключаться сделки, поскольку ведущие игроки в области технологий продолжают делать покупки внутри страны, а также увеличивают зарубежные приобретения и партнерские отношения. После достижения успеха внутри страны ряд крупных финтех-компаний — в основном из Китая — нацелились на Юго-Восточную Азию в качестве следующего шага в своей программе роста. Международные устремления китайских финтехеров должны создать возможности для западных чиновников наладить партнерские отношения и совместные предприятия. В отличие от прошлых лет, китайские банки начинают осознавать ценность поддержки, особенно со стороны местных партнеров, и отходят от своей традиционной стратегии контролируемого приобретения [8].

Диаграмма. Динамика прямых иностранных инвестиций в КНР.

Около половины всех прямых иностранных инвестиций Китая за рубежом реализуется посредством зарубежных слияний и поглощений китайских компаний [9]. Отметим, что сложились две противоположные тенденции: прирост сделок по слияниям и поглощениям китайских компаний за рубежом и соответствующее резкое снижение объемов таких сделок с участием зарубежных инвесторов на внутреннем рынке Китая [10].

Библиографический список

1. ChinaOutlook 2015. KPMG Global China Practice. — KPMG, 2015. — P. 11, 13, 24, 28.
2. http://www.kitaichina.com/rzhengzhi/201710/t20171010_800106486.html
3. <https://www.rbc.ru/economics/09/08/2017/5989e5799a79479bd60d2f6a>
4. <https://news.rambler.ru/asia/41491723-indiya-operedila-kitay-po-aktivnosti-sdelok-m-a/?updated>
5. <https://www.kommersant.ru/doc/3413692>
6. <https://www.refinitiv.com/en/products/deals-intelligence>

7. <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/19267/>
8. <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2019/04/trend-1-china.html>
9. Ministry of Commerce, 21 January 2015 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.mofcom.gov.cn/xwfbh/20150121.shtm>;
10. Карелина Е.А. Модернизация стратегии экономического развития Китая в условиях нестабильности мировой экономики, 2016.
11. [Karelina E.A. Modernizatsiya strategii ekonomicheskogo razvitiya Kitaya v usloviyakh nestabilnosti mirovoy ekonomiki, 2016]

Контактная информация

Зимин Владислав Владимирович, аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,

Москва E-mail: vladislav14@rambler.ru

Научный руководитель: Бакулина Анна Александровна,
доктор экономических наук,

профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление»,
заместитель проректора по научной работе ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,

Москва. E-mail: abakulina@fa.ru

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СИСТЕМНЫЕ РЕШЕНИЯ: РОССИЯ И КИТАЙ

SYSTEM PROBLEMS AND SYSTEM SOLUTIONS: RUSSIA AND CHINA

КЛЕЙНЕР ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ

Член Президиума ВЭО России, заместитель научного руководителя, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» ЦЭМИ РАН, заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве РФ, заведующий Кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, член-корреспондент РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор

GEORGY B. KLEINER

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy scientific adviser, Head of the Scientific Direction «Mesoeconomics, Microeconomics, Corporate Economics», CEMI RAS, Chairman of the Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Chairman of the Department of Institutional Economics, State University of Management, corresponding member of the RAS, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor

РЫБАЧУК МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, доцент кафедры «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве РФ, к.э.н.

MAXIM A. RYBACHUK

Senior Research Associate, CEMI RAS, Associate Professor of the Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Cand. Sci. (Econ.)

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается вопрос о разграничении системных и не-системных проблем экономического развития, на который ни неоклассическая, ни институциональная, ни эволюционная парадигмы экономической теории не дают однозначного ответа. Для исследования такого рода феноменов мы предлагаем использовать системную экономическую теорию и на ее базе проводим сравнительный системный анализ экономической политики России и Китая в части выбора и применения инструментов государственного воздействия на экономику каждой из этих стран. В частности, предложены четыре ключевых инструмента для осуществления государственного влияния на экономику: экономические реформы; стратегическое планирование; инфраструктурное развитие; государственное регулирование. Определены последовательность и условия их применения в целях устойчивого развития экономики. Так, экономические реформы наиболее рационально проводить на кризисной стадии, стратегическое планирование целесообразно развивать на посткризисной стадии, инфраструктурное развитие следует активизировать на межкризисной стадии и государственное регулирование предпочтительно применять на посткризисной стадии развития экономики. Выдвинуто предположение о том, что фундаментом организации

равноправного сотрудничества России и Китая должны быть не глобальные цепочки создания стоимости, а «глобальные цепочки добавленных знаний». Показано, что системное развитие экономики связано с реализацией системных принципов не только в хозяйственной практике, но и в экономической политике, управлении экономикой, экономической теории, а также во взаимоотношениях между ними.

ABSTRACT

The article raises the question of demarcation between system and non-system problems of economic development, to which neither the neoclassical, nor the institutional, nor the evolutionary paradigms of economic theory give an unambiguous answer. To study such phenomena, we propose using a system economic theory, and on its basis, we conduct a comparative system analysis of the economic policies of Russia and China in terms of choosing and applying instruments of state influence on the economy of each of these countries. In particular, four key instruments (economic reforms, strategic planning, infrastructure development, state regulation) for implementing state influence on the economy were proposed. The sequence and conditions of their application for the sustainable development of the economy were determined. Thus, it is most rational to carry out economic reforms at the crisis stage, it is advisable to develop strategic planning at the post-crisis stage, infrastructure development should be intensified at the inter-crisis stage, and government regulation should preferably be applied at the post-crisis stage of economic development. It has been suggested that the foundation of the organization of equal cooperation between Russia and China should not be global value chains, but «global knowledge chains». It is shown that the systemic development of the economy is associated with the implementation of systemic principles not only in economic practice but also in economic policy, economic management, economic theory, as well as in the relationships between them.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Глобальные цепочки добавленных знаний, глобальные цепочки добавленной стоимости, государственное регулирование, инфраструктурное развитие, стратегическое планирование, экономические реформы, системная экономика.

KEY WORDS

Global knowledge chains, global value chains, government regulation, infrastructure development, strategic planning, economic reforms, system economics.

Основная проблема российской экономики и экономической политики — их несистемность. Основная черта китайской экономики и экономической политики КНР — их системность. Решение системных проблем несистемными методами приводит к высоким затратам и необходимости многократно повторять одни и те же действия («ручное управление»). Применение системных методов к решению локальных (несистемных) проблем приводит к неустойчивости структуры и высоким затратам на ее восстановление после кризисов. К числу системных в общем смысле следует относить проблемы, оказывающие влияние на широкий круг экономических явлений, включая макроэкономический, мезоэкономический, микроэкономический и наноэкономический уровни, при условии, что влияние этих проблем распространяется на значимый горизонт планирования. Системные проблемы экономики носят, таким образом, стратегический характер. Несистемные проблемы, наоборот, либо затрагивают лишь локальные сферы товарного или географического пространства, либо имеют краткосрочный характер. Одна из основных задач экономической науки — дифференциация проблем экономики на системные и несистемные.

Реальная экономика каждой страны является результатом собственного инерционного развития, а также управленческих решений, которые, в свою очередь, возникают как результат реализации избранной экономической политики. В основе выбора такой политики лежит, как правило, теоретическая концепция, отражающая доминирующие в данной стране взгляды на структуру и цели развития экономики. Теоретический фундамент экономической политики зависит от истории развития и состояния народного хозяйства. Таким образом, четыре составляющих экономики: экономическая теория, экономическая политика, управление экономикой и реальная хозяйственная практика представляют собой самостоятельные подсистемы, связанные между собой с помощью системы социально-экономических институтов разного уровня, включая институты принятия решений, планирования и анализа достигнутых результатов. Цикл экономического развития представлен на рисунке.

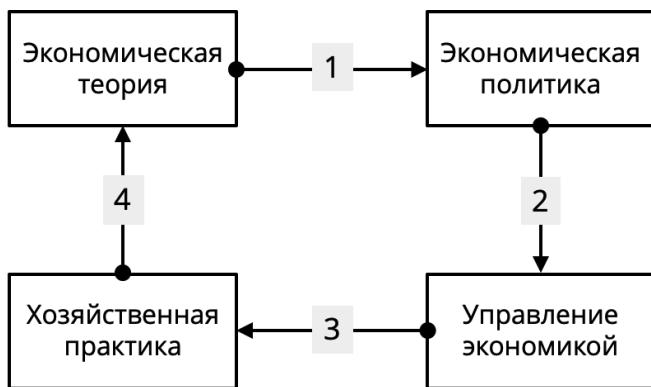

Рис. Общая структура экономического цикла

Системные проблемы экономики возникают как в каждой из указанных четырех подсистем (экономическая теория, экономическая политика, управление экономикой и хозяйственная практика), так и в каждой из «транзитных» подсистем (1 — «экономическая теория — экономическая политика», 2 — «экономическая политика — управление экономикой», 3 — «управление экономикой — хозяйственная практика», 4 — «хозяйственная практика — экономическая теория»). Системные проблемы, возникающие в рамках транзитных подсистем 1–4, носят особенно глубокий характер и коренятся в исторических особенностях социально-экономического развития данной страны, ментальных и культурных характеристиках общества, особенностях институциональной системы, взаимодействии социальных и экономических агентов и т.д. Анализ этих особенностей требует отдельного рассмотрения (см. Клейнер, 2000, 2008; Пивоваров, 2006; Нуреев, 2009; Горшков, 2016, 2017). Тем не менее такой комплексный подход в компаративистике пока не нашел достаточно полного выражения в научной литературе. В качестве одной из немногих работ, посвященных анализу функционирования четырех экономических подсистем, можно упомянуть работу (Рыбачук, 2017), в которой выполнена оценка сбалансированности динамики развития этих подсистем в России на базе данных eLIBRARY.ru (экономическая теория), Росстата (экономическая политика и управление экономикой) и журнала «Вестник государственной регистрации» (хозяйственная практика).

В частности, в экономической теории практически не рассматривается вопрос о разграничении системных и несистемных проблем экономического развития. Такое разграничение, как правило, производится эвристически

без опоры на теоретическую аксиоматику. Это относится и к неоклассической, и к институциональной, и к эволюционной парадигмам экономической теории. Такое положение отчасти стало фактором разработки системой экономической теории, нацеленной в том числе на дифференциацию системных и несистемных феноменов в экономическом пространстве — времени.

В данной статье, выполненной в рамках государственного задания ЦЭМИ РАН по теме «Разработка системной многоуровневой теории и моделей координации и коэволюции производственных комплексов и предприятий в целях устойчивого развития экономики» (№ гос. регистрации АААА-А18-118021390173-4), мы концентрируем внимание на сравнительном системном анализе экономической политики России и Китая в части выбора и применения инструментов государственного воздействия на экономику каждой из этих стран.

Вопрос государственного воздействия на экономику является критическим для многих экономических теорий. При этом от любой теории требуется, во-первых, определение набора инструментов, которыми государство может эффективно вмешиваться в экономику, во-вторых, своевременность их использования и, в-третьих, последовательность их применения. Системный характер имеют четыре ключевых инструмента осуществления государственного влияния на экономику: экономические реформы; стратегическое планирование; инфраструктурное развитие; государственное регулирование. Каждый из данных инструментов направлен на стимулирование и активизацию соответствующей подсистемы экономики в функциональном разрезе (проектной, объектной, средовой или процессной).

Последовательность применения этих мер диктуется особенностями стадий экономического цикла развития страны. В периодизации экономического цикла мы отталкиваемся от моментов наступления экономического кризиса и делим жизненный цикл экономики на четыре стадии: кризисная, посткризисная, межкризисная и предкризисная.

Согласно системной экономической теории (см. Клейнер, Рыбачук, 2017), экономические реформы должны применяться на кризисной стадии жизненного цикла экономики и необходимы для разрешения накопившихся в экономике противоречий, препятствующих ее дальнейшему развитию. Экономические реформы сами по себе обладают проектной природой, и их действие направлено на развитие проектной подсистемы экономики. В кризисной ситуации основной целью экономических реформ является осуществление мероприятий, направленных на запуск процессов антикризисных преобразований в экономике и обществе.

Наиболее эффективным применение стратегического планирования будет на посткризисной стадии жизненного цикла экономики. Основная цель применения данного инструмента — закрепление результатов, полученных за счет проведения экономических реформ, определение и фиксация дальнейших приоритетов развития страны, а также плановых значений показателей, отражающих прогресс в ее ключевых социально-экономических сферах. Стратегическое планирование направлено на поддержание объектной подсистемы экономики.

Инфраструктурное развитие необходимо применять на межкризисной стадии жизненного цикла экономики. После того как стратегическое планирование начинает приносить свои плоды, ситуация в стране стабилизируется,

наступает время модернизации и улучшений. Главным образом это проявляется в создании благоприятной среды для экономических агентов всех уровней. При этом речь идет не только об инфраструктуре, имеющей физическое выражение (транспортные системы, сети связи и коммуникации, учреждения здравоохранения и т.д.), но и о нематериальных ее проявлениях (деловой климат, институциональные механизмы, взаимоотношения между властью и обществом, партнерские связи с другими государствами и пр.). Таким образом, на данной стадии жизненного цикла основная роль отводится средовой подсистеме экономики.

Государственное регулирование целесообразно использовать на предкризисной стадии жизненного цикла экономики. Построенная на предшествующем этапе инфраструктура способствует активизации и увеличению разнообразия протекающих в экономике процессов. Основная задача государства здесь заключается в установлении правил игры для участников рынка, необходимых для фильтрации и упорядочения данных процессов. Государственное регулирование ориентировано преимущественно на развитие процессной подсистемы экономики.

Представленная выше последовательность «экономические реформы — стратегическое планирование — инфраструктурное развитие — государственное регулирование» отражает универсальный цикл перехода активности и, соответственно, переноса внимания руководства страны от одной подсистемы экономики к другой, за счет чего обеспечивается ее поступательное эволюционное развитие.

Впечатляющие успехи китайской экономики (см. Бергер, 2009, 2017; Островский, 2009 и др.) во многом связаны с си-

стемностью проводимой Коммунистической партией Китая экономической политики. Так, в программе развития Китая до 2050 г. можно выделить следующие этапы.

1. Период экономических реформ (1992–2012 гг.), результатом которого стала глубокая трансформация китайского общества.

2. Период усиления стратегического планирования (2012–2020 гг.), связанный с выбором и установкой базовых стратегических целей китайского общества.

3. Период инфраструктурного развития (2020–2035 гг.), направленный на увеличение пространственной однородности страны.

4. Период государственного регулирования (2035–2050 гг.), нацеленный на сокращение диспропорций в уровне жизни населения и достижение всеобщей зажиточности.

Очередной виток спирали начнется с экономических реформ (2050 г. и далее) и будет связан с корректировкой результатов, полученных на предшествующих этапах.

Противоположная ситуация наблюдается в российской практике государственного управления. С одной стороны, мы видим, что все указанные меры находят свое применение в экономической политике страны. С другой стороны, их использование не оказывает ожидаемого долгосрочного эффекта на российскую экономику (Гринберг, 2008; Радыгин, Энтов, 2012 и др.). Независимо от уровня приоритетным остается «ручной режим» управления, в рамках которого проблемы решаются «ad hoc» и очень многое зависит от личных связей, харизмы и характера конкретного руководителя (см., напр., Зубаревич, 2013; 2014; Версан, 2015; Шлычков, Киямов и др., 2016; Подвойский В.П. и др., 2012). Положительные результаты экономической политики, как

правило, локализованы в пространстве и не тиражируются на широкий круг экономических проблем.

Более подробный сравнительный системный анализ экономических преобразований Китая и России представлен в работе (Клейнер, Рыбачук, 2019).

Сотрудничество России и Китая в глобальных цепочках создания стоимости строится сегодня в основном в сфере топливно-энергетического комплекса (см. Дементьев, Новикова и др., 2016; Сидорова, 2018), что подтверждается статистикой Всемирной торговой организации (Trade in value-added ..., 2019). Это создает неравноправные условия в экономическом сотрудничестве России и КНР. Анализ совместных с КНР цепочек добавленной стоимости не позволяет говорить о равноправном сотрудничестве. Между тем и Россия и Китай — страны с развитой культурой и огромным интеллектуальным потенциалом. В этих условиях нам представляется, что на данном этапе фундаментом взаимоотношений России и КНР должны быть не цепочки добавленной стоимости, а «цепочки добавленных знаний». Подсистемой, через которую могут строиться такие цепочки, является экономическая наука (экономическая теория). Таким образом, можно говорить о необходимости встраивания России и Китая в «глобальные цепочки добавленных знаний», направленных на разработку современной экономической теории. В этих целях Центральным экономико-математическим институтом Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) и Институтом науки и развития Китайской академии наук (ИНР КАН) 9 сентября 2019 г. подписан договор о создании Китайско-российского объединенного центра системных исследований экономической политики и инноваций.

Основным постулатом системной экономической теории является единство и неразрывная взаимосвязь четырех подсистем экономики — экономической теории, экономической политики, управления экономикой, хозяйственной практики на всех уровнях: макроэкономики, мезоэкономики, микроэкономики, наноэкономики. Мы исходим из того, что все процессы развития экономики, политики и культуры подчинены общим закономерностям. Провалы экономической политики являются следствием в первую очередь, провалов экономической теории, во вторую — провалов в управлении экономикой. Системное развитие экономики связано с реализацией системных принципов не только в хозяйственной практике, но и в экономической политике, управлении экономикой, экономической теории, а также во взаимоотношениях между ними.

Библиографический список

1. Клейнер Г.Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России.—2000.— № 1.— С. 5–20.
2. Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. — М.: Дело, 2008. — 568 с.
3. Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. — М.: ИНИОН РАН, 2006. — 255 с.
4. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. — М.: Норма, 2009. — 448 с.
5. Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 1) // Социологические исследования. — 2016. — № 12. — С. 26–34.
6. Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // Социологические исследования. — 2017. — № 1. — С. 5–13.

7. Рыбачук М.А. Системно-структурная динамика национальной экономики: подходы к оценке сбалансированности // Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения: материалы V Международной научной конференции. — М.: ГУУ, 2017. — С. 260–265.
8. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. Системная сбалансированность экономики. — М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2017. — 320 с.
9. Бергер Я.М. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 9. — С. 73–81.
10. Бергер Я.М. Становление Китая как глобальной инновационной державы // Проблемы Дальнего Востока. — 2017. — № 2. — С. 1–23.
11. Островский А.С. Некоторые особенности экономического развития КНР за 60 лет (1949–2009 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. — 2009. — № 6. — С. 45–55.
12. Гринберг Р.С. Российская структурная политика: между неизбежностью и неизвестностью // Вопросы экономики. — 2008. — № 3. — С. 56–63.
13. Радыгин А.Д., Энтов Р.М. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. — 2012. — № 12. — С. 4–30.
14. Зубаревич Н.В. Ручное управление регионами // Прямые инвестиции. — 2013. — № 3 (131). — С. 22–25.
15. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. — 2014. — № 4 (478). — С. 7–27.
16. Версан В.Г. Кризис ручного управления экономикой. Есть ли выход? // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2015. — Т. 2. — № 8. — С. 3–9.
17. Шлычков В.В., Киямов И.К., Кулиш С.М., Нестулаева Д.Р., Алафузов И.Г. Об отдельных аспектах применения «ручного управления» органами российской государственно-муниципальной власти // Актуальные проблемы экономики и права. — 2016. — Т. 10. — № 3. — С. 39–54.

18. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. Опыт применения системной теории государственного воздействия в анализе экономических преобразований: пример Китая и России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. — № 2. — С. 19–24.
19. Подвойский В.П., Бутов А.Ю., Оленев С.М., Лазарев М.А. Коэволюция как инновационная идея в системе психолого-педагогических наук // Гуманитарное пространство. Международный альманах. — 2012. — Т. 1. — № 1. — С. 163–174.
20. Дементьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2016. — № 1 (334). — С. 17–30.
21. Сидорова Е.А. Россия в глобальных цепочках создания стоимости // Мировая экономика и международные отношения. — 2018. — Т. 62. — № 9. — С. 71–80.
22. Trade in value-added and global value chains: statistical profiles. World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/countryprofiles_e.htm (access date: 17.10.2019).

References

1. Kleyner G.B. Institutsionalnyye faktory dolgovremennogo ekonomicheskogo rosta // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii.— 2000.— № 1. — S. 5-20.
2. Kleyner G.B. Strategiya predpriyatiya. — M.: Delo. 2008.— 568 s.
3. Pivovarov Yu.S. Russkaya politicheskaya traditsiya i sovremennost. — M.: INION RAN. 2006.— 255 s.
4. Nureyev R.M. Rossiya: osobennosti institutsionalnogo razvitiya. — M.: Norma. 2009.— 448 s.
5. Gorshkov M.K. Rossiyskiy sotsium v usloviyakh krizisnogo razvitiya: kontekstnyy podkhod (statia 1) // Sotsiologicheskiye issledovaniya.— 2016.— № 12. — S. 26-34.

6. Gorshkov M.K. Rossiyskiy sotsium v usloviyakh krizisnogo razvitiya: kontekstnyy podkhod (statia 2) // Sotsiologicheskiye issledovaniya.– 2017. – № 1. – S. 5–13.
7. Rybachuk M.A. Sistemno-strukturnaya dinamika natsionalnoy ekonomiki: podkhody kotsenkesbalansirovannosti // InstitutSIONalnaya ekonomika: razvitiye. prepodavaniye. prilozheniya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. – M.: GUU. 2017. – S. 260–265.
8. Kleyner G.B., Rybachuk M.A. Sistemnaya sbalansirovannost ekonomiki. – M.: Izdatelskiy dom «Nauchnaya biblioteka». 2017. – 320 s.
9. Berger Ya.M. Kitayskaya model razvitiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2009. – № 9. – S. 73–81.
10. Berger Ya.M. Stanovleniye Kitaya kak globalnoy innovatsionnoy derzhavy // Problemy Dalnego Vostoka. – 2017. – № 2. – S. 12–23.
11. Ostrovskiy A.S. Nekotoryye osobennosti ekonomicheskogo razvitiya KNR za 60 let (1949-2009 gg.) // Problemy Dalnego Vostoka. – 2009. – № 6. – S. 45–55.
12. Grinberg R.S. Rossiyskaya strukturnaya politika: mezhdru neizbezhnostyu i neizvestnostyu // Voprosy ekonomiki. – 2008.– № 3. – S. 56–63.
13. Radygin A.D., Entov R.M. «Provaly gosudarstva»: teoriya i politika // Voprosy ekonomiki.– 2012.– № 12. – S. 4–30.
14. Zubarevich N.V. Ruchnoye upravleniye regionami // Pryamyye investitsii.– 2013.– № 3 (131). – S. 22–25.
15. Zubarevich N.V. Regionalnoye razvitiye i regionalnaya politika v Rossii // EKO. – 2014. – № 4 (478). – S. 7–27.
16. Versan V.G. Krizis ruchnogo upravleniya ekonomikoy. Est li vykhod? // Ekonomika i upravleniye: problemy. resheniya. – 2015. – T. 2. – № 8. – S. 3–9.
17. Shlychkov V.V., Kiyamov I.K., Kulish S.M., Nestulayeva D.R., Alafuzov I.G. Ob otdelnykh aspektakh primeneniya «ruchnogo

- upravleniya» organami rossiyskoy gosudarstvenno-munitsipalnoy vlasti // Aktualnyye problemy ekonomiki i prava.– 2016. – T. 10. – № 3. – S. 39–54.
18. Kleyner G.B., Rybachuk M.A. Opyt primeneniya sistemnoy teorii gosudarstvennogo vozdeystviya v analize ekonomicheskikh preobrazovaniy: primer Kitaya i Rossii // Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. – 2019. – № 2. – S. 19–24.
 19. Podvoyskiy V.P., Butov A.Yu., Olenev S.M., Lazarev M.A. Koevolyutsiya kak innovatsionnaya ideya v sisteme psikhologo-pedagogicheskikh nauk // Gumanitarnoye prostranstvo. Mezhdunarodnyy almanakh. – 2012. – T. 1.– № 1. – S. 163–174.
 20. Demytyev V.E., Novikova E.S., Ustyuzhanina E.V. Mesto Rossii v globalnykh tsepkakh sozdaniya stoimosti // Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost. – 2016. – № 1 (334). – C. 17–30.
 21. Sidorova E.A. Rossiya v globalnykh tsepkakh sozdaniya stoimosti // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya. – 2018. – T. 62. – № 9. – S. 71–80.
 22. Trade in value-added and global value chains: statistical profiles. World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/countryprofiles_e.htm (access date: 17.10.2019).

РОССИЯ И КИТАЙ: ПРЕДЕЛЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

RUSSIA AND CHINA: LIMITS OF COOPERATION

ЛУКОНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Заведующий Сектором экономики и политики Китая Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, к.э.н.

SERGEY A. LUKONIN

Head of the Economic and Political Sector of China Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Ph.D.

АННОТАЦИЯ

Несмотря на очевидные успехи в политической сфере, качество российско-китайского торгово-экономического сотрудничества остается на относительно низком уровне. При общем увеличении объема двусторонней торговли за Россией закрепляется статус поставщика природных ресурсов, в то время как Китай становится основным поставщиком высокотехнологичной продукции. На Россию приходится минимальный, с тенденцией к сокращению, объем китайских прямых

инвестиций. Формирование совместных цепочек добавленной стоимости практически не осуществляется. Серьезным препятствием для интенсификации российско-китайского торгово-экономического сотрудничества является в т. ч. противоречия между российской и китайской стратегиями социально-экономического развития.

ABSTRACT

Despite obvious successes in the political sphere, the quality of Russian-Chinese trade and economic cooperation remains at a relatively low level. With a general increase in bilateral trade, Russia is assigned the status of a supplier of natural resources, while China is becoming a major supplier of high-tech products. Russia accounts for the minimum, with a downward trend, the volume of Chinese direct investment. The formation of joint value chains is practically not carried out. A serious obstacle to the intensification of Russian-Chinese trade and economic cooperation among others is the contradiction between Russian and Chinese strategies for socio-economic development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мировая экономика, торгово-экономическое сотрудничество, Китай, Россия.

KEY WORDS

World economy, trade and economic cooperation, China, Russia.

Современные российско-китайские отношения носят двухуровневый характер. На одном, т. н. «беспрецедентно высоком» уровне — «всеобъемлющее стратегическое партнерство», включающее регулярные и частые встречи лидеров государств, активное военное сотрудничество, совместные военные учения, схожие позиции по многим международным проблемам (ситуация в Венесуэле, Сирии, на Корейском полуострове и т.п.), поддержку

Китаем России при голосовании в СБ ООН, декларируемое стремление к глубокой экономической интеграции в рамках идеи «сопряжения» «экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), быстро расширяющееся гуманитарное сотрудничество и т.п.

На другом уровне — пока скрытые, но оттого не исчезающие взаимные озабоченности, обусловленные, во-первых, не полностью совпадающими стратегическими интересами сторон, а во-вторых, новыми глобальными амбициями Китая как второй мировой экономической державы, формирующимися на основе его растущей экономической и технологической мощи.

В политической сфере — Пекин не присоединился к антироссийским санкциям из-за «украинского кризиса», однако был вынужден скорректировать свою инвестиционную политику и планы по реализации ЭПШП в отношении Украины. В свою очередь, в России, в добавление к традиционным китайским «фобиям», формируется недоверие к ЭПШП, в которой усматривается стремление Китая к «доминированию» над Россией.

Новым фактором китайской политики по отношению к России стала американо-китайская «торговая война» или «торговые трения» — как их в смягчающем варианте называют в Пекине. В новых условиях Китай усиливает использование «карты России» для оказания политического давления на США, «поднимая» уровень стратегического, военно-политического и экономического сотрудничества с Россией. С другой стороны, используя фактор России против США, Китай в то же время не хочет получать дополнительные проблемы в отношениях с США из-за России.

В экономике — китайский частный крупный бизнес всерьез опасается вести дела с Россией из-за угрозы попасть под американские санкции. В конце 2018 г. ЦБ России вынужден был официально разъяснить китайским партнерам, что персональные санкции США против российских банкиров и предпринимателей не распространяются на их компании [1].

Здесь важно отметить, что аргументы ряда китайских и российских экспертов о том, что Россия и Китай находятся под «санкциями США» и это служит основой нашего антиамериканского альянса, не в полной мере обоснованны. Интересы Москвы и Пекина в этом вопросе не совсем совпадают. Россия попала под санкции, введенные по политическим мотивам, и снять их могли бы, прежде всего, политические договоренности России и США. В отношении Китая действуют не санкции, а тарифные «меры воздействия», которые допускают решения, собственно, в самом экономическом поле.

В области внешней политики Китай хотел бы иметь четкое представление о том, насколько он может рассчитывать на Россию в своем международном поведении в «новых условиях» отношений с США. Например, что конкретно означает российская «политика поворота на Восток»: каковы ее цели, конкретные мероприятия, финансовые ресурсы, какое место уделяется в ней Китаю, Японии, Южной Корее, АСЕАН, а также США?

В Пекине формируется мнение, что без прояснения подходов России к отношениям с АТР и США Пекину трудно определять те пределы, в которых он может рассчитывать на Россию в нынешнем противостоянии с Вашингтоном.

В экономике позитивные тенденции последнего времени, как представляется, не могут все же преодолеть традиционного негатива двусторонних отношений.

По итогам 2018 г. объем российско-китайской торговли достиг более 108 млрд долларов [2]. При этом объем российского экспорта в Китай увеличился на 44% (!) по сравнению с 2017 г. и составил 56,1 млрд долл., объем импорта из Китая в Россию увеличился на 8,7% и достиг 52,3 млрд долларов. Китай подтвердил статус крупнейшего торгового партнера России и по экспорту, и по импорту — его доля в российской внешней торговле составляет более 15% [2].

В Москве и Пекине ожидают, что новые возможности российско-китайскому взаимодействию может дать «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китайской Народной Республикой» от 17 мая 2018 года [3].

К сотрудничеству с Россией Китай, как отмечалось выше, подталкивают и торговые «трения» с США. В последнее время Китай все более демонстративно акцентирует свой интерес к России. Например, на сентябрьском (2018 г.) Восточном экономическом форуме Пекин официально представил идею «Ледяного Шелкового пути», имея в виду включение российского Северного морского пути в свою инициативу «Один пояс — один путь».

И все же существенных изменений в «качестве» российско-китайской торговли не происходит. В 2018 г. доля минеральных продуктов в общем объеме российского экспорта в Китай выросла до 76% [4]. Доля машин, оборудования и транспортных средств сократилась до 3,2% [4]. Широко обсуждаемая в СМИ «экспансия» российских продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на китайский рынок статистически не прослеживается — доля этой продукции в общем объеме российского экспорта даже, хотя и минимально, уменьшилась на 0,06 п.п. и составила 4,5% [4].

Напротив, основными товарными группами, которые Россия импортирует из Китая, являются: машины, оборудование и транспортные средства — 57%; текстиль и обувь — 11%; продукция химической промышленности — почти 10% [4].

Россия не является главным торговым партнером Китая, традиционно занимая 9–10 место по общему объему двусторонней торговли. По итогам 2018 г. доля РФ в общем объеме экспорта КНР составила 1,9%, в общем объеме китайского импорта — 2,8%. Для сравнения, соответствующие показатели для США составили — 19,2% и 7,2%; ЕС — 16,4% и 12,8%; стран АСЕАН — 12,8% и 12,6%; Японии — 5,9% и 8,5%; Южной Кореи — 4,4% и 9,6% соответственно [5].

На Россию приходится менее 1% китайских прямых инвестиций за рубежом с тенденцией к их уменьшению. По оценкам ЦБ РФ, за январь — июнь 2018 г. общий объем прямых инвестиций из КНР в РФ сократился на 24% [6].

Как отмечалось выше, новым сдерживающим элементом в российско-китайской торговле стал фактор американских санкций против России. Китайские крупные компании рассматривают сотрудничество с российскими юридическими и физическими лицами, включенными в американский санкционный список, как серьезный бизнес-риск. При этом предприятия из КНР, работающие на американском рынке, более высоко оценивают подобные бизнес-риски, чем компании, функционирующие в Европе. Китайские компании, чьи акции торгуются на биржах, в т. ч. и на американских, особенно тщательно подходят к вопросу выбора российских партнеров — с тем, чтобы не спровоцировать падение стоимости своих ценных бумаг из-за какого-нибудь негативного повода, озвученного в американских СМИ.

Соответствующие риски для китайских компаний малого и среднего бизнеса, базирующихся в Китае и сотрудничающих одновременно с США, ЕС и Россией, по мнению китайцев, ниже. У таких компаний, как правило, нет листинга на бирже, операционной деятельности в США и ЕС, а торгово-экспортные схемы могут быть выстроены с привлечением третьих стран, что позволяет скрыть конечного получателя услуги или продукции.

В целом, несмотря на существующую тревогу, сегодня фактор санкций в отношении российских компаний и физических лиц пока не является критическим для большинства китайских компаний. Однако уже в среднесрочной перспективе уровень политических угроз для китайского бизнеса в России может повыситься.

Во-первых, Китай по мере своего экономического роста будет все глубже интегрироваться в мировые рынки, следовательно, его политико-экономические связи с США и ЕС продолжат развиваться, оказывая свое влияние на экономику. Углублению интеграции также способствуют планы китайского правительства по либерализации финансового сектора — уровень взаимосвязей китайской и мировой финансовых систем, ожидается, будет возрастать.

Во-вторых, все большее количество китайских компаний будет выходить на мировой рынок и включаться в цепочки добавленной стоимости в партнерстве с компаниями США и ЕС — также гипотетически попадая в «санкционные ловушки».

В-третьих, на фоне китайской государственной политики, направленной на сокращение кредитования бизнеса во избежание роста долговой нагрузки, все больше китайских компаний будет искать финансирования на фондовых

рынках (в т. ч. и международных) — опять же объективно увеличивая собственную «санкционную уязвимость».

Учитывая сказанное, можно ожидать усиления роли факторов, повышающих, в представлении китайцев, бизнес-риски при сотрудничестве с российскими компаниями и физическими лицами, включенными в санкционные списки, в перспективе предстоящих 3–5 лет.

Недостаточный интерес китайских компаний к российском рынку может быть объяснен не столько санкциями, сколько неблагоприятными перспективами российской экономики:

А) рынки США и ЕС для китайских компаний важнее с точки зрения объема продаж, получения новых технологий (управленческих и технологических);

Б) темпы развития российской экономики недостаточно высоки для китайских масштабных инвестиционных программ;

В) существует противоречие между китайской и российской моделью экономического развития: в Китае — стратегия развития, в России — стратегия профицитного бюджета.

Внутри Китая также существуют отдельные ограничения, которые могут негативно повлиять на российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество. Так, в рамках государственной политики, направленной на повышение эффективности китайских инвестиций за рубежом, регулирующие органы КНР в последние годы начали особо тщательно проверять каждый конкретный случай инвестирования (антикоррупционная кампания в Китае также внесла свой вклад в более «придирчивый» контроль). К примеру, в июне 2017 г. были проведены проверки в отношении крупнейшей китайской компании сферы недвижимости

Dalian Wanda [7]. Банкам было предписано сократить объем кредитного финансирования зарубежных сделок с участием этой компании, т. к. она нарушила регулирующие нормы при осуществлении зарубежных сделок в 2016 году. Позднее, в августе 2017 г., были опубликованы новые требования контролирующих органов в отношении китайских государственных компаний, которые (требования), по мнению китайского бизнеса, «существенно ограничивают государственные инвестиции» за рубежом [8].

Другой пример — китайская политика диверсификации поставщиков газа, в том числе на фоне «трений» с США, за счет месторождений Аляски (договоренности, достигнутые во время визита Д. Трампа в Китай в ноябре 2017 г. и замороженные до окончания китайско-американских «торговых трений»). В случае реализации эта инициатива будет создавать конкурентное давление на российских экспортеров. И хотя американский СПГ, скорее всего, пойдет в Восточные, Центральные и Юго-Восточные районы Китая, где есть инфраструктура для его использования, оставляя России ниши в промышленной зоне китайского Северо-Востока, сам факт осуществления многомиллиардного китайско-американского проекта объективно, в плане усиления конкуренции, несет стратегические риски для российских экспортеров, осложняя им выход на новые географические сегменты китайского рынка.

В заключение можно сказать, что санкционная политика США в отношении России и ее косвенное, но все же ощутимое влияние на российско-китайские экономические отношения будет работать на негативную тенденцию уменьшения относительной значимости России для Китая по сравнению с ролью США. А шаги Китая по реализации

собственных лидерских интересов на различных политических и экономических мировых и региональных площадках, без их сопряжения с российскими ходами, могут создавать новые вызовы внешней политике России.

В ответ на это в ближайшей и среднесрочной стратегической перспективе России, вероятно, предстоит активизировать выработку нового подхода к двустороннему стратегическому партнерству с Пекином. Для этого потребуются, во-первых, повысить удельный вес тематики сопряжения лидерской китайской политики и интересов России при обсуждении стратегических вопросов двусторонних отношений и мирового развития. Во-вторых, дополнительно активизировать т.н. «периферийную» дипломатию, балансирующую рост китайского влияния на Россию за счет развития Россией отношений стратегического партнерства с Японией, Южной Кореей, Индией, Вьетнамом.

В-третьих, важно продолжить линию на выравнивание отношений России и США с тем, чтобы уже не только укреплять за счет китайского фактора позиции России в отношениях с США, но и за счет американского фактора балансировать рост китайского влияния на Россию.

В-четвертых, необходимо выработать национальную стратегию социально-экономического развития, направленную на качественный рост российской экономики, развитие и сохранение человеческого капитала и улучшение жизни населения.

Библиографический список

1. В ЦБ рассказали о борьбе с «расширительным» толкованием китайцами санкций. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2018/5bf4cb1c9a794765cf2bfa8c> (accessed 15.10.2019).

2. Внешняя торговля России. URL: <http://russian-trade.com/countries/china/> (accessed 10.10.2019).
3. Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx> (accessed 08.10.2019).
4. Внешняя торговля России. URL: <http://russian-trade.com/countries/china/> (accessed 10.10.2019).
5. По данным Министерства коммерции КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/statistic/charts.shtml> (accessed 10.10.2019).
6. Китай объявил России инвестиционный бойкот. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kitay-obyavil-rossii-investicionny-boykot-1027783124> (accessed 10.10.2019).
7. China Blocks Big Banks From Lending to Dalian Wanda. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-blocks-dalian-wanda-from-completing-overseas-deals-1500268091> (accessed 10/10/2019).
8. China seeks to rein in overseas investment with 36-point code of conduct for private firms. URL: <https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2124964/china-issues-new-code-conduct-tame-overseas-investors> (accessed 10/10/2019).

List of References

1. Vtsentralnom banki rasskazali o borbe s «rasshiritelnym» tolkovaniyem kitaytsami sanktsiy. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/11/2018/5bf4cb1c9a794765cf2bfa8c> (accessed 15.10.2019).
2. Vneshnyaya trgovlya Rossii. URL: <http://russian-trade.com/countries/china/> (accessed 10.10.2019).
3. Podpisano Soglasheniye o trgovno-ekonomicheskom sotrudnichestve mezhdru EAES i KNR. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx> (accessed 08.10.2019).
4. Vneshnyaya trgovlya Rossii. URL: <http://russian-trade.com/countries/china/> (accessed 10.10.2019).

5. По данным Министерства коммерции КНР. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/statistic/charts.shtml> (accessed 10.10.2019).
6. Китай объявил России инвестиционный бойкот. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/kitay-obyavil-rossii-investicionny-boykot-1027783124> (accessed 10.10.2019).
7. China Blocks Big Banks From Lending to Dalian Wanda. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-blocks-dalian-wanda-from-completing-overseas-deals-1500268091> (accessed 10/10/2019).
8. China seeks to rein in overseas investment with 36-point code of conduct for private firms. URL: <https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2124964/china-issues-new-code-conduct-tame-overseas-investors> (accessed 10/10/2019).

**СОВРЕМЕННЫЙ
МАСШТАБ РОССИЙСКО-
КИТАЙСКОГО ТОРГОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
И ПЕРСПЕКТИВЫ
УДВОЕНИЯ ВЗАИМНОЙ
ТОРГОВЛИ К 2024 ГОДУ
THE CURRENT SCALE
OF RUSSIAN-CHINESE
TRADE AND ECONOMIC
COOPERATION
AND PROSPECTS
FOR DOUBLING
MUTUAL TRADE BY 2024**

СПАРТАК АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки России, директор Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института, заведующий кафедрой Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России, председатель Комитета ТПП РФ по вопросам экономической интеграции и внешнеэкономической деятельности

ANDREY N. SPARTAK

Corresponding member of RAS, doctor of Economics, Professor, honored scientist of Russia, Director, All-Russian market research Institute, head of Department in Russian Academy of foreign trade, Chairman of the RF CCI Committee on economic integration and foreign trade activities

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вызовы и возможности для России в связи с ростом экономического влияния Китая в мире в целом и в евразийском регионе в частности, а также актуальные тенденции в сфере российско-китайского торгово-экономического сотрудничества. Специальное внимание уделено оценке возможностей достижения к 2024 г. целевого показателя в 200 млрд долл. взаимной торговли РФ и КНР товарами и услугами, установленного лидерами двух государств. С использованием методов формульных расчетов и экспертной оценки сделан вывод о принципиальной выполнимости целевого показателя в части российского экспорта.

ABSTRACT

The article discusses the challenges and opportunities for Russia in connection with the growth of China's economic influence in the world as a whole and in the Eurasian region, in particular, as well as current trends in the sphere of Russian-Chinese trade and econom-

ic cooperation. Special attention is paid to the assessment of the possibility of achieving the target of \$200 billion by 2024 regarding mutual trade in goods and services established by the leaders of the two States. Using the methods of formulary calculations and expert evaluation, the conclusion is made about the principal feasibility of the target indicator in terms of Russian exports. The commodity structure of the expected growth of Russian exports to China is determined and specific risks that may hinder the achievement of the desired result are formulated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Торгово-экономическое сотрудничество, взаимная торговля, товары, услуги, инвестиции, проекты, экспорт, потенциал.

KEY WORDS

Trade and economic cooperation, mutual trade, goods, services, investments, projects, exports, potential.

Являясь крупнейшей экономической и торговой державой, Китай стал мощным центром притяжения торговых потоков, инвестиций, глобальных цепочек создания стоимости, сам выступает сегодня в качестве важнейшего фактора переконфигурирования мировой экономики, отклонения в свою пользу внешнеэкономических связей многих стран и целых регионов мира. КНР активно генерирует и последовательно продвигает масштабные проекты международного сотрудничества, включая мега-проект «Один пояс — один путь», в котором участвуют десятки стран на разных континентах.

Внешнеэкономическая экспансия Китая имеет беспрецедентную в мировой практике финансовую поддержку со стороны национальных институтов развития. Этим

крайне озабочены развитые страны, все более уступающие КНР в глобальной конкуренции [1].

В 2017 г. китайские институты развития выделили официального (льготного) экспортного финансирования на сумму почти 500 млрд долл., или свыше 54% общемирового итога (такие данные приводит в своем ежегодном докладе о глобальной конкуренции в сфере экспортного кредитования Экспортно-Импортный Банк США) [2]. Масштабное содействие экспорту в КНР оказывают страховое общество Sinosure, осуществляющее кратко-, средне- и долгосрочное страхование экспорта, Экспортно-импортный банк Китая — СЕХИМ, предоставляющий средне- и долгосрочное экспортное финансирование, а также Китайский банк развития, ежегодно выделяющий порядка 10 млрд долл. на средне- и долгосрочную кредитную поддержку, относящуюся к экспортной сфере.

Внешнеторговая, инвестиционно-производственная, инфраструктурная экспансия Китая формирует как новые возможности в сфере российско-китайского экономического сотрудничества, так и серьезные вызовы для России.

Стартовавшая в середине 2010-х годов инициатива сопряжения строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (фактически это формат включения ЕАЭС в китайский мега-проект «Один пояс — один путь») способствовала активизации двусторонних экономических связей государств — участников Союза с Китаем, ускорению роста взаимной торговли и китайских инвестиций в страны-партнеры, вхождению китайского капитала в отдельные стратегические активы в РФ и других членах ЕАЭС. Институционально-правовые рамки сопряжения сегодня определяются подписанным в мае 2018 г. непре-

ференциальным Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС — КНР.

Позитивно оценивая в целом инициативу сопряжения, необходимо обратить внимание на следующие моменты. Несмотря на изначальное интеграционное, многостороннее видение сопряжения, по факту данная инициатива вылилась практически полностью в двусторонние проекты с преимущественной ориентацией на страны Центральной Азии. В указанных странах реализуются основные инфраструктурные и производственные проекты КНР, включая перенос из Китая экологически неблагоприятных предприятий, туда же направляются главные инвестиции. Пока инициатива сопряжения привела к росту ориентации экономик стран ЕАЭС на Китай, особенно центральноазиатских (как входящих в ЕАЭС, так и вне ЕАЭС), причем последние разработали или разрабатывают собственные программы и планы сопряжения развития национальных экономик с китайской инициативой «Один пояс — один путь». Такое разноуровневое взаимодействие с КНР порождает различия внутри ЕАЭС в вопросах формирования общих рынков (в частности, Казахстан сохраняет изъятия и отсрочки по либерализации рынков услуг, обслуживающих инфраструктурные и иные проекты КНР на территории страны), ведет к конкуренции трансевразийских транспортных маршрутов «пояса и пути», проходящих по территории России, с маршрутами, идущими через Казахстан, в том числе полностью в обход РФ (транскаспийский и южный маршруты) [3].

Очень непростая тема — в принципе роль и влияние Китая на евразийскую экономическую интеграцию. Глобализация по-китайски и традиционная региональная интеграция как минимум малосовместимы. Из-за китайского фактора

(конечно, не только из-за него), на наш взгляд, происходит торможение интеграционных процессов по всему миру. И ЕАЭС не исключение.

Китай уже занимает ключевые позиции во внешней торговле государств ЕАЭС, особенно в импорте. Фактически через массированные поставки в ЕАЭС всего возможного ассортимента продукции обрабатывающей промышленности Китай девальвирует, делает ненужными (да и более затратными) собственные усилия стран ЕАЭС по налаживанию промышленной кооперации, снижает потенциал и потребность развития внутриотраслевой торговли в рамках Союза. Причем финансовые условия китайских поставок — самые благоприятные.

Таблица 1

Позиции Китая в экспорте и импорте товаров стран ЕАЭС в 2018 г.

	Экспорт	Импорт
1-е место	Россия	Россия, Киргизия
2-е место	Казахстан	Казахстан, Армения, Белоруссия

Источник: [4]

Инвестиционно-проектная составляющая китайской деловой активности на пространстве ЕАЭС также представляет собой серьезный вызов для евразийской интеграции. В результате экспансии китайского капитала цепочки создания стоимости и бизнес-процессы все более замыкаются на китайскую экономику, усиливаются элементы конкуренции в хозяйственной специализации стран ЕАЭС. В частности, это происходит в автосборочном производстве, производстве первичных цветных металлов, металлоизделий, продуктов нефтехимии, минеральных удобрений (в первую очередь речь идет о совместных проектах Казахстана и Китая в рамках

двусторонней программы индустриально-инвестиционного сотрудничества).

Несмотря на вызовы, возникающие в связи с неуклонным усилением экономического влияния Китая в мире, расширением его коммерческого присутствия в Евразии, дальнейшее развитие и углубление торгово-экономических связей с этой страной является инвариантным для большинства государств, особенно расположенных в евразийском регионе, и прежде всего для России, имеющей самую протяженную в мире сухопутную границу с КНР. Санкционное противостояние РФ с Западом, нарастание неопределенностей и рисков глобального развития, в том числе из-за эскалации торгового протекционизма и ограничений для ведения международного бизнеса, — все это определяет стратегический характер российско-китайского делового взаимодействия, позволяет рассчитывать на последовательное увеличение его масштабов и диверсификацию направлений сотрудничества.

Состояние российско-китайского торгово-экономического сотрудничества

За период 2009–2018 гг. товарооборот России с Китаем вырос в 2,7 раза — с 39,5 млрд долл. до 108,2 млрд долл., в том числе объем российского экспорта в КНР увеличился в 3,4 раза (с 16,7 млрд долл. до 56,0 млрд долл.). По итогам 2018 г. сальдо в российско-китайской торговле вновь стало положительным (профицит составил 3,8 млрд долл.).

В последнее десятилетие Китай значительно укрепил свои позиции крупнейшего поставщика товаров в Россию, а в 2017 г. стал также лидером в рейтинге стран — импортеров российской продукции. Доля Китая во внешнеторговом обороте России выросла с 8,3% в 2009 г. до 15,7% в 2018 г.

Большое значение имеет тот факт, что КНР выступает ведущим партнером России по несырьевому неэнергетическому экспорту, являясь крупнейшим покупателем российской несырьевой продукции нижних переделов (с долей 9,4% в 2018 г.).

Таблица 2

Торговля товарами России с Китаем в 2016–2019 гг. (млн долл.) [5]

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г.	2019 г.
				Январь – июнь	Январь – июнь
Товарооборот	66 123	86 972	108 244	49 959	50 300
Экспорт	28 018	38 917	56 019	25 897	26 102
Импорт	38 105	48 055	52 225	24 062	24 198
Сальдо	- 10 087	- 9 138	3 794	1 835	1 904

Основными статьями российского экспорта в КНР в последнее десятилетие были: минеральное топливо (74% в 2018 г.), древесина и изделия из нее (8,6%), продукция агропромышленного комплекса (5,3%), химическая продукция (2,8%). Доля машин, оборудования и транспортных средств колебалась в интервале 4–9%.

Россия третий год подряд является крупнейшим экспортером нефти в Китай, в 2018 г. российские поставки (71,5 млн т) покрывали 15,5% импортных потребностей КНР.

В структуре российского импорта из Китая лидируют машины, оборудование и транспортные средства (57,1% в 2018 г.), которые поставляются, в частности, в рамках совместных проектов, реализуемых на территории России. К крупным позициям также относятся текстиль, текстиль-

ные изделия и обувь (11,2%), продукция химической промышленности (9,9%).

В первом полугодии 2019 г. товарооборот между Россией и Китаем продолжал расти.

Взаимная торговля услугами, как и товарооборот сторон, быстро расширялась в последние годы и достигла 5,9 млрд долл. в 2018 г., что в 1,7–1,8 раза больше, чем в середине 2010-х годов. Экспорт России в КНР в 2018 г. почти на 0,4 млрд долл. превысил импорт.

Таблица 3

Торговля услугами России с Китаем в 2014–2018 гг. (млн долл.) [5]

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Оборот	3 552	3 305	3 970	4 763	5 859
Экспорт РФ	1 498	1 545	1 944	2 387	3 121
Импорт РФ	2 054	1 760	2 026	2 376	2 738
Сальдо РФ	-556	-215	-81	11,5	384

Доля услуг в общем объеме российско-китайской торговли товарами и услугами составила в 2018 г. лишь 5,1%, что намного меньше, чем для всей внешней торговли России, где удельный вес услуг достигает 19%. Это, в числе прочих факторов, свидетельствует о существующих резервах для расширения российско-китайской торговли услугами.

В структуре взаимной торговли услугами преобладают традиционные виды услуг — транспортные, по статье «поездки» и строительные. В экспорте России в 2018 г. на них в сумме приходилось 89%, в импорте России услуг из КНР — свыше 74%.

В целом импорт услуг из КНР более диверсифицирован, чем их экспорт в КНР. В экспорте, помимо ведущей тройки

укрупненных позиций (транспорт, поездки и строительство), значимые объемы приходятся только на прочие деловые и профессиональные услуги (8,5% в 2018 г.) и ИКТ-услуги (1,4%). В импорте широко представлены прочие деловые и профессиональные услуги (14,3% в 2018 г.), ИКТ-услуги (3,1%), финансовые и страховые услуги (3%), услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров (2,8%), плата за пользование интеллектуальной собственностью (2,2%).

В экспорте России на последнее десятилетие упрочились позиции транспортных услуг, прежде всего услуг воздушного транспорта, почтовых и курьерских услуг из-за бурного роста электронной торговли (с 1 млн долл. в 2010 г. до 207 млн долл. в 2018 г.), услуг международного железнодорожного транзита. В 2018 г. против предшествующих лет заметно возрос экспорт строительных услуг и прочих деловых и профессиональных услуг, что обусловлено в значительной степени повышением деловой активности китайского бизнеса в России (оказание подрядных услуг китайским строительным компаниям на территории РФ, оказание услуг по развитию коммерческих операций китайских предприятий в России, продвижению их продукции на внутреннем рынке и др.).

В импорте России услуг из КНР в 2017–2018 гг. по отношению к предшествующим годам существенно выросли объемы закупок строительных услуг, прочих деловых и профессиональных услуг, что, как и в экспорте, в большей степени связано с расширением китайского коммерческого присутствия в российской экономике. С середины 2010-х годов отмечаются крупные платежи по импорту финансовых услуг и услуг в сфере интеллектуальной собственности.

Экспорт России по аналитической категории «высокотехнологические и интеллектуальные услуги» в последние годы

возрастал и достигал в среднем 0,25 млрд долл. в 2017–2018 гг., около 10% всего экспорта услуг в Китай (что, однако, кратно уступает доле высокотехнологичных и интеллектуальных услуг в общем российском экспорте услуг, приближающейся к 30%). Импорт Россией высокотехнологичных и интеллектуальных услуг из КНР составил 0,37 млрд долл. в 2018 г.

Доля Китая в общем российском экспорте услуг наиболее высока по таким укрупненным статьям, как транспортные услуги и поездки, особенно услуги грузовых перевозок, в том числе воздушным транспортом, почтовые и курьерские услуги, личные поездки. В российском импорте услуг удельный вес Китая наибольшего значения достигает по статье «строительство в России».

Оценка реальных масштабов российско-китайского инвестиционного сотрудничества на основе официальных данных затруднена, поскольку крупными партнерами России и Китая в сфере инвестиций выступают офшорные юрисдикции, через которые проводится значительная часть операций.

Министр коммерции КНР Гао Хучэн в феврале 2017 г. называл показатель накопленных китайских инвестиций в России в 42 млрд долл [6]. Он же чуть позднее отмечал, что «приток китайских инвестиций даже несколько выше, чем принято считать, поскольку часть из них невидима из-за особенностей российской и китайской статистических систем. 80% китайских прямых инвестиций за рубеж — это деньги, которые уходят в пять офшоров — Гонконг, Нидерланды, Каймановы, Виргинские и Бермудские острова. Дальше они движутся по миру, но нигде в качестве китайских инвестиций не учитываются».

Подтверждением быстро расширяющегося инвестиционного сотрудничества РФ и КНР служат данные российского

платежного баланса об экспорте и импорте РФ услуг по статье «строительство в России». Взаимные поставки услуг по данной статье в 2018 г. достигли рекордного уровня — 1,26 млрд долл., что превысило показатель 2016 г. в 10 раз (128,5 млн долл.).

По данным МИД России, в настоящее время идет проработка инвестиционных российско-китайских проектов на общую сумму 120 млрд долл. (из выступления главы МИД С. Лаврова по итогам встречи со своим китайским коллегой Ван И 13 мая 2019 г.) [7].

В последние месяцы 2019 г. российско-китайское инвестиционное взаимодействие продолжало активно развиваться, о чем свидетельствуют новые договоренности, достигнутые на V Восточном экономическом форуме во Владивостоке в начале сентября 2019 г.

В перспективе — реализация новых крупных проектов в энергетике (запуск в эксплуатацию Восточного маршрута газопровода «Сила Сибири», реализация проекта «Ямал СПГ», ввод в строй Амурского газоперерабатывающего завода), машиностроении (прежде всего в атомной отрасли, в авиастроении и вертолетостроении, двигателестроении, электротехническом и электронном машиностроении, в производстве уникальной техники — например, совместный проект Арктического мобильного бурового комплекса), агропромышленном комплексе, включая модернизацию животноводческих производств и открытие китайского рынка для их продукции, др.

В условиях ограниченного доступа России к ресурсам международного финансового рынка и, соответственно, возникновения у российского бизнеса проблем с ликвидностью актуальным становится приобретение китайскими

инвесторами долей в акционерном капитале крупных российских корпораций, многие из которых работают в интегрирующих КНР сырьевых отраслях.

Крупнейшими сделками такого рода в последние несколько лет стали:

— покупка компанией CNPC и Фондом Шелкового пути соответственно 20% и 9,9% акций в ПАО «Ямал СПГ», реализующим крупный проект по добыче, сжижению и поставке на экспорт природного газа (сумма сделок превышает 1 млрд долл.);

— покупка Китайской инвестиционной корпорацией 12,5% акций «Уралкалия» (2 млрд долл.) и 5,4% акций Московской биржи (100 млн долл.);

— приобретение 10% акций ПАО «Сибур Холдинг» (1,3 млрд долл.) корпорацией Sinopec Group и еще 10% — Фондом Шелкового пути;

— приобретение Строительным банком Китая 2% акций банка ВТБ (100 млн долл.) и др.

В июле 2019 г. в Москве руководителями РАН и Китайской Академии наук была подписана «дорожная карта» сотрудничества в сфере науки и технологий, которая предусматривает, в частности, проведение совместных глубоководных исследований, развитие взаимодействия по сверхмощным лазерам, изучение мозга, исследование Арктики и Антарктики. В перспективе это сотрудничество будет содействовать расширению инвестиционного взаимодействия.

Перспективы удвоения российско-китайской торговли к 2024 году

По итогам российско-китайских переговоров на высшем уровне и встречи глав правительств РФ и КНР в Пекине в на-

чале ноября 2018 г. поставлена задача к 2024 г. увеличить взаимную торговлю товарами и услугами до 200 млрд долл. Как было показано выше, динамика двусторонней торговли в 2018 г. внушает оптимизм: в сумме оборот по товарам и услугам превысил 114 млрд долл. и вырос к 2017 г. почти на четверть (24,4%).

Российскую сторону, по понятным причинам, интересует, прежде всего, возможность достижения целевого ориентира в части экспорта в Китай, который, при стремлении к сбалансированности взаимной торговли, составляет около 100 млрд долл.

Для оценки потенциального объема российского экспорта в Китай проводились как экспертный анализ, так и формульные расчеты по методике Международного торгового центра ЮНКТАД/ВТО (Export potential assessments)¹. При этом экспертные оценки в основном оказались близки к результатам формульных расчетов, кроме тех случаев, когда методика МТЦ не могла учесть изменения, связанные с реализацией новых проектов и вероятным значительным улучшением доступа российской аграрной продукции на китайский рынок.

Общий объем российского товарного экспорта в КНР в 2018 г., как отмечалось ранее, составил 56 млрд долл. Рассчитанный по методике МТЦ экспортный потенциал к 2024–2025 гг. составляет 91,3 млрд долл. США, прирост по сравнению с 2018 г. — 35,3 млрд долл. Методика не учитывает эффекты новых проектов, однако в случае экспорта природного газа, из-за принципиального влияния его поставок на общие объемы продаж РФ в КНР, изначально-

¹ Экспертная оценка и формульные расчеты проводились специалистами Всероссийской академии внешней торговли и Всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института

но была сделана корректировка на запуск в эксплуатацию Восточного маршрута газопровода «Сила Сибири», реализацию проекта «Ямал СПГ», ввод в строй Амурского газоперерабатывающего завода.

Потенциал увеличения российского экспорта в Китай, рассчитанный по методике МТЦ, в среднесрочной перспективе сконцентрирован главным образом в традиционных для России экспортных сегментах: топливно-минеральная продукция (нефть, природный газ, нефтепродукты и уголь), продовольственные товары (рыба и морепродукты, зерновые, масличные семена, растительные масла), металлургическая продукция (прежде всего руда, цветные и драгоценные металлы). Значительный экспортный потенциал имеют также продукция химической промышленности (удобрения, продукты базовой химии, пластмассы и резина, др.), лесобумажные товары. В общей величине вероятного прироста экспорта к 2024–2025 гг. по методике МТЦ свыше 60% приходится на топливно-минеральные товары, примерно 14% — на руды, металлы и изделия из них, около 9% — на химическую продукцию, 8% — на различные продовольственные товары, 5% — на лесобумажную продукцию.

Корректировка данных расчетов потенциала российского товарного экспорта в КНР, проведенных с использованием методики МТЦ, осуществлялась по трем направлениям.

1. Учет результатов экспертного анализа при отличии их от данных, полученных по методике МТЦ, в случае различий в оценке ценовой конъюнктуры, импортного спроса в Китае и конкурентоспособности российской продукции. То есть несовпадение по параметрам, учитываемым и в экспертном анализе, и в методи-

ке МТЦ (существенные расхождения были отмечены по энергоносителям, а также по железной руде и черным металлам, что потребовало корректировки на уровне отдельных позиций).

2. Учет результатов экспертного анализа при отличии их от данных, полученных по методике МТЦ, в случае неуправливания формульной методикой новых факторов, влияющих на экспорт, — реализация новых проектов и качественное улучшение доступа на китайский рынок для отдельных категорий отечественной продукции.

Среди главных неучтенных в методике МТЦ факторов — реализация новых проектов в машиностроении, а также модернизация животноводческих производств и открытие китайского рынка для их продукции. Новые проекты и улучшение доступа на рынок КНР для продукции растениеводства в силу уже сложившихся высоких объемов поставок данных товаров на китайский и глобальный рынки де-факто нашли отражение в расчетах по методике МТЦ. При этом дальнейшее значительное увеличение отгрузок сои в КНР, которое обсуждается, в решающей степени зависит от результатов переговоров между США и КНР о нормализации взаимных торговых отношений.

Новые совместные проекты в машиностроении, о которых говорилось выше, могут, по экспертной оценке, обеспечить к середине 2020-х годов дополнительный прирост экспорта в объеме около 3 млрд долл.

Модернизация животноводческих производств и открытие китайского рынка для их продукции способны довести экспорт отечественной мясомолочной продукции в КНР с практически нулевого уровня сегодня до 1–1,5 млрд долл. к 2024–2025 гг. Однако превышение этой величины,

прогнозируемое отдельными ведомственными и отраслевыми экспертами, также маловероятно по причинам высокой конкуренции на мировом рынке мясомолочной продукции, эффективной транспортной доступности Китая для ведущих экспортеров продуктов животноводства, а также сохраняющейся дефицитности российского рынка по говядине и необходимости удовлетворения внутреннего спроса.

3. Поправка на величину экспорта по закрытым позициям, не учитываемым в расчетах по МТЦ. В последние годы на такие позиции приходилось в среднем около 1 млрд долл. российского экспорта в КНР. Существенное изменение данной величины маловероятно: перспективы расширения ВТС имеют сильные ограничения, но в то же время будут реализовываться ранее заключенные контракты и ремонтироваться военная техника. Поэтому указанную величину практически в неизменном виде можно экстраполировать на среднесрочную перспективу.

С учетом результатов расчетов по методике МТЦ и их экспертной корректировки совокупный прирост российского экспорта в КНР к 2024-2025 гг. против 2018 г. можно оценить на уровне порядка 40 млрд долл., а его общую величину в середине 2020-х годов — в объеме 97 млрд долл. Ожидаемая структура совокупного прироста экспорта в КНР показана на рисунке ниже.

На перспективы российского товарного экспорта в Китай будет влиять сложная совокупность факторов, не поддающихся сегодня однозначной оценке, однако способных существенно скорректировать экспертные ожидания и результаты формульных расчетов на основе сложившихся трендов.

2020-х годов (в % к итогу = 39,55 млрд долл.)

Среди таких факторов:

- Неопределенность дальнейшего развития и последствий нынешнего геополитического и торгово-экономического противостояния Китая и США. Тотальная торговая война с США, по экспертным оценкам, может стоить Китаю до 1,5 процентных пунктов ВВП. Такое сильное замедление китайской экономики неизбежно приведет к снижению динамики общего импорта страны. В случае же нормализации китайско-американских торговых отношений следует ожидать заметного увеличения поставок из США многих чувствительных товаров на китайский рынок (продовольственной, химической и металлургической группы), а также различных видов оборудования.
- Быстрое освоение Китаем собственного выпуска все более широкого круга ранее импортировавшейся продукции. Это будет оказывать сильное сдерживающее

воздействие на поставки из РФ в КНР многих традиционных видов базовых промышленных полуфабрикатов, особенно первого передела. При этом экспортеры полуфабрикатов более глубокой переработки и высокого качества из Японии, Южной Кореи и других стран сохранят на определенное время позиции на китайском рынке.

- Неопределенность динамики и глубины структурных изменений в китайской экономике, влияющих на ВВП и параметры внутреннего спроса, в связи с цифровизацией и распространением технологий четвертой промышленной революции, ростом доходов населения и среднего класса. Основной вопрос — насколько быстрым будет переход КНР от стадий инфраструктурного и инвестиционного потребления к стадии постиндустриального потребления с сопутствующими ей ограничениями для традиционной торговли. Сохраняется существенная неопределенность по потребительским предпочтениям быстрорастущего китайского среднего класса.
- Неопределенность среднесрочных последствий программ индустриально-инновационного и цифрового развития Китая с точки зрения их влияния на импортный спрос. Основной вектор — повышение самообеспеченности по ключевым направлениям (в том числе в области производства товаров народного потребления, высокотехнологичной продукции) и трансфер дефицитных технологий при посредничестве технологических активов, приобретенных КНР за рубежом. Однако в связи с огромным масштабом решаемых Китаем задач определенные товарные ниши в традиционных и высокотехнологичных сегментах рынка

будут еще некоторое время, возможно длительное, сохраняться, что требует постоянного мониторинга рыночной ситуации.

- Сильное ужесточение в Китае экологического законодательства, требований к охране окружающей среды, сопровождающееся мерами по сокращению производства в отдельных добывающих отраслях (например, добычи угля), металлургии (особенно выпуска рядовой стали), химической и целлюлозно-бумажной промышленности. Этот процесс будет иметь ряд последствий. Во-первых, ускорится инновационное развитие КНР, в частности на направлениях энергосбережения и энергоэффективности, альтернативной энергетики, рециклирования материалов, использования композитных материалов на углеродной основе вместо металлов. Во-вторых, высвобождающиеся товарные ниши на китайском рынке будут использоваться Китаем для решения внешнеполитических и внешнеэкономических задач, в том числе для наполнения повестки «пояса и пути» путем закупки в странах-партнерах продукции экологически неблагополучных производств или ее более экологичных заменителей (например, природного газа в РФ) либо же посредством переноса таких неблагополучных производств в рамках программ поддержки индустриального развития в близлежащие страны (в Центральную Азию, особенно в Казахстан, Монголию, др.). В последнем случае поставки из этих стран будут конкурировать с российским экспортом.
- Не ясны перспективы выполнения Китаем международных норм по охране интеллектуальной собственности. То есть западные страны, скорее всего, его

«дожмут», тем более Китай уже владеет серьезными технологическими активами в западном мире и может вполне легально получать значительную часть технологий. В России же КНР такими активами не владеет, но сохраняет интерес ко многим российским технологиям. Соответственно, если в двусторонних отношениях не удастся добиться четкого соблюдения Китаем требований в сфере интеллектуальной собственности, то широкого сотрудничества в машиностроении может вообще не получиться, и все по-прежнему будет ограничиваться поставками пробных партий товаров, которые будут несанкционированно копироваться китайской стороной.

- Неопределенность динамики и глубины выстраивания КНР преференциальных торгово-экономических отношений с зарубежными странами. Заявленные планы КНР в данной области выглядят весьма амбициозно, ключевой проект — Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство с участием, помимо Китая, стран АСЕАН, Японии, Южной Кореи, Индии, Австралии и Новой Зеландии. Завершение переговоров по ВРЭП ожидается не позднее 2020 г. Вступление в силу этого соглашения, пока неопределенное по времени из-за необходимости его ратификации большим количеством стран, может качественно изменить конкурентную ситуацию на китайском рынке, и не в пользу российского бизнеса.

Существенные неопределенности в отношении перспектив российско-китайского торгово-экономического сотрудничества сохраняются по многим другим причинам и направлениям. В частности, по наиболее масштабным

инфраструктурно-технологическим проектам будущего взаимодействия — в освоении Северного морского пути и перспективном конфигурировании атомной энергетики Китая на базе российских технологий и реакторов на быстрых нейтронах, установок пристанционного ядерного топливного цикла для замыкания этого цикла в масштабах национальной атомной отрасли КНР.

Выводы

В умеренно-оптимистичном экспертно-расчетном прогнозе ВАВТ/ВНИКИ ожидаемая величина российского товарного экспорта в КНР к середине 2020-х годов приблизится к 100 млрд долл. (точная прогнозная оценка — 97 млрд долл.). Но наряду с возможностями имеются серьезные риски достижения данного показателя (указаны выше), что требует системной работы по митигации этих рисков и реагированию на новые конкурентные, структурные и иные вызовы, возникающие на китайском рынке. По оценке ВАВТ/ВНИКИ, в среднесрочном периоде российско-китайский товарооборот будет стремиться к достижению сбалансированности, что будет означать выход к 2024–2025 гг. на показатель взаимной торговли товарами в объеме порядка 200 млрд долл.

Достижению устойчиво высоких, превышающих 200 млрд долл. объемов взаимной торговли будет способствовать расширение российско-китайской торговли услугами, имеющей значительный потенциал. В части российского экспорта услуг в КНР наиболее перспективными являются услуги воздушного транспорта, международного транзита, туризм, ИКТ-услуги и технологические услуги, услуги по сооружению технически сложных производственных и инфраструктурных объектов, различные деловые и профессиональные услуги по обеспе-

чению деятельности китайских компаний на российском рынке.

Библиографический список

1. США — Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства / Барановский В.Г., Богаевская О.В., Вартазарова Л.С. и др./Научный доклад. — М.: ИМЭМО РАН. 2018 — 65 с.
2. Спартак А.Н. Направления и методы международной конкуренции в начале XXI века: геоэкономические и торгово-политические аспекты // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 9. С. 3–15. SSHA — Kitaj: bor'ba dvuh strategij i praktik mirovogo liders-tva/Baranovskij V.G., Bogaevskaya O.V., Vartazarova L.S. i dr./Nauchn-yy doklad. — М.: ИМЭМО РАН. 2018-65 с.
3. Spartak A.N. Napravleniya i metody mezhdunarodnoj konkurencii v nachale XXI veka: geoeconomicheskie i trgovno-politicheskie aspe-кты // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2011. № 9. S. 3-15
4. Report to the U.S. Congress on Global Export Credit Competition (For the period January 1, 2017 through December 31, 2017). — Washington D.C.: Export-Import Bank of the United States. June, 2018. P. 22
5. Спартак А.Н. Современные трансформационные процессы в международной торговле и интересы России. — М.: ВАВТ/Издательство ИКАР, 2018. С. 386-388 / Spartak A.N. Sovremennyy transformacionnye processy v mezhdunarodnoj trgovle i interesy Rossii. — М.: VAVT/Izdatel'stvo IKAR, 2018. S. 386-388
6. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 29 сентября 2019 г.). / Oficial'nyj sajt Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (data obrashcheniya: 29 sentyabrya 2019 g.).
7. Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: <http://customs.ru/statistic> / Oficial'nyj

- sajt Federal'noj tamozhennoj sluzhby Rossijskoj Federacii. URL: <http://customs.ru/statistic/>
8. Официальный сайт Центрального банка РФ. URL: http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ Oficial'nyj sayt Central'nogo banka RF. URL: http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/
 9. Много ли Китай инвестирует в Россию? Электронный ресурс — режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/> Mnogo li Kitaj investiruet v Rossiyu? Elektronnyj resurs — rezhim dostupa: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/>
 10. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с членом Государственного совета, Министром иностранных дел КНР Ван И, Сочи, 13 мая 2019 года. Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3643559/ Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v hode sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s chlenom Gosudarstvennogo soveta, Ministrom inostrannyh del KNR Van I, Sochi, 13 maya 2019 goda. Oficial'nyj sayt MID Rossii. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3643559

References

1. USA — Kitaj: borba dvukh strategij i praktik mirovogo liderstva/Baranovskij V.G., Bogayevskaya O.V., Vartazarova L.S. i dr./Nauchnyj doklad. — М.: IMEMO RAN. 2018-65 s. Spartak A.N. Napravleniya i metody mezhdunarodnoy konkurentsii v nachale XXI veka: geoko-nomicheskiye i torгово-politicheskiye aspekty // Rossiyskij vneshne-ekonomicheskij vestnik. 2011. № 9. S. 3-15. SHA — Kitaj: bor'ba dvuh strategij i praktik mirovogo liderstva/Baranovskij V.G., Bogayevskaya

- O.V., Vartazarova L.S. i dr./Nauchnyj doklad. — M.: IMEMO RAN. 2018-65 s. Spartak A.N. Napravleniya i metody mezhdunarodnoj konkurencii v nachale XXI veka: geoeconomicheskie i torgovo-politicheskie aspekty // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2011. № 9. S. 3-15
2. Report to the U.S. Congress on Global Export Credit Competition (For the period January 1, 2017 through December 31, 2017). — Washington D.C.: Export-Import Bank of the United States. June. 2018. P. 22
 3. Spartak A.N. Sovremennyy transformacionnyye protsessy v mezhdunarodnoj torgovle i interesy Rossii. — M.: VAVT/Izdatel'stvo IKAR. 2018. S. 386-388 / Spartak A.N. Sovremennyy transformacionnyye processy v mezhdunarodnoj torgovle i interesy Rossii. — M.: VAVT/Izdatel'stvo IKAR. 2018. S. 386-388
 4. Ofitsialnyy sayt Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (data obrashcheniya: 29 sentyabrya 2019 g.). / Oficial'nyj sayt Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (data obrashcheniya: 29 sentyabrya 2019 g.).
 5. Ofitsialnyy sayt Federalnoy tamozhennoj sluzhby Rossiyskoy Federatsii. URL: <http://customs.ru/statistic/> Oficial'nyj sayt Federal'noj tamozhennoj sluzhby Rossijskoj Federacii. URL: <http://customs.ru/statistic/>
 6. Ofitsialnyy sayt Tsentralnogo banka RF. URL: http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ Oficial'nyj sayt Central'nogo banka RF. URL: http://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/
 7. Mnogo li Kitay investiruyet v Rossiyu? Elektronnyy resurs — rezhim dostupa: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/> Mnogo li Kitaj investiruet v Rossiyu? Elektronnyj resurs — rezhim dostupa: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/mnogo-li-kitay-investiruet-v-rossiyu/>
 8. Vystupleniye i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova v khode sovместnoy press-konferentsii po itogam per-

egovorov s chlenom Gosudarstvennogo soveta. Ministrom inostrannykh del KNR Van I. Sochi. 13 maya 2019 goda. Ofitsialnyy sayt MID Rossii. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3643559 / Vystuplenie i otvety na voprosy SMI Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova v hode sovmestnoj press-konferencii po itogam peregovorov s chlenom Gosudarstvennogo soveta. Ministrom inostrannykh del KNR Van I. Sochi. 13 maya 2019 goda. Oficial'nyj sayt MID Rossii. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3643559

Контактная информация

АО «Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт»

119285, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4

Тел.: +7 499 143 02 61

E-mail: spartak@vniki.msk.ru

**АЛГОРИТМ РАЗВИТИЯ
КОНКУРЕНТНЫХ
ПРЕИМУЩЕСТВ
В СФЕРЕ ТУРИЗМА
В ПРОЕКТЕ
«ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»**
**ALGORITHM
FOR THE DEVELOPMENT
OF COMPETITIVE
ADVANTAGES
IN THE TOURISM
SECTOR IN THE PROJECT
«ONE BELT – ONE WAY»**

УРЖУМЦЕВА ТАТЬЯНА БОРИСОВНА

Научно-образовательный центр изучения Китая
и стран АТР, руководитель центра, СПбГЭУ

TATYANA B. URZHUMTSEVA

Research and Education Center for the Study
of China and the Asia-Pacific Region, Head of the
Center, SPbGEU

АННОТАЦИЯ

В данной статье проанализирован туристский потенциал стран – участниц инициативы «Один пояс — один путь», рассмотрены проблемы финансирования процесса разработки и реализации Долгосрочной Концепции развития конкурентных преимуществ в сфере туризма. Также предложен алгоритм формирования и развития конкурентных преимуществ в сфере туризма в рамках проекта «Один пояс — один путь».

ABSTRACT

This article explores the tourism potential of «One belt – one road» initiative's member countries and the problems of financing the process of developing and implementing a Long-term concept of development of competitive advantages in the sphere of tourism. Also, the algorithm of formation and development of competitive advantages in the sphere of tourism within the project «One belt – one road» is offered.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Туризм, Россия, Китай, «Один пояс — один путь», конкурентные преимущества, туристский потенциал.

KEY WORDS

Tourism, Russia, China, «One belt — one road», competitive advantages, tourism potential.

На современном этапе развития туристского рынка конкуренция перешла с уровня стран как туристских дестинаций на новый уровень — интеграционных объединений стран. Началом этого процесса послужило выступление председателя КНР Си Цзиньпина в сентябре 2013 г. в Казахстане в столичном Назарбаев-Университете, в котором он публично представил новый евразийский геополитический проект — Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века или стратегии

«Один пояс — один путь» (ОПОП). Главная цель проекта — расширить геополитическое и экономическое пространство для развития государств Евразии на основе решения следующих основных задач:

- укрепления торговых и экономических связей;
- интенсификации экономического сотрудничества;
- совместного строительства крупных инфраструктурных объектов, в первую очередь транспортных сетей;
- оптимизации сети трансграничных дорог, соединяющих государства, расположенные в Восточной, Южной и Западной Азии, для обеспечения взаимовыгодного развития и общего будущего;
- инвестиционного сотрудничества, необходимым условием которого являются: упрощение схемы торговли для ликвидации барьеров между КНР и странами региона; снижение издержек.

Если сначала данный проект рассматривался в основном как инфраструктурный, то сегодня он стал интеграционным, предполагающим «сближение программ развития, систем регулирования, улучшение взаимного доступа на рынки с использованием торгово-политического инструментария» [5].

Уже в 2014 году Си Цзиньпин отметил, что необходимо развивать особый туризм в рамках «Великого Шелкового пути»; 2015 год был тематическим годом туризма — «Прекрасный Китай — 2015 год — год туризма в рамках китайского Шелкового пути» [2]. В то же время актуальные вопросы развития туризма в рамках ОПОП начали рассматривать после опубликования 28 марта 2015 г. на Боаоском Азиатском Форуме документа Комитета по реформам КНР, Министерства иностранных дел КНР и Министерства коммерции

и торговли КНР «Видение и мероприятия по созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века».

Дэвид Шамбауг, ведущий эксперт по китайским и азиатским проблемам в США, отметил, что культура является основой инициативы «Один пояс — один путь» и что мягкая сила культуры Шелкового пути должна быть в полной мере использована [8].

По состоянию на конец марта 2019 года китайское правительство уже подписало 173 документа о сотрудничестве со 125 странами и 29 международными организациями. Круг стран, участвующих в совместном строительстве «Одного пояса — одного пути», расширился от Азии и Европы до Африки, Латинской Америки, южной части Тихого океана и других регионов [1]. Сегодня проект ОПОП включает 80% объектов Всемирного культурного наследия. Как планирует Национальное управление по туризму КНР в течение 13-й пятилетки в страны, расположенные вдоль ОПОП, будет перемещаться 150 млн туристов, которые принесут в бюджет этих стран 200 млрд долл. США [2].

В то же время, несмотря на богатые туристские ресурсы, территория вдоль ОПОП с точки зрения развития туризма находится на первоначальном этапе, т. е. туризм на этих территориях практически отсутствует. Поэтому в целях повышения конкурентоспособности туризма стран — участниц ОПОП необходимо формировать новые и развивать существующие конкурентные преимущества. К ним следует отнести в первую очередь создание условий для эффективного использования туристских ресурсов, развитие сотрудничества в сфере создания новых уникальных турпродуктов и туруслуг, строительство уникальных специали-

зированных туристских центров, содействовать интеграции туризма с сельским хозяйством, промышленностью, финансовой сферой и информационно-телекоммуникационной индустрией и т.д.

Уже созданы организации, реализующие механизмы туристского сотрудничества: Международный союз продвижения туризма на «Шелковом пути», Международный союз продвижения туризма на «Морском Шелковом пути», Международный туристический союз Великого чайного пути и др. Китай с 57 странами, расположенными вдоль ОПОП, подписал соглашение о безвизовом режиме, применяемом к гражданам — держателям различных типов паспортов, с 15 странами добился договоренности об упрощении визовых процедур. В 2018 году количество зарубежных туристических поездок, совершенных гражданами Китая, достигло 150 миллионов человек. Число иностранных туристов, посетивших Китай, составило 30,54 миллиона человек. Наибольшее число туристов прибыло в Китай из России, Мьянмы, Вьетнама, Монголии, Малайзии, Филиппин и Сингапура [1].

В настоящее время сформулированы следующие направления развития индустрии туризма в рамках проекта ОПОП:

- развитие инфраструктуры;
- упрощение визового режима;
- новые маршруты и турпродукты, создание международного туристского маршрута;
- круизный туризм;
- развитие международного туризма на о. Хайнань [3].

По мнению автора, практическая реализация намеченных направлений формирования и развития конкурентных преимуществ КНР и стран — участниц ОПОП в сфере туриз-

ма требует создания специального механизма и разработки уникальных инструментов.

Представляется, что для этого могут быть использованы различные уже существующие и широко применяемые на практике инструменты — отраслевые, межотраслевые и межрегиональные инвестиционные проекты, создание туристских кластеров, в том числе на приграничных территориях, формирование зон свободной торговли и т.д., использование принципов интегрированной логистики и государственно-частного партнерства в целях их успешной реализации и многое другое.

Анализ практического опыта реализации вышеперечисленных научных подходов и практических инструментов показывает, что наиболее эффективным и успешно зарекомендовавшим себя в течение многих десятилетий является программно-целевой метод (ПЦМ) управления и планирования. Очевидно, что именно данный метод, как современная форма стратегического планирования, позволит объединить усилия для комплексного и системного решения среднесрочных и долгосрочных проблем формирования и развития конкурентных преимуществ в туризме в рамках проекта ОПОП, оптимально сочетать интересы каждой страны-участницы, ее территориальные особенности и специфику деятельности предприятий и организаций сферы туризма, в том числе объектов мирового культурного наследия.

Как известно, программно-целевой подход широко использовался в управлении и прогнозировании народного хозяйства КНР и Российской Федерации. Наиболее широко данный метод применялся в 70–80-е годы XX века в нашей стране; в процесс разработки и реализации различного вида программ были вовлечены как государственные структуры

на всех иерархических уровнях управления, так и научно-исследовательские институты и предприятия различных отраслей народного хозяйства. С переходом к рыночной экономике от данного метода в процессе управления экономикой страны и ее регионов, к сожалению, практически отказались, вспомнив о нем в последнее десятилетие (государственные программы, национальные проекты и др.) В то же время программно-целевой подход используется на протяжении многих лет в большинстве развитых стран мира, в том числе Канаде, Японии, Южной Корее, Австрии, Германии, Франции, Финляндии, США и др.

Однако на межстрановом уровне, в том числе применительно к туризму, механизм формирования и развития конкурентных преимуществ в рамках проекта ОПОП требует более детальной разработки и адаптации.

Предлагаемый алгоритм формирования новых и развития существующих конкурентных преимуществ стран-участниц проекта ОПОП приведен на рисунке.

На первом этапе данного процесса необходимо заключение соответствующих международных договоров о развитии туризма между странами (двусторонний или многосторонний) как одного из стратегических направлений реализации проекта ОПОП. При этом помимо указанного соглашения (договора) необходимо также заключение договора о расширении безвизового пространства между соответствующими странами — участницами проекта.

Следующий — **второй этап** — Создание Межгосударственного Комитета по вопросам организации взаимодействия в сфере туризма — представляет собой процесс формирования соответствующей организационной структуры, которая должна реализовывать функции управления.

Рис. Алгоритм формирования и развития конкурентных преимуществ в сфере туризма в рамках проекта «Один пояс — один путь»

На **третьем этапе** Межгосударственный Комитет по развитию туризма разрабатывает Долгосрочную Концепцию развития конкурентных преимуществ (ДКРКП) в сфере туризма. В данном документе констатируются основные конкурентные преимущества каждой страны-участницы в сфере туризма, определяются основные проблемы развития туризма стран — участниц проекта ОПОП, формулируются цели и задачи их развития, обосновывается необходимость формирования новых конкурентных преимуществ стран-участниц проекта ОПОП.

Далее в ДКРКП определяются основные направления развития туризма между странами-участницами, разрабатываются основные мероприятия по формированию новых и развитию существующих конкурентных преимуществ в сфере туризма, оценивается объем необходимых инвестиционных ресурсов для реализации намеченных мероприятий.

Представляется, что разработанная ДКРКП в сфере туризма должна обязательно проходить обсуждение и экспертизу на различных уровнях управления туризмом стран-участниц и предпринимательского сообщества. Для этого должна быть создана соответствующая экспертная группа, включающая как государственных служащих, так и представителей научного сообщества, предприятий и организаций сферы туризма стран-участниц. По итогам обсуждения ДКРКП в сфере туризма должна быть уточнена и при необходимости доработана.

Данный этап включает в себя два подэтапа. Первый из них представляет собой разработку комплекса программ и подпрограмм в разрезе отдельных направлений, сформулированных в ДКРКП. Например, сформулированные в настоящее время направления развития индустрии туризма в рамках проекта ОПОП могут представлять собой Комплексные программы формирования (развития) КП стран-участниц проекта ОПОП. При этом представляется, что организационная разработка данных программ должна осуществляться уже на региональном (или межрегиональном) уровне стран-участниц. Примерная структура такой программы включает в себя следующие разделы:

1. Анализ и оценка туристского потенциала территории (региона).

2. Оценка уровня развития сферы туризма и выявление ее конкурентных преимуществ.
3. Анализ уровня конкурентоспособности сферы туризма территории, выявление проблем ее повышения.
4. Цели и задачи развития сферы туризма территории (региона).
5. Разработка мероприятий по формированию новых и развитию существующих КП.
6. Оценка инвестиционных ресурсов, необходимых для реализации намеченных мероприятий.

Представляется, что разработка таких программ и контроль за их реализацией должны осуществляться уже на региональном (или межрегиональном) уровнях стран — участниц ОПОП путем создания соответствующих рабочих групп. При этом в программе целесообразно использовать проектный подход, т. е. она должна включать в себя различные инвестиционные проекты по конкретным объектам хозяйственной деятельности в сфере туризма.

Поэтому следующий подэтап представляет собой процесс разработки конкретных (адресных) инвестиционных проектов. Каждый проект должен быть направлен в первую очередь на решение наиболее актуальных проблем развития КП сферы туризма.

Следовательно, важнейшей методологической особенностью ДКРКП в сфере туризма является то, что она представляет собой систему программ и инвестиционных проектов, тесно взаимосвязанных между собой. Это обусловлено алгоритмом ее построения по схеме: проблема → цель → задачи → мероприятия (инвестиционные проекты) → ресурсы. При этом взаимосвязь осуществляется не только методически, но и через процесс организации разработки как каждой

программы и проекта в отдельности, так и всей Концепции в целом.

Далее **следует этап 4** — Утверждение ДКРКП в сфере туризма Межгосударственным Комитетом по вопросам организации взаимодействия в сфере туризма. **Этап 5** представляет собой процесс реализации ДКРКП в сфере туризма и тесно взаимоувязан с **этапом 6** — Мониторинг хода реализации КРКП в сфере туризма и реализации инвестиционных проектов. Постоянный мониторинг реализации программы очень важен, так как в случае изменений, например, во внешней или внутренней среде проекта ОПОП, или стран — участниц проекта, может потребоваться уточнение как самой ДКРКП в сфере туризма, так и составляющих ее программ и инвестиционных проектов.

Следует остановиться также на проблеме финансирования процесса разработки и реализации как ДКРКП в сфере туризма, так и составляющих ее программ и инвестиционных проектов. Как известно, в Пекине 29 декабря 2014 г. был зарегистрирован Фонд Шелкового пути (ФШП), представляющий собой китайский инвестиционный фонд, занимающийся в первую очередь крупными вложениями в инфраструктурные проекты в странах вдоль экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути. В 2014 г. китайское правительство инвестировало 40 млрд долл. США в ФШП. На начало 2016 г. ФШП привлек 10 млрд долл., выделенных из золотовалютных резервов КНР (65%), активов Китайской инвестиционной корпорации (15%), Экспортно-импортного банка Китая (15%) и Банка развития Китая (5%) [7]. На конец 2018 года общая договорная сумма капиталовложений ФШП составила около 11 млрд долл. США. Реальная сумма капиталовложений достигла от-

метки 7,7 млрд долл. США. ФШП также выделил 2 млрд долл. США для создания Китайско-Казахстанского фонда сотрудничества в сфере производственных мощностей [1]. В проектах ФШП могут принимать участие иностранные инвесторы, но только в соответствии с китайским законодательством.

К финансированию проектов привлекается Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (100 млрд долл.) и Банк БРИКС (100 млрд долл.). В июне 2015 г. было подписано соглашение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), крупнейшими соучредителями которого выступили Китай, Индия, Россия, Германия и Республика Корея. По состоянию на конец 2018 года количество членов АБИИ увеличилось до 93 — это страны всех континентов мира. Общий объем кредитов, ратифицированных АБИИ, превышает 7,5 млрд долл. США, что активизировало прочие инвестиционные потоки, которые увеличились примерно на 40 млрд долл. США. Финансируется 35 утвержденных проектов, которые охватывают 13 стран мира, в числе которых Индонезия, Пакистан, Таджикистан, Азербайджан, Оман, Турция, Египет.

В 2017 году Китай создал рабочий механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) в рамках ОПОП.

В июле 2018 г. начал функционировать Китайско-европейский совместный инвестиционный фонд с участием инвестиций Фонда Шелкового пути и Европейского инвестиционного фонда; объем инвестиций составил 500 млн евро.

Поэтому представляется, что финансирование процесса разработки ДКРКП в сфере туризма, отдельных программ формирования и развития КП и, например, крупных инфраструктурных инвестиционных проектов может осуществляться за счет средств вышеуказанных финансовых институтов. А реализация программ и проектов на уровне

отдельных регионов, провинций и областей (туристских дестинаций) должно осуществляться на основе ГЧП.

Примером может служить «Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия» (подписана 24 июня 2016 г. в Ташкенте представителями трех стран на основе меморандума от 9 июля 2015 г.) [4]. Она представляет собой рамочный документ в сфере международного сотрудничества трех стран, направленный в том числе на сопряжение Евразийского экономического союза, Экономического пояса Шелкового пути и монгольской инициативы «Степной путь». Главной целью создания Экономического коридора является обеспечение условий для развития и расширения трехстороннего сотрудничества КНР, Монголии и РФ путем реализации совместных проектов, нацеленных на увеличение торгового оборота, обеспечение конкурентоспособности продукции, облегчение трансграничных перевозок, развитие инфраструктуры.

В программе определены следующие основные отраслевые направления взаимодействия:

1. Содействие взаимосвязанному развитию транспортной инфраструктуры.
2. Развитие пунктов пропуска, совершенствование таможенного и карантинного контроля.
3. Укрепление сотрудничества в сфере промышленности и инвестиций.
4. Углубление торгово-экономического сотрудничества,
5. Расширение гуманитарных обменов и сотрудничества,
6. Укрепление сотрудничества в сфере охраны окружающей среды и экологии.
7. Продвижение регионального и приграничного сотрудничества.

При этом в направлении 5 (расширение гуманитарных обменов и сотрудничества) предусмотрена реализация таких задач в сфере туризма, как:

- развитие туризма и создание трансграничных межрегиональных туристических маршрутов;
- совершенствование туристско-рекреационного потенциала, обеспечение разнообразия туристского продукта, формирование доступной и комфортной туристской среды приграничных городов Сторон;
- содействие созданию механизмов комплексного обеспечения безопасности участников трансграничного межрегионального туризма, включая меры по обеспечению личной безопасности и сохранности имущества туристов, а также не нанесения ущерба окружающей среде Сторон при совершении путешествий; создание механизмов помощи туристам при чрезвычайных ситуациях;
- изучение возможности разработки совместных туристских брендов и единого подхода к информационной работе с туристами.

Финансирование проектов Программы осуществляется по отдельной договоренности в каждом конкретном случае, включая возможность привлечения инвестиций от государственного, частного секторов, государственно-частного партнерства, а также ресурсов международных финансовых институтов, в том числе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Нового Банка развития БРИКС, Межбанковского объединения ШОС, ФШП.

При этом в программе Сторонами определен список проектов, являющихся приоритетными для реализации. К ним, в частности, относятся такие проекты, как:

- Развитие трансграничных межрегиональных туристических маршрутов, например «Треугольника Великих озер», включая озеро Байкал в России, озеро Хубсугул в Монголии и озеро Хулунбуир в Китае, а также создание китайско-монгольско-российского туристического кольца.
- Создание российско-китайско-монгольского международного туристического бренда «Великий чайный путь».

Однако сегодня данная программа пока не реализуется в полном объеме, так как сопряжение китайской инициативы с российской буксует в бюрократических согласованиях, и к настоящему моменту китайской стороной используются альтернативные маршруты через Центральную Азию, минуя Россию [6].

В заключение необходимо отметить, что с помощью комплексного проектирования на основе использования программно-целевого подхода и тщательной проработки отдельных проектов создание новых и развитие существующих конкурентных преимуществ в рамках проекта ОПОП позволит его странам — участницам достигнуть высокого уровня конкурентоспособности сферы туризма на мировом туристическом рынке.

Библиографический список

1. Инициатива совместного строительства «Одного пояса, одного пути»: прогресс, вклад и перспективы. Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути», 2019. URL://<https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/87094.htm> [Электронный ресурс, дата последнего обращения: 01.10.2019]

2. Линь Сюэ. (2016) Взаимосвязь стратегии «Один пояс — один путь» и сферы туризма // «Исследования экономического развития». 2016, № 11, часть 2. — С. 173–174.
3. Проблемы и вызовы китайского туризма в рамках стратегии «Один пояс — один путь» 28.07.2015 // URL: <http://www.tripvid.com/articles/2645> [Электронный ресурс, дата последнего обращения: 29.09.2019]
4. Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия. URL: <http://minpromtorg.govrb.ru/rus-ch-mn.pdf> [Электронный ресурс, дата последнего обращения: 08.10.2019]
5. Спартак А.Н. (2017). Метаморфозы процесса регионализации: от торговых региональных соглашений к мегарегиональным проектам // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). С 13–37.
6. Ставров И.В. (2017) Экономический коридор Китай — Монголия — Россия в стратегии социально-экономического развития провинции Хэйлунцзян // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2017. № 2(79). С. 39–50.
7. Чернова А.Ф. Основные этапы реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути». // *Общество и государство в Китае* (сборник материалов XLVII научной конференции «Общество и государство в Китае» / Гл. ред.: Кобзев А.И. — М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 450–457
8. Чжан Линъюнь. (2017) Записки о развитии туризма в Китае: «Один пояс — один путь» и развитие индустрии туризма Китая (II), *Туристическая трибуна*. т. 32 № 6, 2017, с. 1–3.

References

1. *Инициатива совместного строительства «Одного пояса. одного пути»: прогресс, вклад и перспективы. Kantselyariya rukovodyashchey rabochey grupy po prodvizheniyu stroitelstva «Odnogo poyasa. odnogo puti».*

2019. URL://<https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/87094.htm> [Elektronnyy resurs. data poslednego obrashcheniya: 01.10.2019]
2. Lin Syue. (2016) Vzaimosvyaz strategii «Odin poyas — odin put» i sfery turizma // «Issledovaniya ekonomicheskogo razvitiya». 2016. № 11 chast 2. — s.173-174.
 3. Problemy i vyzovy kitayskogo turizma v ramkakh strategii «Odin poyas — odin put» 28.07.2015 // URL: <http://www.tripvivid.com/articles/2645> [Elektronnyy resurs. data poslednego obrashcheniya: 29.09.2019]
 4. Programma sozdaniya ekonomicheskogo koridora Kitay — Mongoliya — Rossiya. URL: <http://minpromtorg.govrb.ru/rus-ch-mn.pdf> [Elektronnyy resurs. data poslednego obrashcheniya: 08.10.2019]
 5. Spartak A.N. (2017). Metamorfozy protsessa regionalizatsii: ot torgovykh regionalnykh soglasheniy k megaregionalnym proyektam // Kontury globalnykh transformatsiy: politika. ekonomika. pravo. 10 (4). 13-37.
 6. Stavrov I.V. (2017) Ekonomicheskii koridor Kitay — Mongoliya — Rossiya v strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya provintsii Kheyluntszyan // Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke. 2017. № 2(79). S. 39-50.
 7. Chernova A.F. Osnovnyye etapy realizatsii proyekta «Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti». // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye (sbornik materialov XLVII nauchnoy konferentsii «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye» / Gl. red.: Kobzev A. I. M.: Instituta vostokovedeniya RAN. 2017. S. 450-457
 8. Chzhan Linyun. (2017) Zapiski o razvitiit turizma v Kitaye: «Odin poyas — odin put» i razvitiye industrii turizma Kitaya (II). Turisticheskaya tribuna.t.32 № 6. 2017. s.1-3.

Контактная информация

Уржумцева Татьяна Борисовна

Тел.: +7(921)633-91-57

e-mail: apr@finec.ru, t.b.urzhumtseva@gmail.com

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн подписки podpiska.pochta.ru

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — **ПР999**

В Научных трудах ВЭО России публикуются материалы круглых столов и конференций ВЭО России, статьи ведущих ученых и специалистов по актуальным проблемам экономики. С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научные труды ВЭО России представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru.

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veorus.ru.

ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — **ПА008**

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей. Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeconomy.ru>.

Презентация

«ДОКЛАДА О ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ 2019» (DIGITAL ECONOMY REPORT 2019) ЮНКТАД

4 сентября в Каминном зале Дома экономиста состоялась презентация «Доклада о цифровой экономике 2019» ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию).

Доклад ежегодно становится источником ценной информации и важной аналитики для экономистов по всему миру.

Он презентуется в единый день во всех мировых столицах.

В России организаторами стали Информационный Центр ООН в Москве, Международный Союз экономистов и Вольное экономическое общество России.

Модератор: Сергей Бодрунов, президент Международного Союза экономистов, президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор. Презентацию доклада провела Анна Абрамова, заведующая кафедрой цифровой экономики и искусственного интеллекта МГИМО.

С содокладом выступил Сергей Афонцев, заместитель директора ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН

В настоящем разделе представлены материалы по итогам дискуссии.

О ВЫГОДО- ПРИБРЕТАТЕЛЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ ABOUT THE BENEFICIARIES OF THE DIGITAL ECONOMY

БЕТЕЛИН ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ

Доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, Научный руководитель Федерального научного центра «Научно-исследовательский институт системных исследований Российской академии наук»

VLADIMIR B. BETELIN

Doctor of physical and mathematical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Federal scientific center «Research Institute of system studies of the Russian Academy of Sciences»

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются элементы цифровой экономики согласно ЮНКТАД (2017 г.) с позиций определения основных ее выгодоприобретателей. Показано, что к их числу относятся компании — лидеры глобального мирового полупроводникового рынка, выпускающие «полупроводниковый ширпотреб» и глобальные компании новой

экономики нематериального «информационного ширпотреба», в которой победитель забирает все.

ABSTRACT

The article examines the elements of the digital economy according to UNCTAD (2017) from the standpoint of determining its main beneficiaries. It is shown that these include companies – leaders of the global semiconductor market, producing «semiconductor consumer goods» and global companies of the new economy of intangible «information consumer goods», in which the winner takes all.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровая экономика, выгодоприобретатели, «полупроводниковый ширпотреб», интернет вещей, массовые дешевые короткоживущие услуги, нематериальный «информационный ширпотреб», мировой тренд.

KEY WORDS

Digital economy, beneficiaries, «semiconductor consumer goods», Internet of things, mass cheap short-lived services, intangible «information consumer goods», global trend.

I. «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА» — ОТСУТСТВУЕТ ДОСТАТОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ЭТОГО ЯВЛЕНИЯ

Это прямо декларируется в разделе В. «Что такое цифровая экономика?» «Доклада о цифровой экономике 2019» (далее Доклад), подготовленного в рамках конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [1]. Утверждается также, что отсутствие определения этого термина — «следствие новизны и отсутствия достаточного понимания и ясности рассматриваемого явления». В этой связи в докладе вводится «рабочее определение термина цифровая экономика, которое и служит базой для анализа, проведенного в настоящем докладе» [1]. Однако этот анализ, сделанный в Докладе, не

привел к достаточному пониманию и ясности рассматриваемого явления. Действительно, в разделе «ЗАКЛЮЧЕНИЕ», который озаглавлен «Цифровая экономика для многих, а не для некоторых», нет никаких конкретных политических, экономических и технических рекомендаций, обеспечивающих достижение справедливого распределения выгод от цифровизации. Основное содержание этого раздела — общие рассуждения о том, что цифровые технологии могут как способствовать, так и препятствовать достижению цели устойчивого развития (ЦУР) в зависимости от принятых политических решений. Указаны «несколько простых решений, но еще меньше было опробовано и проверено». Более того констатируется, что «существует общая нехватка надежных фактических и статистических данных, свидетельствующих в пользу (или против) той или иной политики, которая обеспечивала бы прежде всего эффективное распределение потенциальных выгод от цифровизации».

Тем не менее, несмотря на отсутствие достаточного понимания и ясности рассматриваемого в Докладе явления, а также путей обеспечения справедливого распределения выгод от цифровизации, в заключении доклада сообществу по вопросам развития предлагается «изучить новые пути оказания поддержки странам, которые отстают в своей готовности участвовать в цифровой экономике и пользоваться ее преимуществами», а также оказывать помощь, направленную на «сокращение цифрового разрыва, укрепление благоприятных условий для создания стоимости в цифровой экономике...» [1].

Более того, в условиях этой неопределенности в Докладе рекомендуется создание альянса учреждений-доноров и поощрение практики в области донорской поддержки

цифровой экономики в развивающихся странах, с особым акцентом на доступность цифровых технологий. Руководящим и директивным органом развивающихся стран рекомендуется: «принятие и осуществление национальных стратегий и программ в области цифрового развития...», «интеграция донорской поддержки цифровой экономики в местные системы мобилизации и распределения ресурсов, включая ... управление государственными финансами».

Другими словами, в Докладе развивающимся стран фактически предлагается финансировать из собственных и заемных средств дорогостоящие эксперименты (например, «нормативные песочницы») по пониманию того, что же такое цифровая экономика и как обеспечить справедливое распределение выгод от участия в ней.

Согласно ЮНКТАД (2017а), объектами финансирования в развивающейся цифровой экономике могут быть такие ее элементы, как робототехника, искусственный интеллект, «Интернет вещей», облачные вычисления, большие данные и 3Д принтеры, а также цифровые платформы, в том числе и Е-торговля. Для этого частного случая цифровой экономики как совокупности перечисленных в ЮНКТАД (2017а) ее элементов можно определить и соответствующих выгодоприобретателей, и сформированную ими систему распределения выгод, в которой нет места России, что, собственно, и является целью этой работы.

II. Полупроводниковая промышленность США — выгодоприобретатель проекта создания глобального информационного общества

В Докладе к главным компонентам цифровой экономики и, следовательно, всех ее элементов (раздел 2) относятся

полупроводники, вычислительная и коммуникационная техника, включая каналы передачи данных и базовые технологии передачи сообщений. Ключевыми компонентами, определяющими функциональные возможности и себестоимость этой вычислительной и коммуникационной техники, являлись и являются массово производимые полупроводниковые приборы — универсальные и коммуникационные микропроцессоры и микросхемы памяти. Поэтому, до последнего времени научно-технический прогресс в области производства полупроводников был нацелен прежде всего на снижение себестоимости базового элемента этих изделий — транзистора, за счет уменьшения его размеров (проектных норм), и тем самым размещения на единице площади кремния большего их количества. Так, например, за счет перехода к меньшим проектным нормам стоимость одного бита в микросхемах памяти ежегодно снижалась на 30–35% [2]. К 1998 году объем глобального мирового рынка полупроводников составлял более \$134 млрд, 50% которого контролировали полупроводниковые компании США, которые к этому времени уже апробировали модель товарного производства короткоживущих (1–3 года) высокотехнологичных товаров массового спроса («полупроводникового ширпотреба»), основанную на стратегии «двойного сокращения». То есть сокращения времени жизни производимого продукта, сокращения сроков разработки нового продукта с новыми возможностями и меры принуждения потребителя к приобретению нового продукта взамен старого.

22 июля 2000 г. главы государств и правительств стран «Группы восьми» приняли Окинавскую хартию глобального информационного общества. Государства, подписав-

шие хартию, включая Россию, взяли на себя обязательство обеспечить каждому гражданину возможность приобретения навыков работы с ИТ и «в целях получения социальной и экономической выгоды» создать благоприятные рыночные условия для оказания населению платных услуг в области коммуникаций, в том числе путем открытия внутреннего рынка для информационных технологий, телекоммуникационной продукции и услуг. И прежде всего для вычислительной и коммуникационной техники и программного обеспечения компаний США, уже контролирующих к этому времени большую часть этих глобальных мировых рынков [4].

Всемирный саммит по информационному обществу, состоявшийся в декабре 2003 г. в Женеве, фактически распространил на все страны, подписавшие эти документы, обязательства «Группы восьми» приобретать вычислительную и коммуникационную технику и программное обеспечение прежде всего у компаний США, тем самым гарантировав многократное увеличение объемов выпуска как их продукции, так и полупроводников, на основе которых эта продукция изготовлена [4]. Действительно, годовой объем продаж полупроводников компаниями США в 2018 году увеличился более чем в три раза, по сравнению с 1998 г., и составил \$208,9 млрд. При этом полупроводниковая промышленность США обеспечивала около 250 тыс. рабочих мест и еще порядка 1 млн в других отраслях экономики этой страны. То есть выгодоприобретателями, наряду с акционерами полупроводниковых компаний США, являлись 1,25 млн граждан этой страны, а также государство, получавшее налоговые отчисления от этих компаний.

В то же время в связи с необходимостью выполнения Россией обязательств «Группы восьми» приобретать радиоэлектронику и программное обеспечение в основном у компаний США, импортозависимость нашей страны в ИКТ-оборудовании составила к 2016 г. от 80 до 100% по различным классам [2]. При этом оборот крупнейшей российской компании «НИИМЭ и МИКРОН» в 2016 году составил всего около \$0,11 млрд при численности персонала 1,5 тыс. человек. То есть ни российские производители полупроводников вычислительного и телекоммуникационного оборудования, ни государство не являются выгодоприобретателями проекта создания глобального информационного общества. Другими словами одна из основных целей этого проекта — получение социальной и экономической выгоды в России не достигнута.

III. Полупроводниковая промышленность США — наиболее значимый выгодоприобретатель проекта «Интернет вещей» США

В течение последних 20 лет ключевым фактором роста доходности и объемов производства полупроводников являлось снижение стоимости одного транзистора при переходе на меньшие проектные нормы. К настоящему времени модель развития лидирующей полупроводниковой отрасли США, в основе которой снижение стоимости транзистора за счет перехода на меньшие проектные нормы, практически себя исчерпала [2, 3].

Концепция новой модели развития полупроводниковой отрасли США, как катализатора роста всей экономики страны, фактически была сформулирована в решении Сената США в 2015 г. об ускорении разработки и внедрения «Интер-

нета вещей». Инициаторами и наиболее активными участниками обсуждения этой проблемы являлись представители компаний INTEL и Samsung, а также Ассоциация производителей полупроводников США. Проект закона об «Интернете вещей» был одобрен Сенатом в 2017 г. и передан на рассмотрение в Палату представителей. В преамбуле этого закона прогнозируется, что к 2020 г. к интернету будут подключены более 50 млрд устройств, что может генерировать триллионы долларов оборота в новой экономической деятельности по всему миру [5].

Основой этой новой экономической деятельности будет производство компаниями США сотен миллиардов полупроводников и десятков миллиардов цифровых систем управления этими устройствами. Именно эти компании и будут в числе основных получателей триллионов долларов, то есть основными выгодоприобретателями «Интернета вещей» США.

Россия не владеет технологиями и не располагает предприятиями, способными обеспечить производство таких количеств полупроводников и цифровых систем управления на их основе. Продукцию, относящуюся к категориям как потребительского, так и промышленного «Интернета вещей» США, Россия всего лишь импортирует или собирает из импортных комплектующих. Так же как и серверы, вычислительную и коммуникационную технику, мобильные устройства, необходимые для организации облачных вычислений и работ по искусственному интеллекту, обработки больших данных, робототехники, цифровых платформ и E-торговли. То есть выгодоприобретателями этих элементов развивающейся цифровой экономики в России будут прежде всего полупроводниковые и радиоэлектронные компании США, но не российские компании и государство.

IV. О МАССОВЫХ ДЕШЕВЫХ КОРОТКОЖИВУЩИХ УСЛУГАХ НА ОСНОВЕ МАССОВЫХ ДЕШЕВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Формирование этой модели оказания услуг непосредственно связано с созданием в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века отдельных сегментов сети Интернет (далее Сеть) и цифровой технологии по передаче текстовых сообщений («электронная почта»). Стоимость услуг по передаче текстовых сообщений, определялась стоимостью аппаратуры передачи данных, включающей вычислительное и коммуникационное оборудование Сети. В свою очередь, стоимость этой аппаратуры определялась стоимостью полупроводников, на основе которых она изготовлена. То есть удешевление стоимости полупроводников в соответствии со стратегией «двойного сокращения» в конечном счете приводило к снижению стоимости передачи текстовых, а затем графических и видео сообщений в Сети. По данным Dr Peering.net, стоимость передачи сообщения объемом 1 Мбайт в Сети с 1998 по 2010 г. снижалась в среднем на 61% в год, с более чем \$1 тыс. до нескольких центов. Очевидным следствием этого явилось интенсивное удешевление цифровых технологий и услуг на их основе. При этом доходность этого нематериального «информационного ширпотреба» оказалась значительно выше, чем полупроводникового. Прежде всего из-за огромного числа ежедневно оказываемых услуг (многие сотни миллионов передаваемых сообщений), а также потому, что для нематериальной услуги отсутствуют затраты на разработку и постановку на производство, а время ее жизни фактически определяется временем прохождения сообщения в Сети. О высокой доходности этих услуг свидетельствуют экономические показатели компаний FACEBOOK, GOOGLE, AMAZON и APPLE, которые

специализируются на доставке потребителю информации и товаров массового спроса. Действительно, совокупная стоимость этой «ЧЕТВЕРКИ» составляет \$2,8 трлн. В 2017 году FACEBOOK и GOOGLE инвестировали в развитие \$29 млрд, а на зарубежных счетах APPLE в том же году хранилось \$250 млрд. При этом капитализация FACEBOOK в 2018 году составила \$448 млрд, а INTEL — только \$165 млрд. Ежедневно 1,2 млрд пользователей тратят на обращение к FACEBOOK в среднем 50 минут. Обращение к FACEBOOK — это одна из шести минут в Интернете и одна из пяти минут в мобильном телефоне [6]. Очевидно, что стратегическая задача и этой компании, и всей «Четверки» — увеличение числа обращений как за счет предложения новых услуг, так и за счет увеличения численности сообщества своих пользователей, или, по крайней мере, неумножение этой численности. Необходимое условие решения этой задачи — владение технологиями анализа больших объемов данных, получаемых от пользователей, и формирование на основе этого анализа новых типов услуг, обеспечивающих увеличение и числа обращений, и числа пользователей. Другими словами, компании «Четверки», а точнее акционеры этих компаний, являются основными выгодоприобретателями и научно-технического прогресса в области массовых дешевых цифровых технологий, и таких элементов цифровой экономики, как большие данные и искусственный интеллект, которые являются для «Четверки» ключевыми инструментами увеличения доходности нематериального «информационного ширпотреба». По сути — это инструменты мягкого закрепощения человека обилием предлагаемых удобных и привлекательных услуг, лишаящих его, в итоге, существенно важных для самостоятельной и независимой от этих компаний жизни умений

и навыков. Таких, например, как запоминать и анализировать большие объемы данных, выстраивая длинные цепочки умозаключений, письменно излагать результаты проведенного анализа, читать и понимать сложные тексты и т.д. Человек, лишенный таких умений и навыков — идеальный потребитель все новых услуг, предоставляемых каждой из компаний «Четверки», поскольку практически безоговорочно им доверяет и, фактически закрепощается ими.

Как отмечается в книге «Четверка» профессора бизнес-школы университета Нью-Йорк Скотта Галлоуэя [6], интенсивное удешевление цифровых технологий и высокая прибыльность замены сотрудников этими технологиями привели к ускоренному уничтожению рабочих мест и опустошению смежных секторов экономики. Впервые со времен Великой депрессии тридцатилетние американцы живут хуже, чем в том же возрасте жили их родители. [6]. Компании «Четверки» создают высокооплачиваемые рабочие места, но в ничтожном количестве, то есть существенно меньше, чем уничтожают. Они строят Америку, в которой будет 3 миллиона хозяев и 350 миллионов крепостных. [6]. То есть платой за пользование удобными и привлекательными услугами «Четверки» является уничтожение рабочих мест и снижение уровня жизни населения Америки, которое, очевидно, не является выгодоприобретателем научно-технического прогресса в массовых дешевых цифровых технологиях и технологиях больших данных и искусственного интеллекта.

Примером планов ускоренного уничтожения в России рабочих мест и закрепощения пользователей является планируемое к 2025 году сокращение половины из 330 тыс. сотрудников ПАО СБЕРБАНК. Конечно, за счет активного перевода услуг банка в цифровую сферу [7], а также выстра-

ивания персональной работы с каждым клиентом и повышения лояльности своих пользователей, то есть по сути их закрепощения, на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта.

Планируется, что через пять лет 80% решений смогут приниматься с помощью искусственного интеллекта. Наблюдательный совет ПАО СБЕРБАНК одобрил трансформацию этой кредитной организации, которая выйдет далеко за пределы банковских услуг. Следствием этих преобразований будет закрытие физических отделений и тем самым сокращение штата сотрудников [7]. То есть, по сути, в результате этой трансформации на основе ПАО СБЕРБАНК, будет создана компания, аналогичная «Четверке», которая будет создавать высокооплачиваемые рабочие места, но в ничтожном количестве, то есть существенно меньше, чем уничтожает, и строить Россию, в которой будет 1,4 миллиона хозяев и 140 миллионов крепостных. Конечно, основными выгодоприобретателями планируемой трансформации ПАО СБЕРБАНК будут его акционеры, в числе которых 45% иностранцы.

Однако, миром уже правит новая экономика нематериального «информационного ширпотреба», в которой победитель забирает все. Лидеры этой новой экономики — «Четверка» — AMAZON, GOOGLE, FACEBOOK и APPLE, вся экономическая мощь которых направлена на уничтожение конкуренции. «Четверка» либо поглощает конкурентов, либо душит их, повторяя функции продукта-конкурента, то есть в обозримом будущем, вполне вероятно, что и трансформированный ПАО СБЕРБАНК, и российские компании ЯНДЕКС и OZON, многократно уступающие по финансовой мощи «Четверке», будут либо куплены ею, либо уничтожены.

Это очевидно ставит под большое сомнение утверждение Г. Грефа о том, что создание цифровой экономики крайне необходимо для экономики нашей страны, поскольку это мировой тренд [7]. Тем более, что двадцатипятилетнее слепое и бездумное следование различным мировым трендам привело в конечном счете к необходимости решать проблемы вывода экономики страны из «серьезной застойной ямы», победы над бедностью и вхождения России в пятерку крупнейших экономик мира.

Библиографический список

1. Digital economy report 2019, united nation conference on trade and development (UNCTAD), Geneva 2019, united nation publication, 300 East 42nd Street New York, New York 10017, United States of America.
2. Бетелин В.Б. Проблемы и перспективы формирования цифровой экономики в России. Вестник РАН, 2018, № 1, с. 3–9.
3. Бетелин В.Б. О проблеме импортозамещения и альтернативной модели экономического развития России. Стратегические приоритеты, 2016, № 1(9), с. 11–21.
4. Бетелин В.Б. Проблемы и перспективы образования в постиндустриальном информационном обществе. Вестник РАН, 2019, № 6, с. 582–592.
5. Бетелин В.Б. О проблеме диверсификации производства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса России. Инновации № 7(237), 2018, с. 3–7.
6. S. Galloway. «The Four. The hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook and Google». Portfolio/Penguin. An Imprint of Penguin Random House LLC 375 Hudson Street. New York, New York 10014.
7. РБК.ру. Новости от 19 января 2017 г. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5880ab7e9a794732f8c15c6f>.

References

1. Digital economy report 2019, united nation conference on trade and development (UNCTAD), Geneva 2019, united nation publication, 300 East 42nd Street New York, New York 10017, United States of America.
2. Betelin V.B. Problemy i perspektivy formirovaniya tsifrovoy ekonomiki v Rossii. Vestnik RAN, 2018, № 1, p. 3–9.
3. Betelin V.B. O probleme importozameshcheniya i alternativnoy modeli razvitiya Rossii. Strategicheskie priority, 2016, № 1(9), p. 11–21.
4. Betelin V.B. Problemy i perspektivy obrazovaniya v post-industrialnom informatsionnom obshchestve. Vestnik RAN, 2019, № 6, p. 582–592.
5. Betelin V.B. O probleme diversifikatsii proizvodstva na predpriyatiyah oboronno-kompleksa Rossii. Innovatsii № 7(237), 2018, p. 3–7.
6. S. Galloway. «The Four. The hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook and Google». Portfolio/Penguin. An Imprint of Penguin Random House LLC 375 Hudson Street. New York, New York 10014.
7. RBK.ru. Novosty ot 19 yanvarya 2017 g. <https://www.rbc.ru/rbcfreene ws/5880ab7e9a794732f8c15c6f>

Контактная информация

Бетелин Владимир Борисович

117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 36, корп. 1

Тел: +7 495 719-7651, факс: +7 495 719-7681,

сайт: www.niisi.ru, e-mail: niisi@niisi.msk.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ABOUT SOME PROBLEMS OF DIGITALIZATION

ЕРШОВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Член Президиума ВЭО России, профессор
Финансового университета при Правительстве
РФ, д.э.н.

MIKHAIL V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia,
Professor of the Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

Цифровизация является многофакторным процессом и затрагивает все сферы экономической деятельности. При этом на финансовом рынке одновременно с широкими возможностями цифровизация формирует и принципиально новые риски. Понимание направлений рисков и их масштабов необходимо для эффективного функционирования в глобальной финансовой среде.

ABSTRACT

Digitalization is multifactor process that touches upon all spheres of economic activity. Alongside with great opportunities digitalization

creates principally new risks in the financial markets. Understanding of the risks and their scale is necessary for efficient work of the global financial market.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровизация, криптовалюты, финансовые риски.

KEY WORDS

Digitalization, crypto currency, financial risks.

Цифровизация все больше и больше входит в нашу повседневную жизнь, существенно меняя привычные для нас устои. И хотя указанная сфера начинает играть все более весомую роль, она по-прежнему остается terra incognita, своего рода «территория неизведанного». «Мы находимся лишь на заре цифровой эпохи, и на многие вопросы, касающиеся цифровизации, еще только предстоит найти ответы», — справедливо отмечается в докладе ЮНКТАД [1]. При этом цифровизация экономики, существенно меняя уже сложившиеся подходы и механизмы, может как способствовать решению множества глобальных проблем, стоящих перед мировой экономикой, так и создавать абсолютно новые проблемы.

Цифровые технологии — это принципиально новый элемент глобальной экономики, который еще больше повышает мобильность финансовых ресурсов, увеличивает возможности финансирования, одновременно повышая глобальные риски.

Мировой интернет-трафик в 2017 г. вырос в 460 раз по сравнению с 2002 г., а по оценкам ЮНКТАД, к 2022 г. вырастет более чем в 1500 раз к 2002 г. (см. рис.).

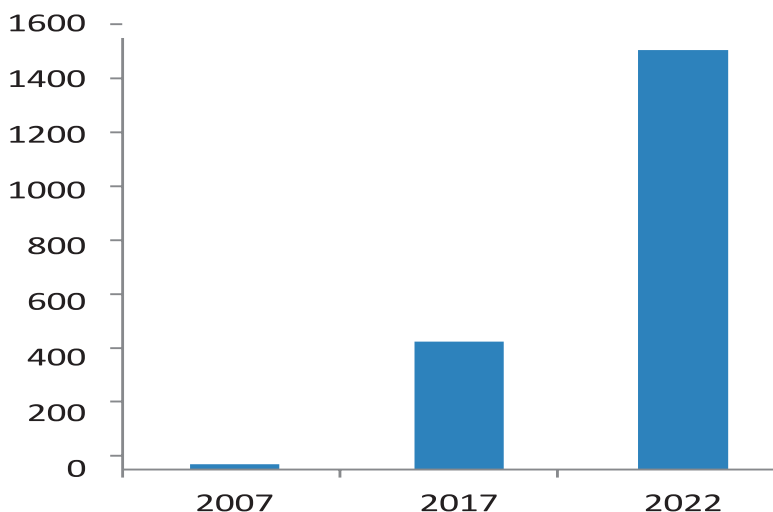

Рисунок. Рост мирового Интернет-трафика к показателю 2002 г., разы
Источник: Доклад о цифровой экономике. 2019. ЮНКТАД.

Безусловно, цифровые технологии формируют широкие возможности для повышения эффективности различных сфер жизнедеятельности, обеспечивают высокую скорость передвижения капиталов, расширяют географию передвижения средств и т.д.

При этом, можно согласиться с оценками ЮНКТАД, что различный уровень и скорость проникновения цифровых технологий в страны, вероятно, будет усиливать неравномерность развития этих стран, а также нарушать равенство конкурентных возможностей. В результате отставание развивающихся стран от развитых будет еще больше закрепляться, непропорционально увеличивая возможности

развитых и создавая тем самым еще больше условий для усиления влияния на более отсталые страны.

Есть много аспектов у цифровизации, которые пока неясны. Причем не только с точки зрения технологической, но и в системном, концептуальном плане. На самом деле ведь до сих пор не до конца ясно, кто стоит (и стоит ли) за этими всеми процессами. То, что мы наблюдаем — это лишь естественное развитие «мировой цивилизации», или не только «естественное», а кем-то целенаправленно инициированное? Какие могут быть реальные цели у этого процесса?

Важно, что изменения в этой сфере могут приобретать гео-экономический и стратегический характер, влияя на экономическую безопасность страны и на ход развития экономики в целом. Угрозы экономической безопасности страны могут формироваться также в результате того, что цифровизация в ее нынешнем виде фактически обеспечивает инструменты «открывания» национальной экономики на качественно новом технологическом уровне и предопределяет более высокий уровень ее открытости для проникновения извне. Такая открытость дает большие возможности иностранным операторам или каким-то ненациональным операторам влиять на процессы и на цены активов в национальной экономике.

Цифровые технологии создают также большие возможности для манипуляции рынком, формирования пузырей, усиливая риски обрушения рынков. Очевидно, что указанные процессы сопряжены с возникающими рисками кибер-преступности, отмывания денег и др., что делает указанную сферу предметом пристального контроля регуляторов различных сфер деятельности.

Значимым элементом цифровизации являются криптовалюты, которые все больше привлекают к себе внимание. Концептуально криптовалюты не представляют из себя чего-либо доселе совершенно невиданного. Известны многочисленные случаи попыток выпуска эрзац-денег самыми разными эмитентами, которые конкурировали с валютой, выпущенной единым эмиссионным центром. Однако до сих пор массовое появление таких конкурентов было связано, как правило, с каким-либо кризисом эмиссионного центра. Сегодня рождение новых конкурентов связано с появлением соответствующих технологий, причем эти технологии прошли довольно длительный подготовительный этап, в ходе которого электронные деньги стали достаточно обыденным понятием для огромного числа пользователей. Все больше центральные банки и регуляторы уделяют внимания криптоинструментам и стараются осмыслить возможные преимущества и угрозы этих инструментов для финансовой системы, а также для их деятельности.

Важно отметить, что криптовалюты в перспективе могут привести к тому, что цены на активы будут определяться ограниченной группой, которая в результате станет контролировать масштабные активы. В итоге небольшой круг лиц будет иметь возможность в значительной степени влиять на характер операций и цены активов, давая возможность трансграничным операторам манипулировать ценами внутри стран.

Аналогичные прецеденты уже отмечались ранее в финансовой сфере. В частности, это относится к применению т. н. леввереджа («кредитного плеча»), который в отдельных случаях позволял управлять средствами, кратно превы-

шающими размер собственных ресурсов до 1000 раз. В результате выводов Комиссии по проблемам финансового кризиса (FCIC) на слушаниях по финансовому кризису говорилось, что в таких случаях цены на активы фактически могли определяться лишь небольшой группой инвесторов, которая в состоянии поставить под свой контроль огромные активы [2]. Теперь регуляторные риски усиливаются и технологическими рисками.

При этом криптовалюты, вероятно, в состоянии оттянуть на себя избыточную ликвидность, которая накопилась в мировой финансовой системе. Это может повлечь и масштабное перераспределение активов, с обеспечением контроля над сегментами рынка.

Более того, подобные инструменты уже начинают рассматриваться или как системный элемент, или как возможная альтернатива доллару, или даже как основа всей будущей мировой финансовой архитектуры. Первый «пробный шар» был брошен в сентябре 2019 г., когда глава Банка Англии М. Карни заявил, что использование ведущих синтетических валют (либра и др.) уменьшит роль доллара и связанные с ним риски в мировой финансовой системе, расширяя при этом роль других валют, связанных с новыми синтетическими инструментами. В результате это может уменьшить долларовые риски мировой финансовой системы, расширить возможности международной торговли и в целом даже уменьшить влияние США на мировой финансовый цикл [3].

Это попытка поиска новых «якорей стабильности» в мировой финансовой системе. А также может быть и стремление воспользоваться довольно высокой неопределенностью, чтобы установить новые правила, которые

будут обеспечивать преимущества определенному кругу «заинтересованных групп»? Возможным конкурентом валюты США может выступить также и совместный проект сторон, заинтересованных в снижении монопольного положения одной валюты. Таким инструментом может стать, например, совместная криптовалюта России и Китая, привязанная к золоту [4].

В целом, российским регуляторам необходимо сформулировать свое понимание рисков конкуренции со стороны альтернативной валюты по отношению к рублю. Как следствие, очевидно, потребуются законодательное закрепление мер, которые такая конкуренция повлечет. Также важно создание условий для наполнения указанной сферы отечественными технологиями и провайдерами.

«Для большинства стран цифровая экономика и ее долгосрочные последствия остаются малоизученной сферой, и существующие стратегии и регулирующие положения не поспевают за стремительным процессом преобразований, происходящих в экономике и обществе под влиянием цифровых технологий», — отмечает ЮНКТАД [1]. Однако, процесс запущен, быстро набирает обороты и остановить его уже не представляется возможным. Очевидно также, что эти тенденции сопряжены и с огромными возможностями, и с большими рисками. И чем быстрее будут выявлены явные и неявные особенности, риски и преимущества функционирования новой системы, тем больше будет возможностей для всех участников процесса и отдельных пользователей — физических лиц, банков, государств и мировой экономики в целом — реализовать тот большой потенциал цифровизации, который в ней заключен.

Библиографический список

1. ЮНКТАД. Доклад о цифровой экономике. 2019.
2. Речь шла, в частности, об известной тогда компании LTCM (Long-Term Capital Management). FCIC hearings, 2010.
3. Bank of England. The growing challenges for monetary policy in the current international monetary and financial system. p. 15.
4. URL: <https://blockchainjournal.news/russia-and-china-are-developing-a-cryptocurrency-that-will-be-provided-with-gold/>.

References

1. UNKTAD. Doklad o tsifrovoy ekonomike. 2019.
2. Rech shla v chastnosti ob izvestnoy togda kompanii LTCM (Long-Term Capital Management). FCIC hearings. 2010.
3. Bank of England. The growing challenges for monetary policy in the current international monetary and financial system. p. 15.
4. URL: <https://blockchainjournal.news/russia-and-china-are-developing-a-cryptocurrency-that-will-be-provided-with-gold/>.

РАБОТА С ДАННЫМИ — ОСНОВА ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

WORKING WITH DATA IS THE BASIS OF DIGITAL ECONOMY

ЕРШОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА
Директор Национального центра цифровой экономики и Центра компетенций НТИ по технологиям хранения и анализа больших данных, МГУ имени М.В. Ломоносова

TATIANA V. ERSHOVA
Director of the National Center for Digital Economy and NTI Competence Center for Big Data Storage and Analytics, Lomonosov Moscow State University

АННОТАЦИЯ

В статье подчеркивается роль данных для развития цифровой экономики в контексте положений доклада ЮНКТАД о цифровой экономике 2019 года и кратко описывается система управления данными на государственном уровне в Российской Федерации. Особое место отводится представлению созданного в МГУ в 2018 году Центра компетенций Национальной технологической инициативы по технологиям хранения и анализа больших данных, обеспечивающего разработку

инструментов эффективной работы с данными в целях максимального использования возможностей цифровой экономики и координацию деятельности в этой области на национальном уровне.

ABSTRACT

The article emphasizes the role of data for the development of the digital economy in the context of the provisions of the UNCTAD Digital Economy Report 2019 and briefly describes the data management system at the state level in the Russian Federation. A special attention is paid to the presentation of the Competence Center of the National Technological Initiative for Big Data Storage and Analytics created in MSU in 2018. The center is providing for and coordinating activities related to the development of tools for efficient work with data in order to maximize the opportunities of the digital economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровая экономика, данные, большие данные, Национальная технологическая инициатива, управление данными, технологии хранения и анализа больших данных, «сквозные» технологии, мониторинг.

KEY WORDS

Digital economy, data, big data, National Technological Initiative, data management, data storage and analytics, «cross-cutting» technologies, monitoring.

ВВЕДЕНИЕ

Поводом к написанию этой статьи явилось событие, произошедшее 4 сентября 2019 года в штаб-квартире Международного Союза экономистов и Вольного экономического общества России, а именно официальное представление «Доклада о цифровой экономике 2019» Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), ранее известного как Доклад об информационной экономике. Важным тези-

сом обсуждаемого во всем мире документа является то, что «расширение цифровой экономики обусловлено цифровыми данными. Ведь цифровая экономика продолжает развиваться с головокружительной скоростью благодаря возможности собирать, использовать и анализировать огромные объемы машиночитаемой информации (цифровых данных) практически обо всем. Эти цифровые данные возникают из цифровых следов личной, социальной и деловой активности, осуществляемой на различных цифровых платформах» [1, с. XV]. Поэтому важное значение приобретают управление данными и создание эффективных механизмов сбора, хранения и анализа данных.

УПРАВЛЕНИЕ ДАННЫМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В России работе с данными уделяется существенное внимание на государственном уровне. Политика управления данными реализуется в соответствии с основными стратегическими документами [2, 3] и законами [4–6]. Управление конкретными видами данных, например, записями актов гражданского состояния или пространственными данными, как правило, регулируется отдельными стратегическими документами и законодательными актами [7–9].

Решения федеральных органов власти рекомендуются для использования региональными органами в рамках их полномочий.

Некоторые виды данных собираются на национальном уровне неправительственными организациями и используются органами власти, негосударственными организациями и гражданами. В качестве примеров можно привести Реестр сведений о полисах обязательного страхования, который ведет Российский союз автостраховщиков, или Единая инфор-

мационная система нотариата, которую ведет Федеральная нотариальная палата на основании соответствующих законодательных актов [10, 11].

Ключевым элементом российской государственной инфраструктуры работы с данными является Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), созданная в рамках инфраструктуры электронного правительства Российской Федерации и активно используемая для обмена данными между органами государственной власти и местного самоуправления. Часть сервисов СМЭВ также предоставляется и негосударственным организациям, в частности, банкам. Достаточно подробный обзор состояния инфраструктуры работы с данными в Российской Федерации приведен в докладе «Цифровое правительство 2020: Перспективы для России» [12].

Дальнейшее развитие государственная политика управления данными в Российской Федерации получила в проекте «Национальная система управления данными» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Разработана и утверждена Концепция создания и функционирования Национальной системы управления данными [13].

Что касается обеспечения безопасности данных, то соответствующий анализ российской политики в этой области приведен в докладе Института развития информационного общества и других российских организаций, подготовленном при поддержке Всемирного банка [14]. Следует особо отметить, что к оператору, осуществляющему обработку персональных данных, предъявляются обязательные требования по необходимым организационным и техническим мерам защиты [15].

Государственная политика использования персональных данных граждан закреплена в соответствующем законе [16], который был принят после присоединения России в 2001 г. к Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [17] и ее ратификации в 2016 г. В 2018 г. Российская Федерация подписала Протокол о модернизации Конвенции с целью повышения уровня защиты персональных данных на международном уровне. Для российских граждан это расширит права на получение информации о несанкционированном доступе третьих лиц к их персональным данным, а к российским компаниям, работающим на рынках ЕС, европейские регуляторы в рамках Общего регламента по защите данных [18] не будут применять дополнительные требования по мерам защиты персональных данных своих граждан.

В то же время в Российской Федерации лишь частично урегулированы вопросы информирования пользователей о том, как собираются, хранятся, обрабатываются и/или передаются их персональные данные. Например, в нормативных актах Российской Федерации в настоящее время не определены и не закреплены процедуры обезличивания персональных данных. На решение этой проблемы направлен проект «Цифровой профиль» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», концепция которого была утверждена в марте 2019 г. [19]. Уже начат эксперимент по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах.

В российском законодательстве явно не установлен порядок и ответственность оператора персональных данных

за инциденты, связанные с утечкой персональных данных. В подобных случаях на практике к операторам персональных данных применяются штрафные санкции за нарушения в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях [20]. При этом оператор персональных данных не обязан уведомлять пользователя о нарушении, допущенном при обработке его персональных данных, но обязан сообщить ему об этом в случае получения соответствующего запроса.

Имеются специальные категории персональных данных, которые органы власти имеют право собирать и использовать при определенных условиях без согласия субъектов персональных данных [21]. К ним относятся данные, необходимые для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных; данные, необходимые для обеспечения обороны, безопасности, противодействия терроризму, оперативно-разыскной деятельности и другие категории.

Создание Центра компетенций НТИ по технологиям хранения и анализа больших данных

Управление — лишь одна из сторон работы с данными в условиях развития цифровой экономики. Колоссальный рост производимых человечеством данных порождает существенные проблемы, связанные с тем, что большие массивы данных не могут быть использованы сами по себе — они требуют специализированных средств анализа и использования. В различных сферах деятельности приходится иметь дело с данными в самых разных форматах, в частности, с неструктурированными данными в виде документов, видео,

изображений и аудиофайлов и т.д. Это приводит к высокой сложности систем обработки и анализа данных.

Несовершенство большинства современных подходов связано с тем, что они сосредоточены на вопросах поиска, сбора, передачи и хранения данных. В результате накапливаются огромные массивы данных, подавляющая часть которых не нужна для решения задач, ради которых их собирали, и никогда не используется. Собираемые данные в некотором смысле аналогичны добываемым ресурсам: подобно тому, как природные ресурсы добывают только с определенной целью, данные также нужно собирать, предварительно определив, зачем они нужны.

Понимание этого послужило импульсом к участию Московского университета в конкурсе на государственную поддержку центров Национальной технологической инициативы по так называемым «сквозным» технологиям на базе организаций высшего образования и научных организаций, объявленном Российской венчурной компанией в начале 2018 года. Благодаря победе в этом конкурсе по направлению «Технологии хранения и анализа больших данных» в МГУ в структуре Национального центра цифровой экономики был создан Центр хранения и анализа больших данных.

Сущность предлагаемого центром подхода к анализу больших данных заключается в том, что он ставит во главу угла цели, а не средства. Уже после определения целей выбираются требования к данным, средства их сбора и анализа. В результате правильного выбора пропадает необходимость в хранении огромных объемов избыточных, никогда не используемых данных, снижаются требования к объему хранилища данных и значительно снижаются объемы потоков информации. Данный подход являет-

ся комплексным. Он предполагает участие специалистов в различных предметных областях, которые помогут определить истинные цели собираемых данных.

Программа развития центра на 2019 год включает пять блоков:

- I. Реализация ключевых комплексных научно-исследовательских и опытно-конструкторских проектов.
- II. Обеспечение правовой охраны, управления правами и защиты результатов интеллектуальной деятельности (РИД).
- III. Разработка и реализация основных образовательных программ высшего образования, программ дополнительного образования, дисциплин (модулей), направленных на формирование компетенций.
- IV. Развитие информационной инфраструктуры, а также инфраструктуры научной, научно-технической и инновационной деятельности.
- V. Развитие партнерских отношений.

Задачи научно-исследовательского направления группируются вокруг восьми ключевых проектов, из которых два первых являются приоритетными:

1. Предиктивная аналитика технических систем.
2. Система автоматического поиска уязвимостей в веб-приложениях.
3. Облачные технологии обработки и интерпретации медицинских диагностических изображений на основе применения средств анализа больших данных.
4. Средства интеллектуального анализа больших массивов текстов.
5. Математические основы интеллектуального анализа больших данных.

6. Новые подходы к проектированию систем считывания для технологии сверхстабильной трехмерной оптической памяти с многоуровневым кодированием на носителях из стекла.
7. Интеллектуальный анализ больших данных в задачах экологии и охраны окружающей среды.
8. Мониторинг и стандартизация развития и использования технологий хранения и анализа больших данных в цифровой экономике Российской Федерации.

Последний (по порядку перечисления, но не по значимости) проект представляется весьма важным для функционирования не только описываемого центра, но и всех центров компетенций НТИ по «сквозным» технологиям. В результате его выполнения будет сформирована комплексная система измеримых показателей, инструментарий и методика проведения обследований, которая позволит объективно оценивать состояние развития технологий хранения и анализа больших данных. Будет разработан онлайн-инструмент для проведения самооценки уровня готовности к использованию этих технологий предприятиями и организациями. Наряду с этим в ближайшие годы будет проведена работа по модернизации серии международных стандартов по технологиям хранения и анализа больших данных и утверждению их в качестве национальных стандартов. Подходы и результаты проекта могут быть использованы и другими центрами компетенций НТИ по «сквозным» цифровым технологиям.

Реализации этого проекта предшествовало активное участие в 2018 году сотрудников Центра компетенций НТИ по технологиям хранения и анализа больших данных в подготовке пилотной версии Национального индекса разви-

тия цифровой экономики [22] под эгидой госкорпорации «Росатом» как центра компетенций федерального проекта «Цифровые технологии» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В этой работе проанализированы факторы, влияющие на развитие цифровой экономики, как «цифровые», так и «нецифровые». «Цифровыми» факторами являются соответствующая инфраструктура сетей передачи данных, центров обработки данных и цифровых платформ. «Нецифровые» факторы — это человеческий капитал, НИОКР и инновации, деловая среда, государственная политика и регулирование, информационная безопасность. Особым фактором, влияющим на развитие цифровой экономики, является наличие в стране зрелого цифрового сектора экономики, включающего сектор информационно-коммуникационных технологий наряду с сектором (цифрового) контента и СМИ.

Кроме того, при подготовке индекса был проведен анализ использования цифровых технологий в сферах государственного управления, здравоохранения, бизнеса, а также их применение обычными гражданами (потребителями). Также был сделан краткий сравнительный анализ уровня использования цифровых технологий в 32 европейских странах и представлена «тепловая карта» цифровизации отдельных отраслей экономики в этих странах, обозначена необходимость анализа воздействия цифровой трансформации на развитие экономики.

Что касается работы Центра компетенций НТИ по технологиям хранения и анализа больших данных в области обеспечения правовой охраны, управления правами и защиты РИД, то она включает выявление и охрану технических решений, подготовку и подачу заявок на патенты, сопровожде-

ние лицензионных сделок и проектов, а также мероприятия, направленные на коммерциализацию.

Образовательная деятельность центра направлена на подготовку высококлассных специалистов в области хранения и анализа больших и сверхбольших данных. Планируется создание обновленной образовательной платформы на базе существующих магистерских программ, специализированных курсов и лабораторных практикумов, а также разработка новых специализированных, углубленных курсов по отдельным направлениям, электронных учебных модулей.

В рамках разрабатываемой образовательной платформы ведется разработка курсов лекций по следующим направлениям: аналитика больших данных, хранение больших данных, программная инженерия и информационные технологии, предметно-ориентированные знания. Кроме того, предполагается организовать курсы повышения квалификации для студентов, аспирантов, молодых ученых, реализовать образовательные программы по нескольким направлениям, соответствующим смежным с технологиями хранения и анализа больших данных «сквозным» цифровым технологиям Национальной технологической инициативы. Предусмотрена разработка и реализация программы повышения квалификации для государственных служащих и работников госкомпаний по формированию навыков профессиональной работы с информационно-аналитическими и экспертно-аналитическими средствами поддержки принятия решений, а также навыков подготовки проектов технических заданий и финансово-экономических обоснований работ по модернизации действующих и созданию новых ситуационных центров.

В качестве целевых потребителей результатов НИР и НИОКР, выполненных в рамках реализации программы

центра, а также разработанных учебных программ являются средние и крупные корпоративные заказчики, органы государственной власти, научно-исследовательские, образовательные и медицинские учреждения, организации сферы культуры.

Основой инфраструктуры центра является суперкомпьютерный комплекс МГУ имени М.В. Ломоносова — крупнейший российский комплекс с высшей для России позицией в рейтинге самых быстрых компьютеров мира. Возможностями этого комплекса пользуются свыше 2200 сотрудников МГУ и более чем 200 научных и учебных организаций России, решающих ежедневно около 1000 задач. Будет осуществлено расширение ресурсных возможностей комплекса с целью выделения специальных ресурсов и квот для проектов, выполняемых в рамках программы центра.

В рамках развития партнерских отношений центра сформирован консорциум, в который на момент подготовки данной статьи входят 32 организации различных типов: 11 образовательных организаций высшего образования, 5 научных организаций, 1 государственная корпорация, 14 коммерческих компаний и 1 некоммерческая организация. Участники консорциума имеют большие заделы с точки зрения проведения фундаментальных и/или прикладных исследований в области хранения и анализа больших данных, разработки и внедрения крупных информационных систем, обладают значительной материально-технической базой и большим суммарным человеческим капиталом мирового уровня, занимают лидирующие либо весьма твердые позиции в своих сферах деятельности, проявляют большой интерес к долгосрочному сотрудничеству, нацелены на убедительные результаты реализации программы центра. На-

личие среди участников консорциума организаций разного масштаба (от крупных учреждений и компаний до небольших игроков рынка) способствует лучшему пониманию и более эффективной реализации целей и задач программы центра.

Более подробную информацию о деятельности центра можно получить на его сайте [23].

Библиографический список

1. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries / United Nations Conference on Trade and Development. N.Y.: UN, 2019. 172 p.
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646.
4. Концепция создания и функционирования национальной системы управления данными. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.06.2019 № 1189-р.
5. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 01.05.2019).
6. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017).
7. Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 29.05.2019).
8. Концепция создания и развития инфраструктуры пространственных данных Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 21.08.2006 № 1157-р.

9. Федеральный закон «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2015 № 431 (ред. от 03.08.2018).
10. Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 01.05.2019).
11. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 27.12.2018).
12. Petrov Oleg V.; Bunchuk Mikhail; Stott Andrew Charles; Hohlov Yuri. 2016. Digital Government 2020: Prospects for Russia. Washington, D.C.: World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2016/05/26367056/digital-government-2020-prospects-russia> (последнее обращение 29.09.2019).
13. Концепция создания и функционирования национальной системы управления данными. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 03.06.2019 № 1189-р.
14. Анализ текущего состояния развития цифровой экономики в России. М.: Институт развития информационного общества, 2018. 166 с.
15. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017), ст. 19, п. 1.
16. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07. 2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017).
17. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Council of Europe. European Treaty Series — No. 108. Strasbourg, 28.01.1981. URL: <https://rm.coe.int/1680078b37> (последнее обращение 30.09.2019).
18. General Data Protection Regulation — Регламент ЕС 2016/679 от 27.04.2016. URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection_en (последнее обращение 30.09.2019).

19. Концепция и архитектура цифрового профиля — ЕСИА 2.0 / Банк России и Минкомсвязь России. — 87 с. (Утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 29.03.2019).
20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.06.2019), ст. 13.11.
21. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07. 2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017), ст. 10.
22. Национальный индекс развития цифровой экономики: Пилотная реализация. М: Госкорпорация «Росатом», 2018. 92 с.
23. Центр хранения и анализа больших данных МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: <https://bigdata-msu.ru> (последнее обращение 26.09.2019).

References

1. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries / United Nations Conference on Trade and Development. N.Y.: UN. 2019. 172 p.
2. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017 — 2030 gody. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.05.2017 № 203.
3. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 05.12.2016 № 646.
4. Kontseptsiya sozdaniya i funktsionirovaniya natsionalnoy sistemy upravleniya dannymi. Utverzhdena rasporyazheniyem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 03.06.2019 № 1189-r.
5. Federalnyy zakon «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 01.05.2019).

6. Federalnyy zakon «O personalnykh dannykh» ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 31.12.2017).
7. Federalnyy zakon «Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya» ot 15.11.1997 № 143-FZ (red. ot 29.05.2019).
8. Kontseptsiya sozdaniya i razvitiya infrastruktury prostranstvennykh dannykh Rossiyskoy Federatsii. Utverzhdena rasporyazheniyem Pravitelstva RF ot 21.08.2006 № 1157-r.
9. Federalnyy zakon «O geodezii, kartografii i prostranstvennykh dannykh i o vnesenii izmeneniy v otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii» ot 30.12.2015 № 431 (red. ot 03.08.2018).
10. Federalnyy zakon «Ob obyazatelnom strakhovanii grazhdanskoy otvetstvennosti vladeltsev transportnykh sredstv» ot 25.04.2002 № 40-FZ (red. ot 01.05.2019).
11. Osnovy zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii o notariate» (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1) (red. ot 27.12.2018).
12. Petrov. Oleg V.; Bunchuk. Mikhail; Stott. Andrew Charles; Hohlov. Yuri. 2016. Digital Government 2020: Prospects for Russia. Washington, D.C.: World Bank Group.
13. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2016/05/26367056/digital-government-2020-prospects-russia> (posledneye obrashcheniye 29.09.2019).
14. Kontseptsiya sozdaniya i funktsionirovaniya natsionalnoy sistemy upravleniya dannymi. Utverzhdena rasporyazheniyem Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 03.06.2019 № 1189-r.
15. Analiz tekushchego sostoyaniya razvitiya tsifrovoy ekonomiki v Rossii. M.: Institut razvitiya informatsionnogo obshchestva. 2018. 166 s.
16. Federalnyy zakon «O personalnykh dannykh» ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 31.12.2017), st. 19, p. 1.
17. Federalnyy zakon «O personalnykh dannykh» ot 27.07. 2006 № 152-FZ (red. ot 31.12.2017).

18. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data. Council of Europe. European Treaty Series — No. 108. Strasbourg. 28.01.1981. URL: <https://rm.coe.int/1680078b37> (posledneye obrashcheniye 30.09.2019).
19. General Data Protection Regulation — Reglament ES 2016/679 ot 27.04.2016. URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection_en (posledneye obrashcheniye 30.09.2019).
20. Kontsepsiya i arkhitektura tsifrovogo profilya — ESIA 2.0 / Bank Rossii i Minkomsvyaz Rossii. — 87 s. (Utv. resheniyem prezidiuma Pravitelstvennoy komissii po tsifrovomu razvitiyu. ispolzovaniyu informatsionnykh tekhnologiy dlya uluchsheniya kachestva zhizni i usloviy vedeniya predprinimatelskoy deyatelnosti 29.03.2019).
21. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheni-yakh» ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 17.06.2019). st. 13.11.
22. Federalnyy zakon «O personalnykh dannykh» ot 27.07. 2006 № 152-FZ (red. ot 31.12.2017). st. 10.
23. Natsionalnyy indeks razvitiya tsifrovoy ekonomiki: Pilotnaya realizatsiya. M: Goskorporatsiya «Rosatom». 2018. 92 s.
24. Tsentr khraneniya i analiza bolshikh dannykh MGU imeni M.V. Lomonosova. URL: <https://bigdata-msu.ru/> (posledneye obrashcheniye 26.09.2019).

КУДА ВЕДУТ ЦИФРОВЫЕ ТРЕНДЫ WHERE DO DIGITAL TRENDS LEAD US

МАРИНИЧЕВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Интернет-омбудсмен (Представитель Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в сфере интернета), генеральный директор компании «Радиус Групп»

DMITRY N. MARINICHEV

Internet Ombudsman (Representative of the Presidential Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Internet Area), General Director of Radius Group

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается ряд последствий для экономики и общества, к которым ведут цифровые тренды. Поставлен вопрос о том, являются ли эти последствия желательными для экономики, для экономических субъектов и граждан. Сделана попытка смоделировать в общих чертах альтернативу – образ желаемого будущего с учетом неизбежности развития технологических тенденций. В заключение намечены некоторые положения, которые следует заложить в фундамент концепции построения действительно желательного цифрового будущего.

ABSTRACT

This article discusses a number of implications for the economy and society that digital trends lead to. The question is raised whether these consequences are desirable for the economy, for economic entities and citizens. An attempt is made to simulate in general terms an alternative – the image of the desired future, taking into account the inevitability of the development of technological trends. In conclusion, some provisions are outlined that should be laid in the foundation of the concept of building a truly desirable digital future.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровая трансформация, децентрализованные системы, технологический кодекс, криптоэкономика.

KEY WORDS

Digital transformation, Decentralized systems, Technological Code, Cryptoeconomics.

Куда нас ведут цифровые тренды: взгляд интернет-омбудсмена

В данной статье мы хотели бы рассмотреть вопрос о том, куда ведут многочисленные цифровые тренды, о которых уже много сказано и написано к настоящему моменту. Для этого мы кратко упомянем некоторые из этих трендов и попытаемся на их примере обозначить направление, в котором они развиваются, и последствия для экономики и общества, к которым они приводят. Далее мы порассуждаем о том, являются ли те последствия, к которым ведут эти тренды, желательными для экономики страны и для нас как экономических субъектов и граждан страны. Мы попытаемся также смоделировать в общих чертах альтернативу — образ желаемого будущего с учетом неизбежности развития

технологических тенденций. И в заключение мы наметим ряд положений, которые следует заложить в фундамент концепции построения действительно желательного цифрового будущего страны.

Рис. 1. Цифровые тренды и их альтернативные исходы

ЦИФРОВЫЕ ТРЕНДЫ В ЭКОНОМИКЕ: ПЛОСКИЙ И ПРОЗРАЧНЫЙ МИР

Стихия новой технологической волны разрушает все экономические, социальные и политические системы, в которых мы привыкли жить на протяжении более двух столетий. Суть этих разрушений, во-первых, — уничтожение посредников, на которых держатся разнообразные иерархические связи. Приход интернет-технологий делает мир плоским. Суть этих разрушений, во-вторых, — уничтожение всех и всяческих привычных нам границ, начиная от границ частной жизни личности и заканчивая границами государств. Надличностные, надотраслевые, наднациональные платформы собирают данные

и способны переопределять зоны влияния по новым принципам. Приход интернет-технологий делает мир прозрачным и похожим на калейдоскоп, в котором картинка может меняться постоянно при каждом следующем встряхивании.

Куда нас ведет стихийное развитие цифровых трендов

В целом все цифровые тренды ведут нас к единой планетарной плоской и прозрачной экономике, которая будет создавать много возможностей, но при этом много рисков. Уход от иерархических систем взаимодействия в экономике, политике, в социальных отношениях будет означать наряду с приобретением свободы также и потерю разного рода привычных нам защит. В идеальном далеком будущем эти защиты не будут нужны, поскольку мы будем технологически программно-аппаратными методами защищены «от дурака» — от возможных угроз нашей жизни, здоровью и благополучию. Однако как минимум период приближения к этому идеалу длиной в несколько десятилетий будет нести людям потерю работы, благосостояния, очевидных перспектив карьерного роста и развития.

К чему же мы движемся?

Экономика будущего будет плоскостной, где каждый связан с каждым и где информация и ценности переносятся мгновенно из одной точки в другую, без посредника. У компаний и у людей появляются другие возможности, другие отношения.

Цифровизация дает возможность компаниям стать международными. Все цифровые системы дают возможность компаниям, которые создают какой-то дополнительный продукт, дополнительную ценность, стать международными.

ми. Любая компания из пяти человек сегодня может привлечь деньги мгновенно, и это могут быть наднациональные деньги, например, криптоденьги, — и создать продукт, который она точно так же будет продавать в мире. Этот продукт может быть физическим, может быть информационным.

Каждый человек сможет иметь свою валюту, свою ценность, и она будет сформирована информационно, как наша ДНК, и эта ценность будет котироваться, конкурировать и торговаться к другой ценности, к другому человеку, ко всем людям на планете Земля, ко всем сущностям, которые будут объединены из этих сущностей. Мы не можем сейчас это себе представить в силу скудости возможностей нашего мозга, мы не готовы работать с этими большими числами. Но так будет.

С переходом в цифровую экономику изменятся трудовые отношения. С помощью информационных технологий человек, имея свою криптовалюту, то есть свою ценность, информационную ценность, будет заключать быстрый договор с любой другой ценностью, с любой другой сущностью. Тогда творческие коллективы смогут быстро создаваться и быстро распадаться. И они будут создавать огромное количество добавочной стоимости, которая будет в целом в мировом или государственном масштабе сразу же учитываться.

Появится новая модель социально-экономического взаимодействия. АСУТП — это не что иное, как сбор большого количества информации с большого количества датчиков, и на основании этих данных индивидуальное принятие тех или иных решений для улучшения и изменения себестоимости и улучшения продукта. Ничего нового здесь нет. Но когда в этом процессе участвуют все и сразу — такого у человечества еще не было. И если все и сразу в этом участвуют, то человечество превращается в один простой боль-

шой огромный организм. Соответственно, любой бизнес уже не становится к другому бизнесу в отношении «клиент-производитель», он становится просто создателем нового продукта, который является общественным достоянием. И это будет криптоэкономика или новая модель устройства социально-экономического взаимодействия, где все работают в принципе над одной большой задачей, которую можно назвать человеческое общество, человеческая жизнь, где все принимается на основании консенсуса, технологического консенсуса и консенсуса принятия решений среди всех участников.

Планшеты, телефоны — это тот инструментарий, благодаря которому изменяется сознание людей. Поскольку, как говорил Ленин, бытие определяет сознание. А как только сознание становится другим, изменяются социально-экономические отношения. Как только сознание меняется, люди предъявляют другие требования и к государственной модели, и к бизнесу, и вообще к отношениям в социуме.

К ЧЕМУ НАС ВЕДЕТ ТЕКУЩАЯ ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВЫМИ ТРЕНДАМИ

Следует четко разделить понятия цифровой экономики и оцифрованной, поскольку между ними часто возникает путаница, и словами «цифровая экономика» называют те явления, которые по сути своей относятся к оцифровке существующей экономики. Такая подмена понятий ведет к искаженному пониманию ситуации в экономике и к весьма масштабным управленческим ошибкам. Оцифрованная экономика — это экономика старого технологического уклада. Это привычная всем нам старая экономика, в которой все старые процессы автоматизируются. В оциф-

рованной экономике сохраняются традиционные игроки, традиционные отрасли и профессии. Оцифрованная экономика управляется по-старому, с помощью традиционных бизнес-процессов внутри экономических субъектов и экономических связей между ними. Оцифрованная экономика управляется со стороны государства с помощью старых принципов и механизмов регулирования. Цифровая экономика — это экономика нового технологического уклада. Это принципиально новая, другая экономика. Это экономика, в которой совершенно новые правила игры. Это экономика, которую создают совершенно новые экономические субъекты, в которой по-новому создается добавочная стоимость. Путаница между понятиями цифровой и оцифрованной экономики и попытка называть цифровой экономикой экономику старого технологического уклада ведут к управленческой ошибке, которая сводится к попытке «не пущать» в экономику новый технологический уклад. Это сравнимо с попыткой остановить и повернуть вспять огромную реку или другую мощную стихию.

Куда мы хотим прийти

Куда мы, как человечество, хотим прийти, следуя в русле цифровых трендов, — это вопрос огромной важности, и он имеет философскую и этическую природу. Цифровые технологии начали радикально менять нашу жизнь, и о последствиях этих изменений мы почему-то редко задумываемся, а уделяем время только описанию молотка и гвоздей, вместо того, чтобы думать о том новом доме, который мы с помощью этих инструментов сегодня строим. В нашем общем доме следует договориться о ценностях, во многом заново утвердив ценности гуманизма.

КАК ПРИЙТИ К ЦЕЛИ

Именно философии и этике следует начать уделять огромное внимание, причем заниматься этим надо на уровне крупных международных организаций. Новый технологический базис требует новой философии, новой этики и новых механизмов управления. Что касается механизмов управления, то они будут, несомненно, в первую очередь технологическими, когда программное обеспечение не допускает совершения человеком противоправных действий. А философские и этические принципы работы такого программного обеспечения должны быть результатом совместной работы и консенсуса мировых экспертов и всемирным достоянием. Таким образом должен быть разработан Всемирный Технологический Кодекс, построенный на ценностях гуманизма.

Библиографический список

1. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–62.

References

1. Khalin V.G., Chernova G.V. Tsifrovizatsiya i ee vliyanie na rossiyskuyu ekonomiku i obshestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2018. № 10. p. 46–62.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ И ФИНАНСОВЫЕ ИНСТИТУТЫ¹

TECHNOLOGICAL STRUCTURES AND FINAN- CIAL INSTITUTIONS

АРЕФЬЕВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ

Финансовый Университет при Правительстве РФ,
кандидат экономических наук, доцент
Департамента экономической теории

PETER V. AREFYEV

Financial University under the government
of the Russian Federation, PhD in Economics,
candidate of Sciences, associate Professor
of economic theory Department

КАРЕТНИКОВА МАРГАРИТА ЛЕОНИДОВНА

Финансовый Университет при Правительстве
РФ, факультет «Анализ рисков и экономическая
безопасность»; помощник бухгалтера,
ООО «Элайв-Арт Билдинг Констракшн»

MARGARITA L. KARETNIKOVA

Financial University under the Government of the
Russian Federation, faculty «Risk Analysis and
Economic Security»; assistant Accountant, Alive-Art
Building Construction LLC

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по фундаментальной НИР «Циклические закономерности мирохозяйственных укладов», 2019–2021 гг.

МЫШКИНА ВЕРОНИКА АЛЕКСЕЕВНА

Финансовый Университет при Правительстве РФ, Факультет «Анализ рисков и экономическая безопасность»; Аналитик, ООО «Р-Техно»

VERONIKA A. MYSHKINA

Financial University under the Government of the Russian Federation, faculty «Risk Analysis and Economic Security»; analyst, R-Techno LLC

ХОХЛОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА

Финансовый Университет при Правительстве РФ, факультет «Анализ рисков и экономическая безопасность»; специалист отдела аудита, АО «КПМГ»

EKATERINA M. KHOKHLOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation, faculty «Risk Analysis and Economic Security»; specialist of the audit department, KPMG JSC.

АННОТАЦИЯ

В статье обращается внимание на перспективы перехода развитых стран на шестой технологический уклад. Определено место Российской Федерации в данном процессе на текущий момент. Установлены причины, тормозящие переход экономики страны на шестой технологический уклад. Целью статьи является анализ возможностей финансовых институтов для перехода на новый технологический уклад. Приводится анализ мнений ученых по данной проблеме. Осуществлен анализ основных понятий, уточнена роль финансовых институтов в пе-

переходе на новый технологический уклад, определены направления деятельности финансовых институтов. Делается главный вывод о том, что необходимо развивать деятельность финансовых институтов.

ABSTRACT

The article draws attention to the prospects of transition of developed countries to the sixth technological order. The place of the Russian Federation in this process is determined at the moment. The reasons hindering the transition of the country's economy to the sixth technological order are established. The purpose of the article is to analyze the possibilities of financial institutions for the transition to a new technological way. The analysis of scientists' opinions on this problem is given. The analysis of the basic concepts is carried out, the role of financial institutions in the transition to a new technological way is specified, the directions of activity of financial institutions are defined. The main conclusion is that it is necessary to develop the activities of financial institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цикл, инновация, технологический уклад, волна инновации, финансовый институт, НБИК-технологии, коммерциализация инновационных разработок.

KEY WORDS

Cycle, innovation, technological structure, wave of innovation, financial institution, NBIC-technologies, commercialization of innovative developments.

Ключевой закономерностью экономического развития является неравномерность и периодичность циклов, определяющих подъемы и спады в нестабильной системе экономических отношений. Для больших экономических циклов характерен определенный уровень производительных сил или технологический уклад. При этом

каждый новый цикл детерминирует изменения в сложившемся технологическом укладе, который определяет тип производственных отношений. Представители науки выделяют шесть технологических укладов, каждый из которых делится на три цикла (зарождение и становление, доминирование уклада, отмирание уклада).

Ученые констатируют, что на современном этапе развитые страны мира (США, ЕС и Азии) много уделяют внимания развитию и становлению шестого технологического уклада, зрелость которого прогнозируется к 2035–2040 годам, что и будет определять развитие мировой экономики. Ядро данного уклада в зарубежных развитых странах будут составлять НБИК-технологии, коммерциализация которых уже прогнозируется к началу 2020 года [1].

Давая оценку современным тенденциям в экономике РФ, большинство ученых и экономистов синхронно демонстрируют убежденность в том, что говорить о шестом технологическом укладе в российской экономике преждевременно. Эту оценку подтверждает статистика, которая указывает на то, что в стране доля технологий пятого технологического уклада не превышает десять процентов, представленных незначительным количеством отраслей, что более половины всех технологий соответствует четвертому укладу. Необходимо признать, пока не завершен переход через пятый технологический уклад, перспективы становления за 10 лет шестого выглядят сомнительными.

Ведущими российскими учеными отстаивается мысль о том, что вступление Российской Федерации в шестой технологический уклад не является вопросом выживания, национальной безопасности и развития экономики. При этом подчеркивается, что достижение этой цели видится реаль-

ным, так как более 70% научного потенциала находится в государственной собственности. Однако обращает на себя внимание противоположная тенденция, согласно которой за 25 лет приватизации страны 80% промышленного производства контролирует иностранный капитал [2]. Анализ мнения крупных ученых позволяет констатировать, что частный бизнес готов финансировать инновационные разработки, но данная мотивация ограничивается стремлением повысить конкурентоспособность своей продукции. А достижение этой цели при монопольном положении на рынке конкретной компанией, представляющей частный бизнес в России, в отдельных случаях и вовсе приводит к сдерживанию развития и появления новых данных об инновациях, а также их сокрытию.

Вхождение Российской Федерации в шестой технологический уклад проблематично реализовать без крупных инвестиций, необходимых для освоения технологических инноваций и модернизации на их основе экономики. Решение данной проблемы видится в организации эффективной государственной промышленной политики, обеспечивающей концентрацию финансовых ресурсов для освоения инновационных технологий и принятия рисков инвестирования. При такой организации перехода на шестой технологический уклад эксперты и ученые разделились во мнении: одни отстаивают мнение о необходимости приобретения зарубежных технологий; вторые — о внутреннем технологическом прорыве [3]. И первое, и второе мнение требуют высокоразвитой промышленности и соответствующей государственной политики, способной организовать внутренний рынок для сбыта продуктов собственного производства и совмещение инноваций с производственными

процессами в стране. Сложившиеся в стране специфические условия выступают факторами, тормозящими переход экономики страны на шестой технологический уклад. Следует признать: именно в таких условиях повышается роль финансовых институтов, в отношении которых государственная политика должна обеспечивать продуктивное взаимодействие с первыми и покрытие их финансовых рисков. Роль финансовых институтов, следует полагать, должна заключаться в финансировании и коммерциализации инновационных разработок. На основе мнений ученых установлено, что в данный момент эту функцию в России выполняют иностранные компании. С тревогой необходимо признать, что подобная тенденция способствует промышленному шпионажу, прикладному использованию в стране-инвесторе и утечке мозгов, но никак не становлению и развитию нового технологического уклада.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Технологический уклад как социально-экономический феномен имеет неоднозначную трактовку, потому что: во-первых, его смену определяет инерция мышления общества; во-вторых, научно-технический прогресс. То есть появление новых технологий происходит раньше, чем их освоение. Соответственно, ключевым вопросом экономической теории в рамках исследуемой темы является вопрос о сущности основных категорий в рамках проблематики технологического уклада.

Согласно Н.Д. Кондратьеву, технологический цикл определяется колебаниями экономической активности, характеризующейся повторяющимися экономическими спадами и подъемами [4]. Установлено, что в современных условиях

наблюдается сокращение жизненного цикла организаций, товаров и услуг [5].

В работах С.Ю. Глазьева термин «технологический уклад» рассматривается «как целостное и устойчивое образование, в пределах которого осуществляется замкнутый цикл» [6]. Согласно мнению ученого, глобальные экономические кризисы выступают следствием замещения преобладающих технологических укладов. Существующая на современном этапе периодизация технологических укладов насчитывает шесть этапов.

При этом комплекс технологических производств образует ядро технологического уклада, а формирующие его технологические инновации образуют ключевой фактор, который используют так называемые несущие отрасли. В более современном понимании термин «технологический уклад» рассматривается как «совокупность сопряженных производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно» [7]. На современном этапе ядро шестого технологического уклада составляют НБИК-технологии (NBIC-technologies), представленные 11 основными направлениями инноваций по различным отраслям. НБИК-технологии — это нано- и биотехнологии, информационно-коммуникативные технологии, когнитивные технологии, технологии чистой энергетики и др. [8].

В процессе коммерциализации разработок и неразвитости государственной промышленной политики в отношении инноваций повышается роль финансовых институтов, готовых взаимодействовать с государством при условии покрытия их финансовых рисков.

Социология определяет термин «институт» в качестве установленного порядка правил и стандартизированных моделей

поведения [9]. Изучение зарубежных первоисточников по экономической теории способствовало попаданию в научный оборот термина «институция», который ошибочно отождествлялся с понятием «института». С этимологических позиций термин «институция» следует рассматривать как «устройство, образ, действия или наставление, учение, указание», то есть это «форма социализации человеческой функции». С гносеологических позиций термин «институция» необходимо определять как систему знаний по реализации данной функции с целью передачи информации о ней, для подготовки и формирования актора, способного выполнять данную функцию в соответствующей системе, правил, норм, положений и инструкций. Термин «институт» следует определять как установление, учреждение или организация, посредством которых институции реализуются. Именно в институтах воспроизводятся дифференцированные и закрепленные функции, к реализации которых готовят новых акторов, формируя из них агентов соответствующих институтов [10].

Финансовый институт — это финансовый посредник между кредиторами и заемщиками или между инвесторами и сберегательными учреждениями, взаимодействующими на договорной основе [11]. В современном понимании термин «финансовый институт» определяется как кредитно-финансовая организация, в которой правила и нормы функционирования, механизмы их соблюдения обеспечиваются посредством использования информационных и телекоммуникационных технологий перевода и хранения финансовой информации [12]. Финансовый институт обеспечивает посредничество между кредиторами и заемщиками. Необходимую для национальной экономики инфраструктуру кредитных отношений формируют финансовые институ-

ты и системы норм регулирования. Требуется своего решения проблема обеспечения финансовых инноваций для перераспределения финансовых ресурсов для обеспечения управления ликвидностью и финансовыми рисками экономических субъектов.

Эволюция финансовых институтов

В современных условиях ведется поиск эффективных теоретических моделей, устанавливающих роль финансовых институтов в долгосрочном экономическом развитии. В зарубежных исследованиях научно обоснованы положения о том, что формирование технологического уклада обеспечивается финансовыми институтами, а необходимой предпосылкой коммерциализации технологических инноваций являются финансовые инновации [13, 14].

Большинство ученых-экономистов по-прежнему не учитывают и недооценивают возрастающую роль управленческих, административных, маркетинговых, посреднических и финансовых технологий в развитии рыночной экономики. Фактически установлено, что их волны отличает другая размерность, не характерная для волн традиционных технологий. В частности, финансовые технологии, применяемые финансовыми институтами для задач инновационного развития, в экономической науке изучены слабо.

Важно подчеркнуть, что С. Глазьев рассматривал институты в качестве проводников и адапторов технологического уклада, снижающих социальную напряженность, способствующих внедрению новых технологий, определяющих изменения в потреблении и образе жизни.

В современных условиях эффективное функционирование финансовых институтов и их взаимодействие с экономиче-

скими агентами и субъектами государственной инновационной политики обеспечиваются посредством финансовых, маркетинговых, информационно-когнитивных технологий, востребованных в производстве, обращении и потреблении. Применение данных технологий финансовыми институтами носит транзакционный характер [15].

РОЛЬ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

В исследованиях экономистов подчеркивается дуализм роли институтов в технологическом развитии: с одной стороны, они играют негативную роль, выражающуюся в сковывающем эффекте, инерции и торможении развития инноваций; с другой — создают возможности и условия для их появления, так как именно институты на основе необходимой инфраструктуры формируют и развивают новые технологические уклады.

Конкретизируя роль финансовых институтов в становлении и развитии новых технологических укладов, к важному выводу пришел Д.П. Фролов [15]. По мнению ученого, выражающего принципиальное несогласие с точкой зрения К. Перес, следует выделить такую функцию финансовых институтов, как инновационная функция. Совершенствование технологий открывает новые возможности для частного бизнеса, что детерминирует появление дополняющих технологий. Д.П. Фролов указывает на целесообразность классификации инновационных технологий на две большие группы: трансформационные и транзакционные. Обычно первая группа технологий всегда была в центре внимания институтов, в том числе и финансовых. Однако, исследователь предупреждает, что недооценка второй группы — груп-

пы транзакционных технологий приводит к коммерческому краху (например, так было с технологиями геной инженерии). Ведь транзакционные инновационные технологии направлены на взаимодействие экономических агентов и повышают эффективность и результативность их коммуникации и транзакций. Данную группу составляют финансовые и торговые технологические инновации. Д.П. Фролов пришел к выводу о том, что преобразующие технологии выступают основой для развития транзакционных технологий. Примером, подтверждающим данные рассуждения, могут выступать виртуальные, примерочные, системы бесконтактной оплаты товаров и услуг, приложения для смартфонов, заменяющие карту лояльности, и др. — эти и другие инновации меняют поведение потребителей. Таким образом, технологические инновации изменяют людей, общественные отношения и институты, в данном случае финансовые институты не являются исключением.

Инновационные технологии выступают способом реализации финансовых институций, потому что включение экономических агентов в разноплановую систему институций формирует «систему общих убеждений экономических агентов» [16]. Институционализация развития финансовых технологий будет выражаться в проектировании технических регламентов и норм, отраслевых стандартов и инфраструктуры, а также возникновении институций, обеспечиваемых новыми технологиями, норм и моделей их поведения [17]. Соответственно, переход на каждый новый технологический уклад в содержательном контексте представляет собой конкуренцию экономических институций. Развитие высоких технологий требует интеграции статусных интересов заинтересованных сторон, куда входят исследо-

ватели, промышленники, предприниматели, политические деятели, инвесторы, маркетологи и другие институции. Так, например, НБИК-технологии, ставка на которые делается при переходе государств на технологический уклад шестого уровня, представляет собой фактически межотраслевую интеграцию ресурсов крупного, наукоемкого и высокотехнологического бизнеса, интересы которых лоббируются для увеличения бюджетных расходов.

Также необходимо понимать, что роль финансовых институтов в процессе перехода на новые технологические уклады в современных условиях характеризуется дуализмом и противоборством между созидающей и деструктивной функциями. Проникновение новых технологий не происходит в отрыве от общества. В конструктивном аспекте внедрение инновационных технологий, составляющих новый уклад, формирует новые потребности у людей, обеспечивает создание рабочих мест. Деструктивность роли новых технологий определяется исчезновением профессий, безработицей, снижает значение знаний и навыков. Поэтому благодаря финансовым институтам, смена технологического уклада характеризуется серьезной конкуренцией между институтами. Недооценка роли транзакционных технологий в деятельности финансовых институтов приводит к потере подобных конкурентных преимуществ.

Серьезную практическую проблему представляет собой реализация финансовыми институтами функции перераспределения средств. Особенно остро данная проблема проявляется при смене технологического уклада, когда обычно обесценивается высвободившийся избыточный капитал, и сокращаются инвестиции в преобладающий технологический уклад. Моральное устаревание технологий, составляющих ядро тех-

нологического уклада, вынуждает финансовые институты прекращать инвестиции и забирать обратно свои средства.

Привлечение финансовыми институтами капиталов в развитие инновационных технологий влияет на оценку эффективности общественного производства, сдерживает темпы экономического роста. Если такая тенденция происходит в период завершающего цикла экономического уклада, то обычно на фондовых рынках формируются так называемые финансовые пузыри, вызванные вложением капиталов в реально несуществующие активы.

Изменение технологий в значительной степени способствует высвобождению избыточного капитала, что закономерно приводит к его обесцениванию по причине сокращения вложений в производства. Занимающие лидирующие позиции технологии со временем морально устаревают, что вынуждает инвесторов и финансовые институты сокращать инвестиции в данную сферу. Инвестирование капитала в инновационные технологии снижает эффективность совокупного общественного производства и сдерживает темпы экономического роста. Именно данный экономический феномен перераспределения финансовых ресурсов определяет возникновение в экономике «пузырей» на фондовом рынке и рынке недвижимости на этапе последней стадии жизненного цикла ранее преобладавших технологий. Соответственно, постоянное движение капитала сопряжено между старым и новым технологическими укладами.

Решение проблемы финансовых пузырей в экономике видится возможным с помощью финансового кризиса, выступающего барьером для внедрения технологических инноваций [18]. Фактическое исчезновение финансового пузыря переориентирует инвестиционные ресурсы на ре-

альные активы и создаст предпосылки для развития инновационных отраслей. Борьба с финансовыми пузырями влияет на состояние и подготовку финансовых систем к кризисам, спровоцированным формированием очередной длинной волны экономического развития. Тем самым анализ состояния финансовой системы на предмет финансовых пузырей позволяет прогнозировать состояние экономики в будущем.

Деятельность финансовых институтов детерминирует появление финансовых инноваций, что выступает следствием решения проблем в экономике. Соответственно, роль финансовых институтов в процессе перехода на новые технологические уклады выражается в профилактике финансовых рисков посредством внедрения инновационных финансовых инструментов и стратегий управления рисками для инвесторов (фьючерсы, опционы, свопы, фондовые индексы и др.) [19].

НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИНАНСОВЫХ ИНСТИТУТОВ ДЛЯ ПЕРЕХОДА НА ШЕСТОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД

Проблема модернизации финансовой системы России сохраняет свою актуальность, и требует своего решения проблема эффективного перехода национальной экономики к следующему технологическому укладу. Функционирующая на современном этапе консервативная модель финансирования технологических новшеств ориентируется на получение сверхприбыли от сложившейся продуктивно-сырьевой структуры экономики и игнорирующую сущность технологических прорывов. Такая модель явно не способствует коммерциализации российских инноваций на мировых рынках. Вместе с тем весьма противоречиво выглядят задачи: вступить в фазу шестого технологического уклада и в течение

десяти лет занять лидирующие позиции в базовых отраслях мирового хозяйства. На современном этапе баланс сил Российской Федерации неравнозначный в сравнении с рядом мировых стран.

В подобных условиях возрастает роль факторов финансовой системы, определяющих технологические прорывы при формировании нового технологического уклада. В частности, особую важность они имеют для экономики Российской Федерации. Разработка концептуальных подходов к модернизации финансовой системы должна строиться на применении опыта разработки финансово-инвестиционной политики и инновационной стратегии до 2030 года, способных максимально точно спрогнозировать угрозы и риски в экономике и социальной сфере страны, в том числе определять научно-техническое и технологическое направления развития страны. В прикладном значении эта концепция должна учитывать степень монетизации национальной экономики, степень экономического роста, насыщенность экономики деньгами, то есть должна учитывать рост финансовой глубины экономики.

В качестве основного понятия рассматриваемая концепция относит финансовые инновации, роль которых в финансовой системе определяется их способностью к организации финансовых отношений субъектов инновационной политики (государство, бизнес, наука и образование, общество), обеспечение перераспределения всех имеющихся финансовых ресурсов и эффективное управление финансами экономических субъектов для обеспечения долгосрочной научно-технической и экономической эффективности.

Экономическая наука выделяет ряд финансовых инноваций, способных обеспечить переход национальной эко-

номики РФ к шестому технологическому укладу. В их числе следующие инновации:

1. Становление государственных финансовых институтов, финансируемых из бюджета страны как самостоятельной отрасли экономики. На современном этапе необходимые для этого полномочия, финансы, ответственность разделяет между собой ряд государственных ведомств. Вопросы расходов бюджета (его программной части) на фундаментальные исследования находятся в сфере компетенции Министерство образования и науки, подведомственных ему научных организаций. Проводимые исследования прикладного значения являются зоной ответственности Министерства экономического развития. За расходы государственного бюджета на непрограммную часть отвечает Министерства финансов РФ. Данное положение находит отражение в Бюджетной классификации расходов. Сведения о финансировании фундаментальных исследований представлены в разделе «Общегосударственные вопросы», информация о прикладных исследованиях отражается в отраслевых подразделах раздела «Национальная экономика». Нарушение порядка финансирования проведения исследований чревато нарушением технологической интеграции фундаментальных и прикладных разработок, снижает качество научно-технических инноваций.

2. Диверсификация финансовых инноваций в рыночном пространстве. Ее осуществление должно происходить в соответствии с уже установленной системой технологических приоритетов. В процессе моделирования финансовых инноваций требуется знание основных классификаций технологических приоритетов, обеспечивающих позиции на мировых рынках и пользующихся спросом внутри страны

при технологической отсталости. Финансовые модели диверсификации инноваций должны учитывать их рыночные характеристики и быть приспособлены к организационно-экономическим средам различных классификаций.

3. Индивидуализация и персонификация финансовых услуг. Необходимость их внедрения определяется усилением степени индивидуализации труда в процессе развития шестого технологического уклада. Усиление роли человеческого фактора в социально-экономическом развитии детерминирует потребность в формировании соответствующей финансовой модели более ускоренными темпами. Финансовые инновации, имеющие большие перспективы, будут формировать инновационный накопительный и инвестиционный потенциал и способствовать его эффективному применению.

4. Интеграция усилий финансового сектора с возможностями институтов развития при непосредственном участии государства. Данное инновационное решение будет преследовать своей целью разработку и реализацию инновационных задач длительного и устойчивого роста российской экономики в стратегической перспективе и повышение ее конкурентоспособности на мировой арене. Реализация государством подобных инноваций обеспечивается посредством механизмов государственно-частного партнерства и коммерциализации результатов исследований и разработок. И определяющую роль в использовании этой финансовой инновации будет иметь государственная финансовая политика.

Выводы

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что проектирование и внедрение инновационных технологий, составляющих группу шестого уклада, в российской экономике

не должно ориентироваться на повышение доходов финансового и реального секторов экономики. Такой подход отвечает частным, а не национальным интересам. Поэтому стоит системная и одновременно комплексная задача — повысить эффективность взаимодействия представителей государства, бизнеса, науки и производства по направлениям, определяющим стратегические перспективы экономического развития. В ходе теоретического анализа установлено, что достижение подобных задач возможно посредством описанных финансовых инноваций, потому что они обеспечивают интеграцию всех необходимых для экономического развития факторов. Рассмотренные финансовые инновации сочетают традиционные рыночные механизмы и учитывают научно-технические приоритеты России на мировых рынках продукции и услуг. Применение подобных финансовых инноваций требует формирования эффективных инвестиционных моделей реализации финансовых услуг с ориентацией на маркетинг с различными целевыми группами.

Достижение подобных задач связывается с усилением роли финансовых институтов, направленной на проектирование финансовых инноваций, обеспечивающих согласование интересов финансового сектора и научно-производственной системы страны. Именно такой подход будет способствовать развитию конкурентных преимуществ России на мировых рынках.

Библиографический список

1. Шестой технологический уклад (Материалы интервью с академиком Е. Кабловым) // Интернет-журнал «Наука и жизнь». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (дата обращения: 12.11.2019).

2. Оккупация России: более 80% экономики РФ принадлежит иностранцам.../ Livejournal. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://gala-gala15.livejournal.com/714232.html> (дата обращения: 12.11.2019).
3. Семенова Е.А. Проблемы формирования нового технологического уклада в России / Е.А. Семенова / Сайт Российского института стратегических исследований. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://riss.ru/analitics/4594/> (дата обращения: 12.11.2019).
4. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения: избранные труды / Н.Д. Кондратьев / Отдельное издание. — М.: Экономика, 2002. — 767 с.
5. Гласмахер И. Шесть способов обратить волатильность себе на пользу // Harvard Business Review. — М., 2013. — № 6–7. — С. 149.
6. Глазьев С.Ю. Выбор будущего / С.Ю. Глазьев / Отдельное издание. — М.: Алгоритм, 2005. — 350 с.
7. Авербух В.М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) / В.М. Авербух // Наука. Инновации. Технологии. — 2010. — № 71. — С. 159–166.
8. Фролов А.В. NBIC-технологии и направления их развития в США / А.В. Фролов // Инновации. — 2013. — № 7(177). — С. 63–73.
9. Большой толковый социологический словарь (Collins) (А–О) Том 1. / Д. Джерри, Дж. Джери [пер. с англ. Н.Н. Марчук] / Справочное издание. — Т. 1. — М.: Вече: АСТ, 2001. — 494 с.
10. Иншаков О.В. Институты и институции в современной экономической теории / О.В. Иншаков // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2007. — № 11. — С. 6–21.
11. Романова Т.Ф., Иванова О.Б., Попова Г.В. Финансы / Т.Ф. Романова, О.Б. Иванова [и др.] / Учебное пособие. — Ростов н/Д.: РГЭУ, 2010. — 171 с.
12. Карташов К.А. Финансовые институты в инфраструктуре кредитных отношений, их роль и особенности функционирования (опыт

- Великобритании) / К.А. Карташов // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2010. — № 3. — С. 93–98.
13. Дементьев В.Е. Экономические пузыри в длинноволновой динамике: избегать или дозировать / В.Е. Дементьев // Экономическая наука современной России. — 2009. — № 2. — С. 7–20.
 14. Сергиенко Я. О финансовом механизме длинноволновых технико-экономических изменений / Я. Сергиенко // Вопросы экономики. — 2004. — № 1. — С. 66–73.
 15. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес / Отдельное издание. — М.: Дело, 2011. — 232 с.
 16. Aoki M. Endogenizing institutions and institutional changes / M. Aoki // Journal of Institutional Economics. — 2007. — Vol. 3. — № 1. — PP. 1–31.
 17. Фролов Д. Теория кризисов после кризиса: технологии versus институты / Д. Фролов // Вопросы экономики. — 2011. — № 7. — С. 17–33.
 18. Зотова А.И., Максименко Е.Е. Финансовые аспекты формирования нового технологического уклада в России / А.И. Зотова, Е.Е. Максименко // Дискуссия. — 2017. — № 6. — С. 27–34.
 19. Курманова Д.А. Финансовый рынок в системе инновационного развития экономики / Д.А. Курманова // Экономические науки. — 2013. — № 10. — С. 90–94.

References

1. Shestoy tekhnologicheskij uklad (Materialy intervyyu s akademikom E. Kablovym) // Internet-zhurnal «Nauka i zhizn». — [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/> (data obrashcheniya: 12.11.2019).
2. Okkupatsiya Rossii: boleye 80% ekonomiki RF prinadlezhit inostrantsam.../ Livejournal. — [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://gala-gala15.livejournal.com/714232.html> (data obrashcheniya: 12.11.2019).

3. Semenova E.A. Problemy formirovaniya novogo tekhnologicheskogo uklada v Rossii / E.A. Semenova / Sayt Rossiyskogo instituta strategicheskikh issledovaniy.— [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <https://riss.ru/analytics/4594/> (data obrashcheniya: 12.11.2019).
4. Kondratyev N.D. Bolshiye tsikly konyunktury i teoriya predvideniya: izbrannyye trudy / N.D. Kondratyev / Otdelnoye izdaniye. — M.: Ekonomika. 2002. — 767s.
5. Glasmakher I. Shest sposobov obratit volatilnost sebe na polzu // Harvard Business Review. — M., 2013. — № 6-7. — S. 149.
6. Glazyev S.Yu. Vybory budushchego / S.Yu. Glazyev / Otdelnoye izdaniye. — M.: Algoritm. 2005. — 350s.
7. Averbukh V.M. Shestoy tekhnologicheskiy ukhad i perspektivy Rossii (kratkiy obzor) / V.M. Averbukh // Nauka. Innovatsii. Tekhnologii.— 2010. — № 71. — S. 159–166.
8. Frolov A.V. NBIC-tekhnologii i napravleniya ikh razvitiya v SShA / A.V. Frolov // Innovatsii. — 2013. — № 7(177). — S. 63–73.
9. Bolshoy tolkovyy sotsiologicheskii slovar (Collins) (A–O) Tom 1. / D. Dzherri. Dzh. Dzheri [per. s angl. N.N. Marchuk] / Spravochnoye izdaniye. — T. 1. — M.: Veche: AST. 2001. — 494s.
10. Inshakov O.V. Instituty i institutsii v sovremennoy ekonomicheskoy teorii / O.V. Inshakov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.— 2007. — № 11. — S. 6–21.
11. Romanova T.F., Ivanova O.B., Popova G.V. Finansy / T.F. Romanova. O.B. Ivanova [i dr.] / Uchebnoye posobiye. — Rostov n/D.: RGEU. 2010. — 171s.
12. Kartashov K.A. Finansovyye instituty v infrastrukture kreditnykh otnosheniy. ikh rol i osobennosti funktsionirovaniya (opyt Velikobritanii) / K.A. Kartashov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2010. — № 3. — S. 93–98.

13. Dementyev V.E. Ekonomicheskiye puzyri v dlinnovolnovoy dinamike: izbegat ili dozirovat / V.E. Dementyev // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. — 2009.— № 2. — S. 7–20.
14. Sergiyenko Ya. O finansovom mekhanizme dlinnovolnovykh tekhniko-ekonomicheskikh izmeneniy / Ya. Sergiyenko // Voprosy ekonomiki.— 2004. — № 1. — S. 66–73.
15. Peres K. Tekhnologicheskiye revolyutsii i finansovyy kapital. Dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya / K. Peres / Otdelnoye izdaniye. — M.: Delo. 2011. — 232 s.
16. Aoki M. Endogenizing institutions and institutional changes / M. Aoki // Journal of Institutional Economics. — 2007. — Vol. 3. — № 1. — PP. 1–31.
17. Frolov D. Teoriya krizisov posle krizisa: tekhnologii versus instituty / D. Frolov // Voprosy ekonomiki. — 2011. — № 7. — S. 17–33.
18. Zotova A.I., Maksimenko E.E. Finansovyye aspekty formirovaniya novogo tekhnologicheskogo uklada v Rossii / A.I. Zotova. E.E. Maksimenko // Diskussiya. — 2017.— № 6. — S. 27–34.
19. Kurmanova D.A. Finansovyy rynek v sʹ innovatsionnogo razvitiya ekonomiki / D.A. Kurmanova // Ekonomicheskiye nauki. — 2013. — № 10. — S. 90–94.

Контактная информация

Арефьев Петр Владимирович: parefev@fa.ru

Каретникова Маргарита Леонидовна: 887margarita@gmail.com

Мышкина Вероника Алексеевна: veronika_mishkina@mail.ru

Хохлова Екатерина Максимовна: katrin_butler@mail.ru

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ
СРЕДА ИННОВАЦИОН-
НОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**
**THE INSTITUTIONAL
ENVIRONMENT
OF INNOVTIVE
DEVELOPMENT
OF AGRICULTURE**

КОЗЛОВ ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ

Доктор экономических наук, профессор, кафедра
управления Российского государственного
аграрного университета – МСХА имени
К.А. Тимирязева

VYACHESLAV V. KOZLOV

Doctor of economic, Professor, the Department
of management of the Russian state agrarian
University – Moscow Timiryazev agricultural
Academy.

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается институциональная среда, которая в наиболее полной мере может обеспечить условия для инновационного развития аграрной экономики. Показано, что в российских масштабах необходимо децентрализовать государственное организационно-экономическое воздействие на инновационное развитие сельского хозяйства. Необходимо перенести ответственность за это на уровень субъектов Российской Федерации и обеспечить развитие аграрных вузов в регионах до уровня 3.0 (наука – образование – экстеншн деятельность). Подчеркнута значимость своевременного и полноценного правового обеспечения этого. Даны соответствующие предложения по развитию этой среды и восполнению пробелов в нормативно-правовом обеспечении инновационной деятельности в сельском хозяйстве России.

ABSTRACT

In article the institutional environment which in the fullest measure can provide conditions for innovative development of agrarian economy reveals. Researches in the field of dynamics of social and economic systems showed the importance of factorization in activity of components of a system and a role in it β -leaders. Need of creation of conditions for innovative activity of such leaders and further use of results of their activity is proved. It allowed to draw important conclusions on need of decentralization of the state organizational and economic impact on innovative development of agriculture for scales of the Russian Federation, on need of transfer of responsibility to regions for this activity. The importance of regional agricultural services of extension-service as the significant and lacking in Russia link of transformation of scientific knowledge to concrete technologies, attraction and adaptations of innovations to conditions of concrete agrarian businesses, large-scale distribution of innovations among numerous these businesses is shown. Providing development of agrarian higher education institutions in re-

gions to level 3.0 is proved (science – education – extension activity). Need of transition to financing in the form of grants of creation and primary distribution of innovations generally from the level of regions is shown. The importance of timely and full legal support of it is emphasized. The relevant proposals on development of this Wednesday and completion of gaps in standard legal support of innovative activity in agriculture of Russia are given.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инновационное развитие сельского хозяйства, институциональная среда, университеты 3.0, фонды поддержки, гранты, нормативно-правовые акты, стандарты консультационной деятельности.

KEY WORDS

Innovative development of agriculture, institutional environment, universities 3.0, support funds, grants, regulations, standards of consulting activities.

Сложившуюся ситуацию в отечественном сельском хозяйстве при некоторых успехах в 2016–2017 гг. преждевременно считать обнадеживающей — рост сельхозпроизводства на протяжении многих последних лет не стабилен, а финансовые показатели с учетом инфляции — скромные. При этом немалые финансовые ресурсы, выделяемые государством на поддержку сельского хозяйства, в большей части оказываются у крупных производителей, а относительно неплохо развивающиеся малые формы хозяйствования получают непропорционально меньше средств. Особую же тревогу вызывает очень значимая зависимость отечественного сельского хозяйства от зарубежных технологий и многих исходных материалов: элитные семена, племенные животные и птица, многие виды биохимических препаратов и др. Из-за чего не совсем корректно вести речь

о состоявшемся импортозамещении. Производительность труда в сельском хозяйстве России отстает от аграрно развитых стран не в меньшей мере, чем было много лет тому назад. Темпы освоения инноваций находятся на очень низком уровне: всего 2,1–3,9% сельскохозяйственных организаций, реализовавших инновации от всех действующих, по сравнению с более чем 9,6% от всех промышленных организаций [7].

Последнее означает, что в сельском хозяйстве инновации являются в основном делом только новаторов (2,5% от всех, по классификации Э. Роджерса) [1, С. 282–284]. Еще 100 лет назад великий российский экономист А.В. Чаянов показал, что человеческому уму свойственна пытливость и что искания и творчество отдельных крестьян не останавливаются даже в моменты самого глухого хозяйственного застоя [2, С. 11]. В то время как в аграрно развитых странах более половины фермеров каждые 3 года осваивают те или иные инновации.

В подавляющем большинстве развитых стран инновации распространяются системами экстеншн-сервиса. Они ведут не просто поиск инноваций и распространяют сведения о них. Они выполняют сложную работу по апробации и подгонке наиболее подходящих инноваций под условия хозяйствования большинства обслуживаемых фермеров, фактически осуществляя проектно-технологические разработки. После этого целенаправленно, поэтапно передают производителям технологические инструкции реализации инноваций, ориентированные на максимизацию выгоды. Благодаря этому инновации сначала становятся достоянием новаторов и сразу же за ними — ранних последователей (13,5% от всех потребителей инноваций, по классификации Э. Роджерса) [1, С. 282–284]. Потом на успешном опыте этих хозяйств служащие экстеншн-сервиса поэтапно обучают

всех остальных, осуществляют наставничество в случаях затруднений с освоением инновации, посещают по несколько раз хозяйства до получения стабильного результата.

Сегодня технологические инструкции, например, возделывания нового сорта растений покупатель получает вместе с семенами у фирмы Syngenta. При этом описано использование средства защиты растений, конечно, фирмы Syngenta, их подкормки на конкретной почве и т.п. Ему продают не просто семена, а выгоду, которую он получит, используя семена с приложенной технологией «под ключ». Все необходимые для этого научные и технологические центры имеются у фирмы Syngenta. Она сотрудничает с ведущими научными кадрами университетов — имеет лаборатории при них. Она сама из своей прибыли оплачивает разработки, так как она заинтересована продавать по всему миру конкурентоспособные продукты. При этом наши аграрии, покупая продукты этой фирмы, фактически участвуют в финансировании ее инновационного развития.

Но семенами торгует не одна фирма Syngenta. У конкурентов могут оказаться более выгодные варианты, и вот такое сравнение конкурирующих семян и технологий делают служащие системы эктсеншн-сервиса, применительно к конкретным условиям подопечных хозяйств. Ведь они ответственны за развитие аграрных бизнесов, финансируются из средств налогоплательщиков и самими бизнесами.

А что предлагают отечественные семеноводческие хозяйства? А где берут новые сорта растений эти семеноводческие хозяйства? Кто и какие выгодные технологии возделывания этих семян предлагает? Давно из разрозненных семеноводческих НИИ, отдельных семеноводческих хозяйств и других организаций мы могли бы создать одного-двух достойных

конкурентов мировым лидерам. Давно могли создать системы экстеншн-сервиса, как это сделали в Латвии, Литве и Польше, но не получилось. Все это сложно сделать — мы не смогли изменить свое поведение. Не удалось осознать необходимость столь глубоких изменений, не удалось договориться и работать сообща на общий результат. Мы же привыкли разделять и властвовать, но при этом действовать с оглядкой на вышестоящих, добиваться от них преференций и материальной поддержки.

Нам оказалось не по силам изучить и творчески использовать опыт Великобритании, Дании, США и других стран. В частности, очень поучителен опыт США. Законодатели этой страны всегда закрепляли новые организационные инновации в своей аграрной политике своевременно и четко. В 1862 году принят Закон Меррилла о наделении земель сельскохозяйственных колледжей, принадлежащих штатам, и их финансировании в соотношении 50:50 из федерального и регионального бюджетов. Сегодня многие стали всемирно известными университетами. Законом Хатча (1887) об опытных станциях законодатели США закрепили за этими учебными заведениями научную деятельность, а финансирование — за федеральным бюджетом. Законом Смита-Левера (1914) о кооперативной службе экстеншн-сервиса законодатели, опираясь на успешный опыт Айовского и Пенсильванского университетов, закрепили за аграрными университетами и колледжами штатов работы по трансферу инноваций с финансированием из бюджетов федерации и штатов в соотношении 50:50 [3]. Причем в этом законе четко обозначается необходимость доведения до фермеров технологических инструкций, а не примитивное распространение информации о новшествах.

В итоге в начале XX века в США была сформирована институциональная среда развития сельского хозяйства на инновационной основе, в которой аграрным вузам поручены все работы цикла «исследование — образование — коммерциализация инноваций». Возникли университеты уровня 3.0, которые сегодня получили широкое распространение не только в сельском хозяйстве. Формальные правила обеспечили «привычивание» нового поведения всеми акторами этой среды. Поэтому даже Дания, имевшая очень эффективную сельскохозяйственную консультационную службу, принадлежавшую Фермерскому союзу, в 2015 году пришла к объединению ее вместе с научным сельскохозяйственным центром в единую систему Орхусского университета.

В России в период Столыпинских реформ было очень развито к 1913 году сельскохозяйственное консультирование — Общественная агрономия с 9000 работников и значимой общегосударственной и региональной поддержкой (в целом почти в три раза большей, чем финансирование аграрного образования [4]), но в условиях административно-командной модели экономики оно быстро трансформировалось. В период 1928–1958 гг. сначала Общественная агрономия была упразднена, а ее служащие введены во вновь созданные МТС (машинно-тракторные станции). Потом обязанности по привлечению новшеств и их использованию были переложены на главных агрономов и зоотехников колхозов и совхозов, а для их обучения в 1960-е годы была создана система дополнительного профессионального образования (ДПО) и АгроНТИ. В настоящее время многие из этих малоэффективных учебных заведений введены в составы аграрных вузов.

Параллельно с этим процессом шло интенсивное выделение из вузов аграрных НИИ, которые в 1928 г. вошли в состав ВАСХНИЛ, которая стала только российской в 1992 г., а в 2016 г. — вошла в состав Российской академии наук. Сегодня академическими числятся около 120 НИИ. Есть еще в системе Минсельхоза России около 30 НИИ, 70 университетов, академий и самостоятельных ДПО. Все это обосновывается представлениями, присущими нашей Янтарной парадигме мышления [5, с. 33–37]. Нашему осознанию миропорядка на основе тезиса «разделяй и властвуй». Дошло даже до того, что сферы научной деятельности в животноводстве в одном только Московском регионе разделены. За разведение коров ответственен ВИЖ имени академика Л.К. Эрнста. Развитие кормления коров должен взять на себя ВНИИ кормов им. В.Р. Вильямса. Решению проблем здоровья коров посвящена деятельность МГАИМиБ — МВА имени К.И. Скрябина. К развитию животноводства причастны еще «Московский НИИСХ „Немчиновка“» и РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева. Генофонд же молочного скотоводства в больших масштабах завозится из-за рубежа. Создаваемые в наших НИИ новшества очень медленно доходят до производителей молока, так как у нас практически нет системы экстеншн-сервиса в сельском хозяйстве, такого уровня, как в развитых странах.

При попытке возрождения сельхозконсультирования в России закрепление инновационной деятельности в формальных правилах было слабым — всего лишь в форме внутренних регламентов системы экстеншн-сервиса. Только в 2002 г. в Нижегородской консультационной службе АПК были приняты стандарты консультационной деятельности. В них четко регламентированы действия консультантов по адаптации новшеств в технологиях производства к условиям хо-

зяйствования в рамках ведения опытно-демонстрационной деятельности. Учтены особенности реализации и необходимость внесения нужных изменений в технологические карты у клиентов. Однако все это быстро забылось, как сложно выполнимое в условиях отчетности Минсельхозу России десятками тысяч в год каких-то примитивных консультационных услуг.

В США же институциональная среда инновационной деятельности в сельском хозяйстве интенсивно развивалась, и каждое требуемое для прогресса новое поведение закреплялось законодательно. На данный момент касаясь развития сельского хозяйства в США действуют 26 законов.

Логика этих действий общеизвестна, и здесь есть смысл сказать только о следующем. Все появляющиеся и жизнеспособные идеи сначала апробируются наиболее передовыми представителями науки и практики. Если подтверждается их целесообразность и эффективность, то аграрные ассоциации и союзы их начинают лоббировать. Администраторы и парламентарии разрабатывают новые нормы и правила поведения и закрепляют их законодательно. Большое значение имеют внутрифирменные регламенты. Всем участникам деятельности после этого приходится «опривычивать» это новое поведение, новое функционирование институтов общества. Конечно же, естественно происходит изменение неписаных правил поведения. Например, когда в 50-е годы прошлого века в США стало ясно, что очень неэффективно просто финансировать «по смете» деятельность научных коллективов и НИИ в целом, был осуществлен быстрый переход к принципам финансирования этой деятельности в форме грантов с необходимым нормативно-правовым закреплением.

Отечественный исследователь В.М. Ефимов уточняет: «Выбор, который индивиды делают сегодня, „вставлен“ (англ. embedded) в действия вчерашних волевых агентов. При этом <...> индивиды имеют, помимо тех правил, которые им навязываются „волевыми агентами“, свои, имеющие глубокие исторические корни, неформальные правила и верования-убеждения, и если они противоречат правилам введенным, то их реализация оказывается под сомнением» [6, с. 49–67]. В обоснование своих тезисов В.М. Ефимов приводит результаты анализов ситуаций с российскими значимыми для нас реформами Аркадия Столыпина, Егора Гайдара и другими. Тем самым доказывая, что правила становятся институтами, только если произошло их опривычивание, а для этого требуется время и, самое главное, требуются воспитательно-образовательные усилия со стороны тех, кто заинтересован во введении этих правил [6, с. 74–116].

Опираясь на результаты исследования В.М. Ефимова, можно графически и достаточно наглядно представить пошаговое, с возрастающим значением формальных правил, в виде «раскручивающегося треугольника: возникновение новой идеологии (появления и апробации новых правил поведения) — нормативное закрепление (разработка и оформление документов) — функционирование (опривычивание: отслеживание следования формальным правилам, изменение неформальных правил), что представлено на рисунке 1. При этом очень наглядным оказывается российское «хождение по кругу», без значимого изменения институциональной среды в части инновационного развития сельского хозяйства, которое отображено серым треугольником внутри представленной фигуры спирально развивающейся институциональной среды в развитых странах.

Рис. 1. Треугольник циклов изменений, развивающих институциональную среду.

Составлено автором на основе идеи В.М. Ефимова [6, с. 32].

В настоящее время в Федеральном Правительстве Соединенных Штатов не существует единственного агентства, которое устанавливает приоритеты для исследований. Вместо этого существует высоко децентрализованный процесс, в котором приоритеты и бюджеты для НИОКР устанавливаются несколькими департаментами и агентствами, ответственными за научно-технические исследования. Сюда входят различные агентства, ответственные за исследования, комитеты Конгресса по санкционированию и ассигнованиям, Администрация президента, Административно-бюджетное управление, Управление научно-технической политики и Национальный совет по науке и технике (National science and technology council (NSTC)) [7].

В рамках Минсельхоза США (U.S. Department of agriculture (USDA)) сельскохозяйственные исследования проводятся

по различным направлениям и разными агентствами. Служба сельскохозяйственных исследований (Agricultural research service (ARS)) — главный подведомственный Министерству сельского хозяйства исполнитель. Национальный институт продовольствия и сельского хозяйства (National Institute of food and agriculture (NIFA)) ответственен за внешние программы USDA, а также спонсирует исследования, экстеншн и образовательную деятельность в университетах и в частном секторе, выступая в качестве фонда с годовым объемом средств около 2 млрд долларов США. Национальная служба сельскохозяйственной статистики (National Institute of food and agriculture (NASS)) и Служба экономических исследований (Economic research service (ERS)) ответственны за сбор сельскохозяйственной статистики и предоставление аналитической информации для продовольственной, сельскохозяйственной политики и политики в области природных ресурсов [7].

Эти четыре агентства формируют круг решаемых вопросов в области Исследований, Образования и Экстеншн (Research, Education and Extension (REE)) USDA. Важно то, что направления инновационного развития сельского хозяйства рассматриваются в триединстве от науки до использования в производстве с учетом развития образования. На момент 2014 года в США задействовано 17 национальных комплексных программ развития такой деятельности [7]. Каждая Национальная программа обращается к заинтересованным группам, чтобы они помогли определить ключевые потребности и возможности. При этом в рамках каждой программы устанавливаются условия финансирования работ из разных источников: федеральный уровень, уровень штатов и других общественных фондов, бизнес и объединенные средства бизнеса, например, через фермерские союзы.

Национальные программы представляют собой важный механизм координации исследований в пределах более широкой инновационной сельскохозяйственной системы Соединенных Штатов. Партнеры-университеты со схожими интересами также тесно взаимодействуют в целях координации исследований между федеральными и региональными (штатными) институтами. Частный сектор (коммерческие фирмы и некоммерческие организации) тоже участвуют в данных обсуждениях планов. Для частных организаций, участвующих в финансировании НИОКР, действуют налоговые льготы, как в форме вычета из налогооблагаемого дохода суммы затрат на НИОКР, так и в форме налогового кредита для увеличения исследовательской деятельности. Все это закреплено несколькими законами, принятыми во второй половине XX века и касающимися инновационной деятельности во всех отраслях.

Закон Бэя — Доула (Public Law 96-517) действует с 1980 г., предоставляет университетам и малым фирмам право владения изобретениями, созданными при финансовой поддержке правительства (ранее такими изобретениями владело только правительство США).

Закон о технологических инновациях, или так называемый закон Стивенсона — Уайдлера (Stevenson — Wydler Technology Innovation Act of Public Law 96-480) облегчает трансфер технологий в частный сектор экономики и создает основы для формирования и функционирования государственно-частных партнерств.

Закон об инновационном развитии малого бизнеса 1982 г. (Small Business Innovation Development Act of 1982 — Public Law 97-219) предусматривает создание специальных фондов финансирования фирм малого бизнеса, выполняю-

щих в рамках государственно-частного партнерства проекты НИОКР, в основном на уровне штатов США.

Закон о трансфере федеральных технологий 1986 г. (Federal Technology Transfer Act of 1986-Public Law 99-502) разрешил министерствам и ведомствам (федеральным и штатов) удерживать полученные ими от коммерциализации и технологий роялти (не передавая их Министерству финансов), что резко увеличило количество лицензий, выдаваемых министерствами и ведомствами.

Закон о национальном трансфере и развитии технологий 1995 г. (National Technology Transfer and Advancement Act of 1995 — Public Law 104-113) значительно увеличил объем передаваемых по соглашениям прав на интеллектуальную собственность для коммерциализации изобретений фирмами частного сектора, которые входили в государственно-частные партнерства.

Закон о коммерциализации трансфера технологий 2000 г. (Technology Transfer Commercialization Act of 2000 — Public Law 106-404) расширил права по лицензированию изобретений, полученных в рамках выполнения Соглашения о совместных исследованиях и разработках, разрешая федеральным лабораториям предоставлять лицензионный грант на изобретения, созданные ещё до подписания этого соглашения, что сделало последние, как и участие в партнерстве с бизнесом, ещё более привлекательными для фирм частного сектора. Более того, этим законом фактически разработчики обязываются осуществлять коммерциализацию разработок, выполняемых в рамках государственно-частного партнерства [7, с. 231–234].

Мы же даже в перспективных предложениях пытаемся сохранить почти «ручное управление» из центра всем и вся. В частности, в докладе «О приоритетных направлениях

социально-экономического развития АПК России: от роста к качеству роста» ведется речь о том, что необходим единый центр координации, прогнозирования и экспертизы научно-технических разработок в области сельского хозяйства [8, с. 44]. Создавать его предлагается на базе Отделения сельскохозяйственных наук РАН [8, с. 46]. Несомненно, координация нужна, но не более того, да и вряд ли целесообразно создавать такой орган при РАН. Очень важна в нем роль представителей аграрного бизнеса, фермерства, как показывает мировой опыт.

Далее в этом докладе следует очень значимое предложение по созданию Фонда инновационного развития сельского хозяйства, и опять при руководящей роли ученых-аграриев РАН [8, с. 47]. Затем следует предложение о предоставлении субсидий на инвестиционные кредиты для научно-технологического развития сельского хозяйства и увеличение поддержки исследований и инноваций, что предлагается осуществлять через этот Фонд [8, с. 48]. Нетрудно представить, в чьих интересах будут приниматься многие решения таким Фондом.

В тисках централизации остаются и многие другие ученые, исследующие проблемы инновационного развития сельского хозяйства России. В частности, А.В. Голубев с соавторами при анонсировании интересных предложений по цифровизации инновационной деятельности на основе создания портала по обмену инновациями, их трансферу в сельском хозяйстве возлагает большие надежды на централизованные решения при всемерной поддержке Минсельхоза России [9].

Централизованная вертикально заорганизованная модель построения такой среды, как показывает главный экономический эксперт ЕБРР Сергей Гуриев, более чем противополо-

казана современной ситуации [10]. Более того, современный взгляд на институциональную среду с позиций теории систем показывает, что для интенсивного инновационного развития необходимо создание условий для проявления творчества β -лидеров — лидеров факторизации, т.е. свободного поиска и использования новых факторов развития систем [11, 12]. Соответственно, в этих работах показано, что только децентрализация процессов поиска и реализации новых форм организации инновационной деятельности может привести к высоким результатам. Показано, что такое возможно, если повысить роль и ответственность регионов России, профессиональных организаций аграриев за весь комплекс работ «исследования — образование — экстеншн-сервис».

В частности, показано, что для масштабного распространения инноваций необходима система экстеншн-сервиса с консультантами, обслуживающими в среднем по 9–12 хозяйств и, самое главное, предоставляющими своим клиентам технологические инструкции. Соответственно в законе, касающемся сельскохозяйственного консультирования, должны быть четко обозначены опытно-демонстрационная деятельность и передача клиентам технологических инструкций. Это должно финансироваться исключительно из средств федерального и регионального бюджетов. В технолого-методических центрах таких региональных систем должны быть высококомпетентные специалисты (β -лидеры) по каждому направлению деятельности, чтобы обеспечивалось развитие самой системы и оказывалось влияние не только на развитие аграрных бизнесов, но и на аграрные науки [12].

В этой же работе обоснована необходимость всемерного перехода в финансировании деятельности по созданию и трансферу инноваций в форме грантов. При этом

желательно несколько грантодателей со смешанным финансированием из бюджетов разных уровней и от бизнеса — государственно-частное партнерство, с активным участием аграриев как в принятии решений, так и в формировании финансовых ресурсов.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы и дать предложения.

1. Необходима значимая децентрализация в принятии и реализации решений и действий всех участников инновационной деятельности в российском сельском хозяйстве, широкое использование программных методов организации работ по образцу и подобию европейских рамочных программ, организации работ в рамках технологических платформ с влиянием на это аграриев, и не только Минсельхоза России и РАН.
2. Очень важно в корне изменить деятельность имеющихся в России консультационных организаций. Содействовать созданию таких организаций в регионах, где они отсутствуют. Очень важно четкое закрепление в деятельности консультантов проведения апробации и передачи инноваций, то есть опытно-демонстрационной деятельности, с обязательной передачей технологических инструкций и обучением инновациям их пользователей. Финансирование этой деятельности в соотношении 50:50 из федерального и региональных бюджетов или в иной пропорции в условиях действующей налогово-бюджетной политики государства.
3. Для коренного изменения институциональной среды развития сельского хозяйства России предлагается разработать и принять Закон «Об инновационном развитии сельского хозяйства», так как очень значимы особенно-

сти аграрного сектора экономики страны по сравнению с другими отраслями производства. Возможно, не удастся учесть все в одном законе и придется разрабатывать и принимать несколько законов. Все эти нормы должны бы четко определять субъекты этой деятельности, их функции и задачи: фонды развития (федеральный и региональные); научные организации и университеты; субъекты экстеншн-сервиса — консультационной деятельности. Устанавливать требования по наличию четких регламентов деятельности каждого из них, в первую очередь по передаче новых технологических инструкций по использованию инноваций применительно к особенностям деятельности аграрных бизнесов в конкретных агроклиматических условиях.

4. В первую очередь должны четко регламентироваться: финансирование фундаментальной и прикладной научной деятельности в основном на основе грантов, за исключением очень долговременных работ; финансовой поддержки освоения инноваций, в основном с помощью системы консультационной поддержки сельскохозяйственных бизнесов; порядок формирования региональных фондов развития (возможно, в соотношении 60:40 из федеральных и региональных бюджетов) и использования средств этих фондов, порядок финансового и управленческого участия в работе этих фондов аграрных бизнесов, особенно фермеров.
5. Радикальным и очень перспективным является предложение по передаче всех аграрных вузов в регионы с сохранением объемов федерального финансирования, конечно, с обязательной корректировкой на инфляцию. Это позволит регионам самостоятельно определять ко-

личество поддерживаемых ими студентов по всем специальностям во взаимодействии с работодателями, особенно в части подготовки магистров.

При этом снимутся многие проблемы по возложению на аграрные вузы экстеншн-деятельности, финансирования их научных и проектно-технологических работ из региональных бюджетов и фондов развития сельского хозяйства. Будут созданы организационно-экономические условия для роста многих университетов до уровня 3.0 и объединения их с научными организациями, многие из которых, конечно же, покинут РАН, и передавать их в региональные аграрные университеты надо будет тоже с обязательным сохранением объемов федерального бюджетного финансирования.

Мир вокруг нас меняется очень быстро. И если мы сегодня не проведем сложные изменения, необходимые для формирования действительно благоприятной для инновационного развития сельского хозяйства институциональной среды, то завтра и позднее сделать необходимые преобразования будет еще сложнее, и мы будем оказываться все в большей кабальной зависимости от других экономик мира.

Библиографический список

1. Rogers, Everett (16 August 2003). Diffusion of Innovations [Текст] /E. Rogers — Simon and Schuster, 5th Edition. — 2003.
2. Чаянов А.В. Основные идеи и методы общественной агрономии. [Текст] /А.В. Чаянов — М.: Изд. Наркомзема «Новая деревня», 1924.
3. Smith-Lever Act (Act of May 8, 1914, ch.79, 38 Stat. 372, 7 U.S.C. 341 et seq.), sec. 2.
4. Сборник статистико-экономических сведений по России 1914 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://search.rsl.ru/record/01003527641> (дата обращения 13.08.2017).

5. Лалу Ф., Открывая организации будущего [Текст] / Фредерик Лалу; пер. с англ. В. Кулябиной; [науч. ред. Е. Голуб]. — М.: Манн, Иванов и Фарбер, 2016.
6. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики. Монография [Текст] / В.М. Ефимов. — М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016.
7. Innovation, agricultural, productivity and sustainability in the United States [Электронный ресурс] / OECD — 2016 — Режим доступа: URL: <http://www.oecd.org/publications/innovation-agricultural-productivity-and-sustainability-in-the-united-states-9789264264120-en.htm> (дата обращения 26.01.2019).
8. Материалы двадцатой экспертной сессии Координационного клуба Вольного экономического общества России [Электронный ресурс] / Сайт Вольного экономического общества России — Режим доступа: URL: http://www.veorus.ru/события/анонсы-мероприятий/Proceedings%20of%20the%2020th%20expert%20session_12.03.2019.pdf (дата обращения 14.03.2019).
9. Голубев А.В., Голубева А.А., Смоленинова Н.А. Вызовы и перспективы развития агропродовольственного комплекса России [Текст] // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. — 2018. — № 8. — С. 12–15.
10. Гуриев С. Без рынка нет инноваций. [Электронный ресурс] // hbr-russia — электронный журнал — Режим доступа: URL: http://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a21051/?utm_source=email_hbr-editorial&utm_medium=email&utm_campaign=22-issue-2017-06-02&utm_content=text_2. (дата обращения 14.02.2019).
11. Козлов В.В. Динамика развития социально-экономических систем [Текст] // Инвестиции в России. 2018. — № 8. — С. 10–15; № 9. — С. 10–15.

12. Козлов В.В. Условия для инновационного развития сельского хозяйства и сельских территорий [Текст] // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2019 г. № 6. — С. 39–43.

References

1. Rogers, Everett (16 August 2003). *Diffusion of Innovations* [Текст] / E. Rogers — Simon and Schuster, 5th Edition. — 2003.
2. Chayanov A.V. Main ideas and methods of public agronomics. [Text] / A.V. Chayanov — M.: Prod. Narcomzem (People's Commissariat for Agriculture) "New village", 1924.
3. Smith-Lever Act (Act of May 8, 1914, ch.79, 38 Stat. 372, 7 U.S.C. 341 et seq.), Sec. 2.
4. The collection of statistiko-economic data across Russia [An electronic resource] is 1914 the access Mode: URL: <https://search.rsl.ru/record/01003527641> (date of the address 13.08.2017).
5. Lala F., Opening the organizations of future [Text] / Frédéric Lala; the lane from English V. Kulyabina; [науч. Edition. E. Golub]. — M.: Mann, Ivanov and Farber, 2016.
6. Yefimov V.M. The economic science is questionable: other methodology, history and research practitioners. Monograph [Text] / V.M. Yefimov. — M.: COURSE: INFRA-M, 2016.
7. Innovation, Agricultural Productivity and Sustainability in the United States In series: OECD Food and Agricultural Reviewsview more titles Published on November 10, 2016 — Access mode: URL: <http://www.oecd.org/publications/innovation-agricultural-productivity-and-sustainability-in-the-united-states-9789264264120-en.htm> (date of the address 26.01.2019).
8. Materials of the twentieth expert session of Coordination club of Free economic society of Russia. [Electronic resource] / Website of Free economic society of Russia. — Access mode: URL: <http://www.>

- veorus.ru/события/анонсы-мероприятий/Proceedings%20of%20the%2020th%20expert%20session_12.03.2019.pdf. (date of treatment 14.03.2019).
9. Golubev A.V., Golubeva A. A., Smolyaninova N. Ah.. Challenges and prospects of development of agro-food complex of Russia [Text] //Economy of agricultural and processing enterprises — 2018. — № 8. — P. 12–15.
 10. Guriev S. Without the market there are no innovations. [An electronic resource] // HBR-Russia — the online magazine — Access mode: URL: http://hbr-russia.ru/innovatsii/upravlenie-innovatsiyami/a21051/?utm_source=email_hbr-editorial&utm_medium=email&utm_campaign=22-issue-2017-06-02&utm_content=text_2. (date of the address 14.02.2019).
 11. Kozlov V. V. Dynamics of development of social and economic systems [Text] // Investments in Russia. 2018. — № 8. — P. 10–15; № 9. — P. 10–15.
 12. Kozlov V. V. Conditions for innovative development of agriculture and rural areas [Text] // Economics of agricultural and processing enterprises, 2019. — № 6. — P. 39–43.

Контактная информация:

Адрес: 127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49

E-mail: vek52nn@gmail.com

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ОСНОВНЫХ УСЛОВИЙ
И ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ
НА СИСТЕМУ
БЕЗОПАСНОСТИ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ**

**INVESTIGATION OF THE
MAIN CONDITIONS
AND FACTORS AFFECTING
THE LIFE SAFETY SYSTEM
OF THE POPULATION**

ПУЧКОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
Кандидат технических наук, советник
Президента ПАО «ОАК»

VLADIMIR A. PUCHKOV
PhD, Adviser to the President of PJSC UAC

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются основные условия и ключевые факторы, оказывающие влияние на систему безопасности жизнедеятельности населения на федеральном и региональном уровне. Отдельно рассматривается система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, ее сильные и слабые стороны, уделяется внимание комплексному и системному подходу деятельности в области безопасности жизнедеятельности населения. Поднимается вопрос о необходимых резервах ресурсов как финансового, так и материального характера, направляемых на эффективную ликвидацию последствий чрезвычайной ситуации различного масштаба и реализации мероприятий по финансово-социальной защите населения, находящегося в зоне бедствия. Исследуется значимость гражданской обороны как составляющей системы безопасности жизнедеятельности населения. Проанализирован ряд негативных явлений в рассматриваемой сфере. Рассмотрены принципы эффективного функционирования единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

ABSTRACT

The article is about the basic conditions and key factors that influence the life safety system of the population at the federal and regional levels. Strengths and weaknesses of the system of emergency prevention and response. Also, article concludes systematic approach to activities in the field of life safety and estimates the necessary resource reserves, both financial and material, aimed at the effective elimination of the consequences of an emergency. Its implementation of measures for the financial and social protection of the population in the disaster zone. The importance of civil defense as a component of the life safety system of the population is investigated as well as the principles of effective operation of a unified state system for the prevention and liquidation of emergencies.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Защита территории и населения, система безопасности жизнедеятельности, системный подход, резервы ресурсов, гражданская оборона.

KEY WORDS

Protection of the territory and population, life safety system, systematic approach, resource reserves, civil defense.

Обеспечение стабильного социально-экономического развития страны на долговременном горизонте планирования не представляется возможным без надежной работы системы обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, способной противостоять современным глобальным вызовам как техногенного, так и природного характера.

Как отметил Президент Российской Федерации Путин В.В.: «Необходимо активнее работать на предупреждение чрезвычайных ситуаций, а также обеспечить строжайший контроль за соблюдением противопожарных правил и иных мер безопасности на сложных технических объектах и в местах массового пребывания людей» [1].

Наличие целого спектра современных и порою плохо предсказуемых вызовов, разного вида и характера опасностей, периодически возникающих угроз чрезвычайных ситуаций, пожаров и иных бедствий требуют постоянного анализа и своевременного прогноза, необходимого для своевременной корректировки, а в ряде случаев и отдельной разработки инновационных направлений системы безопасности жизнедеятельности населения.

Исследование влияний различных условий на механизмы реализации основных задач, определяемых сферой за-

щиты территории и населения от разного рода катастроф и явлений, обусловленных как человеческим фактором, так и природным характером, требует внимательного и всестороннего рассмотрения основных глобальных тенденций, оказывающих влияние на данную область деятельности.

Как известно, Российская Федерация является самой большой по площади страной в мире, она занимает седьмую часть поверхности суши земного шара и омывается тремя океанами. Она имеет сухопутные и морские границы с восемнадцатью государствами, население страны составляет свыше ста сорока шести миллионов человек. Страна располагает мощным промышленным и энергетическим комплексом, включающим большое количество предприятий, развитую социально-экономическую систему.

Российская Федерация имеет обширную транспортную сеть, протяженность железных дорог составляет свыше восьмидесяти тысяч километров, общая длина автомобильных дорог порядка семисот пятидесяти тысяч километров. Наша страна отличается этническим и культурным многообразием, на ее территории проживают более ста девяноста народов и этнических групп.

На территории Российской Федерации функционируют более двухсот пятидесяти тысяч промышленных предприятий, предприятий топливно-энергетического комплекса и транспорта, крупных и средних около пятидесяти двух тысяч, в том числе более двадцати пяти тысяч потенциально опасных объектов [2], представляющих реальную угрозу работающему персоналу и населению.

Значительное количество потенциально опасных объектов расположено в зонах возможного катастрофиче-

ского затопления, а также в тридцатикилометровой зоне атомных электростанций [3].

Современное состояние техногенной сферы российской экономики отчасти определяется увеличением удельных мощностей различных видов, применяемых в отечественной промышленности, а также существенным ростом энергетических затрат, сконцентрированных на промышленных объектах. Это приводит к повышению вероятности риска техногенных аварий со сложно предсказуемыми последствиями. Концентрация промышленности в отдельных регионах страны, усложнение технологических процессов с использованием потенциально опасных веществ, а также несвоевременная замена устаревшего оборудования и недостаточная квалификация персонала приводят к значительным масштабам потерь как для населения, так и для экономики страны от аварий и катастроф техногенного характера. Для решения задач предупреждения и ликвидации бедствий различного характера в Российской Федерации сформированы специализированные структуры в регионах и федеральных министерствах, службах и агентствах.

Территориальные специализированные силы формируются на региональном уровне для предотвращения чрезвычайных ситуаций (ЧС) и устранения их последствий в рамках своей территориальной ответственности, в соответствии с их административно-территориальной структурой сформирован и состав подчиненных звеньев и их систем управления. Регламенты финансового и материально-технического обеспечения данных структур утверждаются руководителями ОИВ (органы исполнительной власти) субъектов РФ.

На федеральном уровне формируются структуры управления подразделениями, реализующими защитные функции

в рамках определенных им задач на курируемых ими объектах отраслей национальной экономики. Задачи координации данного вида деятельности возложены на Правительственную комиссию по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности [4].

В ОИВ на уровне субъектов РФ, равно как и на уровне местного самоуправления и объектов экономики сформированы комиссии по ЧС и обеспечению ПБ (пожарной безопасности).

Непрерывный мониторинг и обработка поступающей информации, а также ее оперативная передача на разные уровни управления оперативной информацией возложены на органы повседневного управления спасательных служб.

Реализация практических задач возложена на силы и средства постоянной готовности федеральных и региональных ОИВ, органов местного самоуправления и организаций, уполномоченных проводить мониторинг состояния окружающей среды, потенциально опасных объектов и контроля ликвидации последствий вероятных чрезвычайных ситуаций. Для эффективного оперативного реагирования на ЧС из состава сил постоянной готовности формируются силы повышенной готовности.

По результатам оценки объемов прогнозируемой ЧС (или уже произошедшей) природного и техногенного характера в пределах соответствующей конкретной территории устанавливаются режимы повседневной деятельности или повышенной готовности. При возникновении бедствий природного и техногенного характера может устанавливаться режим чрезвычайной ситуации.

Экономическое обеспечение содержания органов антикризисного управления и реагирующих подразделений единой государственной системы предупреждения и ликви-

дации ЧС выполняется в соответствии с законодательством РФ. Для решения данных задач формируются соответствующие экономические механизмы, создается экономическая инфраструктура, разрабатывается и совершенствуется нормативно-методическая база.

Отметим и существенный рост взаимодействия оперативных служб и органов повседневного управления, основанный на технологическом ускорении обмена информацией между различными уровнями управления, что обеспечивает положительную динамику эффективности оперативных действий по минимизации последствий природных бедствий и техногенных аварий.

Тем не менее, как показали последние события, принятых мер по совершенствованию системы обеспечения безопасности населения на сегодняшний день недостаточно.

Например, масштабное наводнение в Иркутской области показало своевременность информационного предупреждения на локальном уровне о надвигающемся бедствии: существенный подъем воды в 31 населенном пункте подтопил 3735 жилых домов и 32 социально значимых объекта, унес жизни 21 человека, но местные власти, получив прогнозную информацию, не приняли необходимых мер [5].

Поэтому необходимо тщательно проанализировать взаимодействие служб на локальном уровне и своевременно внести соответствующие корректировки как в ряд установленных ранее приоритетов в реализации превентивных мероприятий, проводимых с целью минимизации рисков и уменьшения последствий пожарных, природных, техногенных и биолого-социальных катастроф, так и в действующие регламенты.

Как показывает сложившаяся практика, расходы на реализацию подобных мер предупреждения вероятных бедствий

значительно меньше затрат на ликвидацию уже состоявшихся чрезвычайных ситуаций, пожаров и иных бедствий. В пример можно привести затраты в системе энергосбережения, где расходы, направленные на экономию энергии, как тепловой, так и электрической, обычно в пять-шесть раз меньше, чем расходы по ее производству.

Таким образом, предварительный анализ эффективной работы системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций показывает, что при реализации государственной политики в данной области недостаточно уделяется внимания комплексному и системному подходу к обеспечению безопасности жизнедеятельности населения.

Недостаточно системно организуется работа в области обеспечения пожарной безопасности, защиты жизни и здоровья населения от вероятных бедствий на территории страны. В зонах бедствий и ЧС наблюдается сложная обстановка, отмечаются случаи загрязнения и заражения жилых домов и сооружений, вызванные высокими температурами объектов горения и задымления, наличие химически и биологически опасных веществ, своевременно не вывезенных из зоны ЧС, осложняет мероприятия по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации.

В связи с этим приходится отметить, что пока еще недостаточно эффективны организационные, материальные, экономические и другие условия для первоочередной реализации предупредительных, профилактических мер, направленных на комплексное системное снижение природных, техногенных, пожарных и биолого-социальных рисков.

Не в полной мере уделяется внимание комплексному системному подходу к управлению рисками в области

обеспечения безопасности жизнедеятельности населения как на стадии предупреждения чрезвычайной ситуации, так и при ее проявлении.

Необходимо ускорить внедрение в деятельность органов антикризисного управления современных информационных технологий, обеспечивающих работу с большими базами информационных данных (Big date), что потребует мероприятий по переподготовке большого количества управленческого и обслуживающего звена спасательных служб.

Отмечу и объективную проблему своевременного обеспечения пожарно-спасательных и других специализированных спасательных служб современной инновационной техникой и технологиями, оборудованием и снаряжением, где имеется ряд актуальных проблем, в том числе и финансового характера, а применение морально устаревшей, с высокой степенью физического и амортизационного износа, вызывает, как показывает практика, необходимость дополнительных непродуктивных финансовых затрат.

Таким образом, назрела необходимость разработки новых методов экономического обеспечения основного функционала безопасности жизнедеятельности в рамках реализации комплексных мер по предупреждению и ликвидации ЧС, пожаров и иных бедствий, которые должны коррелироваться с реализуемыми национальными проектами и разрабатываемой стратегией социально-экономического развития Российской Федерации.

Рассмотрим важную составляющую структуры обеспечения безопасности жизнедеятельности населения как сложившуюся систему гражданской обороны, располагающей существенными материальными, техническими и человеческими ресурсами, которые активно привлекаются для обе-

спечения своевременного решения задач предупреждения различных крупномасштабных бедствий [6].

Совершенствование организации и ведения гражданской обороны базируется на проработанной законодательной основе для максимально адекватного реагирования на возникающие вызовы, способствует концепции повышения эффективности защиты населения и обеспечения безопасности жизнедеятельности населения.

Если в начале девяностых годов прошедшего века к понятию гражданской обороны проявлялся определенный скепсис, то сегодня можно с уверенностью отметить его преодоление и появление уверенной востребованности и социально ориентированной направленности комплекса мероприятий гражданской обороны на смысловое расширение обеспечения безопасности жизнедеятельности населения.

Данное направление органично входит в систему национальной безопасности Российской Федерации, и ее основным направлением развития становится дифференцированная, с учетом имеющихся сопутствующих рисков, системная защита как в мирное, так и в военное время. Сравнительно недавно в отечественной практике впервые на законодательном уровне были закреплены принципы управления гражданской обороной как составного элемента действующей системы государственного управления Российской Федерации [16].

В рамках совершенствования данного направления продолжается работа по уточнению основных приоритетов дальнейшего развития гражданской обороны в Российской Федерации и формирования на ее основе современных систем безопасности жизнедеятельности населения.

Тем не менее особое внимание необходимо уделить совершенствованию законодательной и нормативной правовой

базы гражданской обороны, уточнив комплекс мероприятий по повышению готовности органов ее управления с учетом новых выявленных угроз безопасности жизнедеятельности населения.

Отмечу ряд положительных организационных изменений.

В рамках консолидации управления федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в области защиты населения и территорий сформирована единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Создание данной системы базировалось на ряде принципов.

Перечислим их:

- правовая обусловленность деятельности системы и соответствие структуры государственному устройству Российской Федерации и решаемым задачам;
- дифференцированный подход к организации и проведению мероприятий по защите населения;
- взаимная ответственность и соблюдение триединого баланса интересов личности, общества и государства в области безопасности жизнедеятельности;
- осуществление деятельности на основе приоритетов, обеспечивающих создание оптимальных условий социально-экономического развития страны;
- согласованность основных мероприятий с усилиями, предпринимаемыми в других областях национальной безопасности;
- интеграция с международными системами и организациями, наделенными функциями в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций.

Необходимо отметить, что данная система развивается с учетом вновь выявляемых различных опасностей и угроз, благодаря ее слаженной деятельности постепенно сокращается количество аварий, пожаров, других чрезвычайных ситуаций на территории нашей страны. Функциональные подсистемы создаются практически во всех федеральных органах исполнительной власти.

Территориальные подсистемы надежно работают на региональном уровне — сформированы соответствующие оперативные структуры управления в виде центров управления в кризисных ситуациях, реагирующих пожарно-спасательных и других подразделений, финансовых, материальных и иных ресурсов для реализации полномочий в области защиты населения и территорий от бедствий [8].

Государственные корпорации и крупные объекты экономики также имеют соответствующие структуры, которые профессионально занимаются вопросами безопасности жизнедеятельности, утверждая внутренние стандарты, например стандарт компании ПАО «Газпром», который определяет и нормирует размер и структуру запасов и резервов материально-технических ресурсов, направляемых на ликвидацию вероятных последствий чрезвычайных ситуаций различного характера на объектах компании [9].

Созданные спасательные службы как на федеральном, так и на региональном уровне способны эффективно реагировать на все опасности и угрозы различного характера, обладают численностью свыше пятидесяти тысяч человек подготовленного личного состава, способного выполнить поставленные задачи на основе современных спасательных технологий [10].

Статистика фиксирует тысячи спасаемых человек ежегодно от различного рода аварий и катастроф, пожаров, ДТП и других бедствий [11].

Тем не менее, при общем снижении числа всего количества чрезвычайных ситуаций и других бедствий, отмечается рост крупномасштабных ЧС природного характера, особенно на Дальнем Востоке [12].

Поэтому в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций разрабатываются новые методы защиты важных объектов экономики и населенных пунктов от природных пожаров. Уменьшается временной интервал реагирования на ЧС, пожары и иные бедствия.

Отработана система финансовой помощи из федерального бюджета за счет резервного фонда пострадавшим субъектам Российской Федерации, направляемой в основном на выплаты пострадавшим от бедствий материальной помощи и компенсации за утраченное имущество. Новым жильем обеспечиваются семьи, которые остаются без крова. Организуется строительство новых домов и квартир, объектов социальной сферы и коммунального хозяйства, пострадавшего в результате природного или техногенного бедствия.

Различные техногенные и природные ЧС, особенно крупного масштаба, природные пожары и другие иные бедствия требуют координации различных уровней управления, пожарно-спасательных частей и иных необходимых подразделений. Особенно такие происшествия, как возгорания, в психоневрологических диспансерах, происшествия, вызванные возникновением смерчей и нагонных волн, природные пожары и пожары, вызванные человече-

ским фактором. При этом каждые вторые сутки в стране вводится федеральный режим реагирования.

Отдельного изучения с точки зрения анализа накопленного опыта и его дальнейшего применения требует спасательная операция на Дальнем Востоке, когда на основании своевременного и достоверного прогноза о надвигающейся чрезвычайной ситуации решением рабочей группы Правительственной комиссии по чрезвычайным ситуациям в регионах Дальнего Востока был введен соответствующий режим, что позволило начать упреждающее полномасштабное реагирование.

Руководством страны своевременно принимались необходимые решения в этой сложной ситуации. Рабочие группы во главе с федеральными руководителями были направлены в регионы и с первых дней работали на локальном уровне, своевременно предпринимая необходимые действия по минимизации и ликвидации последствий чрезвычайной ситуации.

Значительная концентрация всех видов необходимых ресурсов (порядка сорока тысяч человек и сконцентрированная группа специальной техники порядка семи с половиной тысяч единиц) позволила провести крупномасштабные аварийно-спасательные и позже необходимые восстановительные работы, существенно минимизировав ущерб. По решению руководства страны помощь получили все пострадавшие регионы [13].

Эта и другие крупномасштабные спасательные операции, проведенные в последние годы, доказывают возрастающие возможности страны сосредотачивать и своевременно мобилизовать в короткие сроки необходимые ресурсы для ликвидации вероятных последствий.

Необходимо также положительно отметить постепенно выстраиваемую долговременную работу по системному мо-

ниторингу и прогнозированию ЧС, пожаров и иных бедствий, включая такие непростые элементы, как лабораторный контроль и космическое наблюдение в рамках спутниковой группировки РФ и зарубежных партнеров. Кроме того, необходимо подчеркнуть положительные результаты проводимой плановой работы по масштабному использованию спасательными службами преимуществ системы ГЛОНАСС.

Пилотные проекты мониторинга, определяющего степень защищенности ключевых критически важных объектов (порядка пяти тысяч единиц), включая объекты инфраструктуры и жизнеобеспечения, не только находятся в стадии активного развития, но и постепенно охватывают все большее количество наблюдаемых объектов.

Динамично развивается федеральная система сейсмических наблюдений на Дальнем Востоке нашей страны. Постепенно модернизируется система предупреждения о возникновении цунами на Сахалине и Камчатке. С учетом вышеперечисленного можно отметить, что достоверность прогноза наступления вероятной чрезвычайной ситуации повышается.

Отработка и применение некоторых современных подходов при подготовке и непосредственном системном обеспечении природно-техногенной безопасности в период проведения XXII зимних Олимпийских игр и последующих за ними XI зимних Паралимпийских игр (г. Сочи, 2014 г.), а также проведения не менее знакового события для нашей страны — мирового футбольного чемпионата (2018 г.) и иных спортивных мероприятий — показали свою высокую эффективность [14].

Продолжается реализация государственных федеральных целевых программ в области совершенствования системы обеспечения безопасности, в рамках которых осуществля-

ется внедрение инновационных подходов по снижению рисков и смягчению последствий вероятных чрезвычайных ситуаций, пожаров и иных бедствий, а также по преодолению долговременных последствий радиационных аварий.

Выполняются работы по развитию и совершенствованию инновационных технических средств и современных технологий защиты как населения и территорий от вероятных бедствий, так и непосредственно технологий защиты самих сотрудников служб спасения.

Отмечу важнейшее и всегда актуальное направление в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения — целевая и планомерная разъяснительно-образовательная работа с детским и юношеским возрастом [15]. Под эгидой единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в стране активно действуют более двухсот пятидесяти кадетских классов, корпусов, школ, причем на обучение принимаются в первую очередь дети-сироты. Кроме этого, ведется работа по созданию подобных структур в регионах страны.

Вместе с тем анализ показывает, что по-прежнему значительные опасности и угрозы представляют техногенные, природные и лесные пожары, тяжелые дорожно-транспортные катастрофы, авиакатастрофы, взрывы бытового газа, аварии на потенциально опасных объектах с загрязнениями воды, почвы, воздуха и другие бедствия с тяжелыми последствиями. Сложная обстановка, разноплановые последствия чрезвычайных ситуаций, особенности регионов, подтопления значительных территорий городов, населенных пунктов и социальной инфраструктуры, наличие потерь на территориях сопредельных государств и другие проблемы определяют трудности и особенности профилактики, предупреждения бедствий.

Отмечу ряд существенных недостатков в данной области.

На региональном уровне отмечается несвоевременность выполнения специальных мероприятий по укреплению имеющихся и строительству новых дамб, эффективной инженерной защите объектов энергетики и ЖКХ, что приводит к необходимости оперативного и неотлагательного решения возникающих проблем, связанных с техногенными авариями.

Усложненная процедура предоставления финансовой помощи пострадавшему населению, требующей документов, не всегда оформленных у большинства граждан, пострадавших в чрезвычайной ситуации, например — своевременной регистрации собственности, что требует дополнительного времени оказания необходимой помощи. Возможно, проанализировав сложившуюся практику, упростить данную процедуру предоставления финансовой помощи.

К сожалению, не редки случаи, когда на первом этапе наступления чрезвычайной ситуации социальные службы не уделяют должного внимания адресной работе с населением, пострадавшим в ЧС, а отсутствие планомерной поддержки и контроля за социальной помощью и питанием излишне накаляет и политизирует и без того непростую социальную обстановку в регионе чрезвычайной ситуации.

Отмечу и недостаточность своевременного планирования взаимодействия служб жизнеобеспечения населения на локальном уровне, что усложняет совместную работу спасателей, медицинских и полицейских служб.

Вполне своевременно поставить вопрос о пересмотре и корректировке необходимых резервов формируемых ресурсов как финансового, так и материального характера, направляемых на эффективную ликвидацию последствий чрезвычайной ситуации различного масштаба и реализации

мероприятий по финансово-социальной защите населения, находящегося в зоне бедствия.

В этой связи необходимо продолжить совершенствование плановых мероприятий по наращиванию потенциала государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, пожаров и иных бедствий, что позволит более эффективно проводить крупномасштабные спасательные операции в зонах природных катаклизмов и сложных, техногенных пожаров, катастроф как в регионах Российской Федерации, так и за рубежом в рамках гуманитарного сотрудничества. Отмечу также, что авторитет России в области международного сотрудничества базируется на оперативности принятия решений, скорости эффективного реагирования и профессиональном управлении в решении вопросов поставок гуманитарной помощи.

Актуальной остается и реализация новых подходов в профилактике бедствий путем внедрения системы независимой оценки сопутствующих рисков, декларирования аудита безопасности объектов и других новых форм минимизации последствий вероятных бедствий, включая вопросы страхования объектов от последствий чрезвычайных ситуаций, снижение времени реагирования на происходящие события, повышение эффективности взаимодействия всех служб реагирования в целях оказания необходимой своевременной помощи населению.

В рамках дальнейшей модернизации системы управления планируется продолжить поэтапное внедрение субъектами Российской Федерации единого телефона экстренных оперативных вызовов, их обработку и своевременную передачу соответствующим реагирующим пожарно-спасательным и аварийно-спасательным подразделениям на локальном

уровне субъектов Российской Федерации, а также проведение других мероприятий по снижению возникающих рисков.

Представляется целесообразным в рамках национальных проектов в полном объеме предусматривать вопросы финансирования безопасности жизнедеятельности населения на качественно новом современном уровне, внедрять новые инновационные подходы по профилактике, предупреждению бедствий, а также совершенствовать систему вызова экстренных оперативных служб по единому номеру пожарных и спасателей 01 (101) в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях.

Выполнение данных мероприятий обеспечит создание условий для инновационного обновления и совершенствования системы комплексной безопасности жизнедеятельности населения как на федеральном, так и на региональном уровне, что будет способствовать планомерному развитию национальной экономики, минимизируя риски возникновения непредвиденных чрезвычайных ситуаций.

Библиографический список

1. Встреча с главой МЧС. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52956>
2. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2018.
3. ГОСТ Р 22.0.10-96. Безопасность в чрезвычайных ситуациях.
4. МЧС России. https://www.mchs.gov.ru/ministry/comissions/Pravitelstvennaja_komissija_po_preduprez.
5. Сибирский потоп. Профиль. № 7. 2019.
6. ГОСТ Р 42.0.02-2001. Гражданская оборона. Термины и определения основных понятий <http://docs.cntd.ru/document/1200025997>.
7. О гражданской обороне. https://www.mchs.gov.ru/dop/God_grazhdanskoj_oborony/Istoriya_GO.

8. Пучков В.А., Фалеев М.И., Агеев С.В. и др. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты / Под общей редакцией Н.А. Махутова. Сер. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Том 2. Безопасность и защищенность критически важных объектов. Часть 1. Научные основы безопасности и защищенности критически важных для национальной безопасности объектов. Москва, 2012.
9. СТО Газпром 032-2007. <http://pzhproekt.ru/nsis/Rd/sto/sto-gazprom/sto-gazprom-032-2007.htm>.
10. Стенограмма обсуждения основных итогов работы МЧС России за 9 месяцев 2013 г., состоявшегося 16 октября 2013 г. в Государственной Думе Федерального собрания РФ в рамках «правительственного часа». <https://gigabaza.ru/doc/109812.html>.
11. Информационно-аналитический бюллетень за 2018 г. http://www.mchs.gov.ru/upload/site1/document_file/KkgL7B4oAa.pdf.
12. Риски Дальнего Востока: землетрясения, цунами и ураганы. <http://earth-chronicles.ru/news/2016-01-22-88248>.
13. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2013 году». МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2014.
14. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2018 году». МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2019.
15. Пучков В.А. Основные направления развития Всероссийского детско-юношеского движения «Школа безопасности». Рекомендации по обучению и подготовке учащихся образовательных учреждений основам безопасности жизнедеятельности. Сборник материалов Всероссийского семинара по проблемам детско-юношеского движения «Школа безопасности», 3 июня 1999 г. М.: ДГЗ МЧС России, 1999.

16. О гражданской обороне. https://www.mchs.gov.ru/dop/God_grazhdanskoj_oborony/Istoriya_GO (дата обращения: 10.04.2019).

References

1. Vstrecha s glavoy MChS. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52956>.
2. Rossiya v tsifrakh. 2018: Krat. stat. sb. / Rosstat — М. 2018.
3. GOST R 22.0.10-96. Bezopasnost v chrezvychaynykh situatsiyakh.
4. MChS Rossii. [tps://www.mchs.gov.ru/ministry/comissions/Pravitelstvennaja_komissija_po_preduprez](https://www.mchs.gov.ru/ministry/comissions/Pravitelstvennaja_komissija_po_preduprez).
5. Sibirskiy potop. Profil. № 7. 2019.
6. GOST R 42.0.02-2001 Grazhdanskaya oborona. Terminy i opredeleniya osnovnykh ponyatiy <http://docs.cntd.ru/document/1200025997>.
7. О гражданской обороне. https://www.mchs.gov.ru/dop/God_grazhdanskoj_oborony/Istoriya_GO.
8. Puchkov V.A., Faleyev M.I., Ageyev S.V. i dr. Bezopasnost Rossii. Pravovyye, sotsialno-ekonomicheskiye i nauchno-tehnicheskiye aspekty. / Pod obshchey redaktsiyey N.A. Makhutova. Ser. Bezopasnost Rossii. Pravovyye, sotsialno-ekonomicheskiye i nauchno-tehnicheskiye aspekty. Tom 2. Bezopasnost i zashchishchennost kriticheski vazhnykh obyektov. Chast 1. Nauchnyye osnovy bezopasnosti i zashchishchennosti kriticheski vazhnykh dlya natsionalnoy bezopasnosti obyektov. Moskva. 2012.
9. STO Gazprom 032-2007. <http://pzhproekt.ru/nsis/Rd/sto/sto-gazprom/sto-gazprom-032-2007.htm>.
10. Stenogramma obsuzhdeniya osnovnykh itogov raboty MChS Rossii za 9 mesyatsev 2013 g. sostoyavshegosya 16 oktyabrya 2013 g. v Gosudarstvennoy Dume Federalnogo sobraniya RF v ramkakh «pravitelstvennogo chasa». <https://gigabaza.ru/doc/109812.html>.
11. Informatsionno-analiticheskiy byulleten za 2018 g. http://www.mchs.gov.ru/upload/site1/document_file/KkgL7B4oAa.pdf.

12. Riski Dalnego Vostoka: zemletryaseniya, tsunami i uragany. <http://earth-chronicles.ru/news/2016-01-22-88248>.
13. Gosudarstvennyy doklad «O sostoyanii zashchity naseleniya i territoriy Rossiyskoy Federatsii ot chrezvychaynykh situatsiy prirodno-go i tekhnogennogo kharaktera v 2013 godu». MChS Rossii. M.: FGBU VNII GOChS (FTs). 2014.
14. Gosudarstvennyy doklad «O sostoyanii zashchity naseleniya i territoriy Rossiyskoy Federatsii ot chrezvychaynykh situatsiy prirodno-go i tekhnogennogo kharaktera v 2018 godu». MChS Rossii. M.: FGBU VNII GOChS (FTs). 2019.
15. Puchkov V.A. Osnovnyye napravleniya razvitiya Vserossiyskogo detsko-yunosheskogo dvizheniya «Shkola bezopasnosti» Rekomendatsii po obucheniyu i podgotovki uchashchikhsya obrazovatelnykh uchrezhdeniy osnovam bezopasnosti zhiznedeyatelnosti. Sbornik materialov Vse-rossiyskogo seminaru po problemam detsko-yunosheskogo dvizheniya «Shkola bezopasnosti», 3 iyunya 1999 g. M.: DGZ MChS Rossii. 1999.
16. O grazhdanskoj oborone. [https://www.mchs.gov.ru/dop/God_grazhdanskoj_oborony/ Istoriya_GO](https://www.mchs.gov.ru/dop/God_grazhdanskoj_oborony/Istoriya_GO) (data obrashcheniya: 10.04.2019).

Контактная информация

Публичное акционерное общество «ОАК»

Россия, 115054, Москва, улица Большая Пионерская, д. 1

The Public Joint Stock Company UAC

Russia, 115054, Moscow, Bolshaya Pionerskaya str., 1

E-mail: Vladimir.a.puchkov@gmail.com

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
СТРАТЕГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АПК

SCIENTIFIC
BASES OF STATE
REGULATION
OF FOREIGN
ECONOMIC ACTIVITY
OF AGRO-INDUSTRIAL
COMPLEX STRATEGY
FORMATION

УСЕНКО ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА

Член Президиума ВЭО России, член Ревизионной комиссии Международного Союза экономистов, председатель Ростовского регионального отделения ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор

LYUDMILA N. USENKO

Member of the VEO Presidium of Russia, Member of the Audit Commission of the International Union of Economists, Chairman of the Rostov Regional Branch of the VEO of Russia, Scientific director of the Rostov State Economic University, Head of the Department of Analysis of Economic Activity and Forecasting, Honored Scientist of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

ТАРАСОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Директор ВНИИЭН-филиал ФГБНУ Федеральный ростовский аграрный научный центр, к.э.н., доцент, почетный работник науки и техники РФ

ALEKSANDER N. TARASOV

Director of VNIIEB branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Rostov Agrarian Scientific Center, Ph.D., associate professor, honorary worker of science and technology of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются направления государственного регулирования внешнеэкономической деятельности АПК в условиях экономических санкций и продовольственного эмбарго. Установлены отраслевые факторы, влияющие на агропродовольственный комплекс. Проведен анализ современных условий и долговременных мировых политико-экономических тенденций, а также оценка сценария развития российской экономики и ее аграрного сектора. Сделан вывод о том, что для России оптимальными являются сценарии регионализации, так как они в наибольшей степени минимизируют возможные экономические потери страны в рамках текущих тенденций развития мировой экономики.

ABSTRACT

The article discusses the directions of state regulation of foreign economic activity of agro-industrial complex in the context of economic sanctions and food embargo. The industry factors affecting the agri-food industry are identified. The analysis of current conditions and long-term global political and economic trends, as well as the assessment of the development scenario of the Russian economy and its agricultural sector is carried out. It is concluded that regionalization scenarios are optimal for Russia, since they minimize the possible economic losses of the country to the greatest extent within the current trends in the development of the global economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Аграрный сектор, экономические санкции, продовольственное эмбарго, импортозамещение, санкционная политика, регионализация.

KEY WORDS

Agricultural sector, economic sanctions, food embargo, import substitution, sanctions policy, regionalization.

Присоединение Крыма и военно-политический кризис на Востоке Украины стали поводом для введения ведущими западными странами экономических санкций против Российской Федерации. Силовое использование экономических инструментов для достижения внешнеполитических целей не осталось без ответа. В начале августа 2014 года Правительство России ввело запрет на импорт продовольствия из стран, поддержавших санкционную политику в отношении российских юридических и физических лиц. Продуктовое эмбарго затронуло такие группы продовольственных товаров, как мясо сельскохозяйственных животных и птицы, продуктов их переработки, молока и молочных продуктов, аквакультуры, а также овощи и фрукты, орехи.

Выбор Правительством агропродовольствия в качестве объекта ответных запретительных торговых мер, очевидно, был связан с тем, что российское сельское хозяйство в период с 1999 по 2013 год (исключая 2003 г., 2010 г. и 2012 г.) демонстрировало высокую динамику экономического роста. За этот период времени среднегодовые темпы производства продукции сельского хозяйства росли на 4,6%. Более чем десятилетняя повышательная волна экономического роста в сельском хозяйстве давала надежду на относительно безболезненный переход к импортозамещению в производстве аграрной продукции и продуктов питания.

Продуктовое эмбарго, как ответная мера на введение экономических санкций и как экономический инструмент достижения политических и экономических целей, вероятно, было выбрано еще и потому, что продовольствие является одной из основных товарных групп, импортируемых из стран, объявивших о введении экономических ограничений в отношении Российской Федерации. За 2013 г. по данным Феде-

ральной таможенной службы России, импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья достиг своего максимума, начиная с 2008 года, и составил 43 255 млн долл. США. Введение продовольственного эмбарго существенным образом могло сказаться на состоянии экономик Европейского союза, как основного поставщика продовольствия в Россию. Как и ожидалось, взаимные торговые ограничения привели к взаимным торговым потерям. По данным Минэкономразвития России экономический ущерб, нанесенный санкциями экономике страны, составил 6,3 млрд долл. Сумма ущерба для западных экспортеров, из-за ограничений на российских рынках, составила около 5 млрд долл., из них: Европейский союз — 2,4 млрд долл.; США — 1,1 млрд долл.; Турция — 713 млн долл.; Украина — 775 млн долл. С учетом потерь других западных стран можно говорить о паритетности понесенных всеми участниками санкционной и заградительной внешнеэкономической политики экономических потерь. При этом совокупные экономические потери основного западного торгового партнера России — Европейского союза — в два раза больше потерь российской экономики [1].

Наши исследования, проведенные в 2014–2015 гг. позволили установить отраслевые факторы, которые будут определяющими условиями работы агропромышленного комплекса за первые 4–7 лет действия экономических санкций и продовольственного эмбарго [2]. Предполагалось, что введенные в рамках санкционного режима ограничения на доступ российских компаний и банков к западным товарным и финансовым рынкам могут негативно сказаться на доступности для агропредприятий финансовых ресурсов. В целом по экономике поквартальная инвестиционная активность за 2018 год имела неравномерную динамику [3]. По итогам 2018 года только

40,4% сельхозорганизаций получили краткосрочные кредиты и 4,4% — инвестиционные кредиты [4]. Доля крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей, получивших кредиты в общей численности фермеров и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в 2018 году сельскохозяйственную деятельность, составила: краткосрочные кредиты — 4,1%; инвестиционные кредиты — 1,2% [4].

В наших исследованиях 2014–2015 гг. прогнозировался риск ухудшения доступа на внешние рынки для российских экспортеров агропродовольствия. Как свидетельствуют данные ФТС России, в 2015 г. и 2016 г. российский экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья сократился по сравнению с 2014 годом на 14,6% и 10,1% соответственно. Только начиная с 2017 года экспорт аграрной продукции и продуктов питания увеличился по сравнению с 2014 годом на 9,1%, в 2018 году — на 31,1%. После падения объемов импорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья в 2014–2016 годах на 37,4% в 2017–2018 годах наметилась тенденция роста импортных поставок продовольствия и продукции сельского хозяйства. По сравнению с 2016 годом агропродовольственный импорт вырос на 15,1% и на 18,4% соответственно. Однако внешнеторговое сальдо продолжает оставаться отрицательным, но его величина в 2018 году по сравнению с 2014 годом уменьшилась в 4,4 раза и составила 4748 млн долл. США.

Прогнозные исследования 2014–2015 гг. давали позитивную оценку таким факторам, влияющим на агропродовольственный комплекс, как рост цен и государственная поддержка сельскохозяйственных товаропроизводителей.

На протяжении всего исследуемого периода рост цен на продовольственные товары имел повышательную тенденцию. По данным Минэкономразвития России только в декабре

2018 года цены в этом товарном сегменте потребительского рынка выросли на 1,7%, в январе 2019 г. — на 1,3% [4]. Сельскохозяйственные цены также имели тенденцию к росту по отдельным видам продукции и сельского хозяйства. Так, например, закупочные цены на сырое молоко в Российской Федерации за 2014–2017 гг. выросли на 23,2%. В целом индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции по данным Росстата за исследуемый период имел тенденцию к снижению: 2014 г. — (+) 8,3%; 2015 г. — (+) 13,5%; 2016 г. — (+) 3,6%; 2017 г. — (+) 1,6%. И только начиная со второго квартала 2018 года цены производителей сельскохозяйственной продукции стали расти, и в декабре их рост составил 3,1%, в том числе в растениеводстве — 103,6%, в животноводстве — 102,9% [5].

В течение 2014–2018 годов государственная поддержка сельскохозяйственных производителей отличалась стабильностью, и ее увеличение наряду с другими факторами способствовало стабильному экономическому росту в российском сельском хозяйстве. По данным Росстата, рост производства сельскохозяйственной продукции в 2014 году составил 109,7%, в 2015 г. — 102,4%, в 2016 г. — 115,6%, в 2017 г. — 107,2%. И только в 2018 г. динамика производства продукции в действующих ценах составила 99,4%, тогда как в 2017 г. — 103,1% [5].

Экономический рост в сельском хозяйстве России, наблюдавшийся с 1999 года, преобразил сельскохозяйственное производство, вернул его в число важнейших секторов экономики Российской Федерации. По итогам 2017 года доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте страны увеличилась до 4,36% с 3,87% в 2014 году, в инвестициях — до 4,1% (3,7% — 2014 г.), в российском экспорте — до 6,0% (3,8% — 2014 г.).

Оценивая сценарии развития российской экономики и ее аграрного сектора в условиях санкционного давления

и внешнеторговых ограничений, было сделано предположение о том, что волна импортозамещения может привести к росту производства в агропродовольственном комплексе народного хозяйства в течение первых двух лет на 4–6% и в последующие 3–5 лет — на 3–5% [2]. Анализ данных Росстата [5] показал, что в 2015–2016 годах среднегодовой рост производства в российском сельском хозяйстве составил практически 9%, а в 2017–2018 гг. — 3,3%. В 2017 году завершился 18-летний период, в течение которого шло восстановление объемов сельскохозяйственного производства до уровня 1990 года. В 2018 году за всю постсоветскую историю России стоимость валовой продукции сельского хозяйства превысила уровень 1990 года на 2,1% [4].

Рост в сельском хозяйстве позволил Российской Федерации к началу 2018 года практически по всем видам продовольствия достигнуть пороговых значений удельного веса отечественной продукции в ресурсах внутреннего рынка. По данным Министерства сельского хозяйства России удельный вес зерна российского производства достиг 99% (пороговое значение, установленное «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации» — 95%) [6], сахар (из сахарной свеклы) — 94,6% (пороговое значение — 80%), масло растительное — 84,4% (пороговое значение — 80%), картофель — 97,0 (пороговое значение — 95%), мясо и мясопродукты — 90,4% (пороговое значение — 90%), молоко и молокопродукты — 82,4% (пороговое значение — 85,0%). Пороговые значения по молоку и молокопродуктам не достигнуты, а по мясу и мясопродуктам незначительно превышены, также уровень производства в животноводстве остается еще ниже уровня 1990 года. В 2017 году валовая продукция животноводства достигла 62% уровня 1990 года.

Отечественное сельское хозяйство существенно зависит сегодня от импорта технологий, что на фоне ужесточения санкционной политики Запада создает научно-технологические риски для продовольственной безопасности страны. Так, по данным статистики, в период с 2005 по 2017 год включительно импорт технологий сельскохозяйственного назначения был произведен по 137 соглашениям на сумму 318,4 млн долл. США, тогда как экспорт российских технологий был проведен по 39 соглашениям на сумму 36 млн долл. США. По заключенным соглашениям российские импортеры выплатили 43,8 млн долл. США лицензионных вознаграждений.

Следует отметить, что технологическая импортозависимость усугубляется общим низким уровнем осуществления инноваций в российском АПК. По данным Росстата удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в 2017 году, в общем числе обследованных организаций по Российской Федерации по видам экономической деятельности составил: выращивание однолетних культур — 3,9%; выращивание многолетних культур — 2,6%; выращивание рассады — 2,1%; животноводство — 2,9%; деятельность вспомогательная в области производства сельскохозяйственных культур и послеуборочной обработки сельхозпродукции — 2,1%, производство пищевых продуктов — 10,8%, производство напитков — 9,0%. Низкая инновационная активность в сельском хозяйстве по результатам наших исследований объясняется невысокой платежеспособностью большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей, отсутствием отраслевых институтов стимулирования и внедрения инноваций, рентно-ориентированным поведением собственников и топ-менеджмента сельскохозяйственных организаций, отсутствием института(ов) координации научно-исследова-

тельской и инновационной деятельности исследовательских, образовательных организаций и учреждений, фондов, ведущих аграрные исследования и разработки.

Отмеченные выше реакции агропромышленного комплекса России на западные санкции происходили и происходят на фоне адаптации российской экономики к условиям меняющегося мира, которые стали стремительно развиваться после мирового кризиса 2008–2009 годов.

Результаты нашего анализа современных условий и долговременных мировых политико-экономических тенденций [7, 8] позволили выделить целый ряд факторов, формирующих новую модель политико-экономического развития.

После 2008–2009 гг. происходят быстрые сдвиги в соотношении военно-политических и экономических сил мировых и региональных держав, что определило тенденцию регионализации мировой политики и мировой экономики. При этом процессы деглобализации в экономике поддерживаются и обострением глобальной конкуренции и соперничества, а также локализацией производства товаров на основе цифровизации, усилением националистических и авторитарных тенденций по всему миру.

То замедляясь, то ускоряясь, идут процессы формирования новых геополитических и геоэкономических мировых центров, которые включают в свою орбиту как действующие региональные политико-экономические союзы, так и вновь создаваемые региональные политические и экономические союзы. Прогнозные сценарии развития мировой экономики и мировой торговли, составленные и рассчитанные на период до 2030 года в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН [7, с. 47–50], свидетельствуют о том, что для России оптимальными являются сценарии регионализации

(сценарии 2, 3), так как они в наибольшей степени минимизируют возможные экономические потери страны в рамках текущих тенденций развития мировой экономики. В области обеспечения продовольственной безопасности регионализация межгосударственных торгово-экономических отношений для стран, имеющих по большинству контролируемых групп продуктов питания уровень продовольственной независимости существенно ниже пороговых значений, также является относительно более выгодным сценарием развития мировой экономики и торговли. Наши исследования, проведенные во Всероссийском НИИ экономики и нормативов, подтверждают этот вывод. Исследуя интеграционные эффекты в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), страны-участники которого пока не достигли пороговых значений продовольственной безопасности, нами была проведена проверка гипотезы конвергенции в экономике. Понижающаяся динамика коэффициента вариации добавленной стоимости сельского хозяйства в странах ЕАЭС свидетельствует о наличии эффекта конвергенции в процессе интеграции аграрных секторов экономик стран Евразийского экономического союза (см. рис.), который существенно повлиял на динамику производства сельскохозяйственной продукции в странах — членах ЕАЭС. По расчетам ВНИИЭиН индекс производства продукции сельского хозяйства за 2010–2017 гг. в Армении вырос с 108,9 до 129,2%, в Белоруссии — с 106,2 до 125,9%, в Казахстане — с 108,0 до 125,5%, в Кыргызстане — с 99,3 до 112,2%, в России — с 102,4% в 2010 году до 122,4% в 2017 году. Наибольший эффект конвергенции в агропродовольственном комплексе был достигнут в аграрной торговле среди таких стран, как Армения — Казахстан; Армения — Россия; Беларусь — Россия; Казахстан — Россия (см. табл.).

Таблица

Оценка эффектов конвергенции в сельском хозяйстве стран — членов ЕАЭС на основе коэффициента вариации, добавленной стоимости, %

Год	ЕАЭС	Армения — Беларусь	Армения — Казахстан	Армения — Кыргызстан	Армения — Россия	Беларусь — Казахстан	Беларусь — Кыргызстан	Беларусь — Россия	Казахстан — Кыргызстан	Казахстан — Россия	Кыргызстан — Россия
2010	192,8	132,3	123,4	0,6	140,7	48,1	132,2	120,2	123,3	130,6	140,6
2011	187,3	84,5	51,5	107,5	135,6	42,2	132,0	119,8	124,5	129,3	140,6
2012	184,4	94,8	55,2	102,5	136,0	53,6	132,8	115,9	122,9	129,4	140,5
2013	184,3	93,7	61,6	106,1	136,1	45,1	133,4	116,8	126,4	128,2	140,6
2014	183,7	94,5	45,2	108,1	135,6	62,6	134,1	114,4	123,2	130,3	140,6
2015	184,4	91,4	47,6	105,4	135,5	56,0	132,8	115,9	122,3	129,8	140,5
2016	183,5	91,2	44,0	107,6	135,3	59,1	133,4	115,0	122,6	129,9	140,6
2017	183,6	86,8	39,4	109,0	134,8	57,2	132,9	115,6	122,2	129,9	140,5
Темп изменения, %/год	-1,042	0,011	-2,813	3,265	-0,234	2,653	0,539	-0,968	0,213	-0,065	0,005

Источник: Данные ВНИИЭИН — филиал ФГБНУ ФРАНЦ.

Рисунок. Динамика значений коэффициента вариации показателя добавленной стоимости сельского хозяйства стран — участниц ЕАЭС

Результаты политологических исследований и экономических прогнозов формируют тенденцию перемещения центра мировой экономики в Восточное полушарие с формированием «Большой Евразии» [8, с. 9]. По прогнозам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН развивающиеся тенденции в мировой экономике и торговле в наибольшей степени выгодны Японии, Китаю, Индии [7, с. 50], что может завершиться формированием глобального нового торгово-экономического региона с экономикой Китая в центре [7, с. 46]. Вторым глобальным экономическим центром станет Запад, формирование которого, скорее всего, пройдет на принципах обновленной североамериканской зоны свободной торговли (USMCA). При этом США останется одной из двух-трех доминирующих мировых держав, экономическим

и политическим центром Запада, вовлекая в орбиту своих торгово-экономических отношений Австралию, Британию, Евросоюз и Латинскую Америку.

После 2014 года во внешней торговле России лидерство от Европейского союза перешло к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, постсоветского пространства и БРИКС. Доля ЕС в торговом балансе РФ снизилась с 49 до 42,7%, доля стран Востока — выросла с 40 до 45%. В этой связи возрастает роль Евразийского экономического союза, Большой Евразии в экономических связях России. Восток и Юг в перспективе для России — основные рынки будущего. Позиция России на просторах «Большой Евразии» будет определяться вектором движения стран — участников ШОС, Евразийского экономического союза. Организации Договора коллективной безопасности стран СНГ в сторону формирующихся новых центров мировой экономики. Для России важно предложить институты сотрудничества на просторах Большой Евразии на основе выстраивания взаимовыгодных межгосударственных связей и ресурсных балансов и, прежде всего, с Беларуссией и Казахстаном, как странами имеющими значительные эффекты сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Формирующиеся центры модели мировой экономики и торговли могут дать ощутимые экономические и политические преимущества таким региональным великим державам, как Индия, Турция. При реализации всех наиболее вероятных сценариев развития мировой экономики и мировой торговли, они получают преимущества перед Китаем, показывая либо дополнительный (более высокий по сравнению с Китаем) прирост ВВП, либо наименьшее уменьшение ВВП [7, с. 50]. В этой связи очевидные попытки Китая установить гегемонию в Большой Евразии неизбежно приведут к консолидации

Турции и Ирана, Индии и стран Индокитая, что может с такой же неизбежностью вызвать торгово-экономические трения, а возможно, и региональные торговые войны. Быстротечность современных экономических и политических процессов подталкивают Россию уже в ближайшие год-два предпринять организационно-экономические усилия по формированию и развитию производственных связей в рамках продуктовых цепочек производства и распределения продукции сельского хозяйства и продуктов питания с использованием потенциала стран постсоветского пространства, расположенных на просторах Евразийского континента — торгово-экономического региона Большая Евразия, так как деглобализация и регионализация межгосударственных экономических отношений — долговременная тенденция XXI века.

Статистика ВТО свидетельствует, что глобальные мировые державы в международной торговле не соблюдают действующие правила международных экономических отношений и международной торговли. Соблюдение Россией и другими странами норм и правил мировой торговли дает конкурентные преимущества для глобальных игроков на мировых рынках товаров, работ и услуг (США, Евросоюз, Китай).

Национальная экономика стран независимо от их геополитического статуса сможет противостоять негативному влиянию тенденций развития мировой экономики и торговли за счет участия в формировании новых мировых и национальных институтов торгово-экономического сотрудничества и развития, учитывающих цивилизационные основы региональных и мировых держав. С учетом тенденций развития мировой экономики и торговли целесообразно провести анализ эффективности внешнеэкономических связей Республики и их последующую реструктуризацию и оптимизацию. Это еще один

фактор, который влияет на скорость регионализации международных отношений и внешнеэкономической деятельности.

Если в конце XX века экономические санкции были редким и исключительным инструментом, призванным решать некоторые общие для мира военно-политические задачи (Иран — 1979 г.; Сербия и Черногория — 1991 г.; Бирма — 1997 г.; Белоруссия — 2004 г.; Кот-д'Ивуар — 2012 г.; Куба — 1960 г.; Конго — 2006 г.; Ирак — 1990 г.; Ливан — 2012 г.; Ливия — 2011 г.; Северная Корея — 1950 г.; Сомали — 2014 г.; Судан — 2007 г.; Сирия — 2004 г.; Южный Судан — 2014 г.; Йемен — 2012 г.; Зимбабве — 2002 г.) и часть этих санкций была поддержана ООН, то в первое десятилетие XXI века санкции из инструмента принуждения к восстановлению демократии, стали фактором предупреждения гуманитарных катастроф, нераспространения оружия массового уничтожения, институтом глобального противостояния, открытой конкурентной борьбы не только в международных экономических отношениях, но и в достижении геополитических целей (заградительные пошлины в отношении Китая, Евросоюза со стороны США, санкции против Российской Федерации). Таким образом, в ближайшем обозримом будущем главными институтами в мировой торговле и международных экономических отношениях будут: демонстрация военной силы и возможностей; широкое применение ограничений в мировой торговле (таможенные заградительные пошлины, экономические санкции, «замораживание» золотого запаса и валютных резервов за пределами национальной территории).

Современные тенденции в мировой экономике и торговле практически невозможно объяснить и спрогнозировать, опираясь на существующие экономические теории. Экономические институты, созданные на основе материальной

экономической теории, как международные, так и национальные после 2008–2009 гг. оказались неэффективны. Тому пример — функционирование российской экономики в период (и в последующие годы) после мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося в первом десятилетии текущего столетия.

Российскую экономику волна мирового кризиса накрыла в IV квартале 2008 г. Падение российского ВВП по результатам хозяйственной деятельности по итогам квартала составило 1,3%. Правительство России приняло исчерпывающие и стандартные меры в рамках западных экономических теорий, которые позволили в течение 9 месяцев преодолеть экономический кризис. Начиная со второй половины 2014 г. экономика Российской Федерации стала замедляться в своем развитии и по итогам четвертого квартала ВВП сократился на 1,8%. Антикризисные меры Правительства России в деталях были адекватны антикризисным мерам кризисного периода 2008–2009 гг. Однако статистика зафиксировала оживление российской экономики в IV квартале 2016 г., когда рост ВВП составил 1%. Поквартальные итоги 2017 г. свидетельствовали о вновь начавшемся замедлении темпов экономического развития (2017 г. I кв. — 101,5%; II кв. — 102,5%; III кв. — 102,3%). И только экономические итоги 2018 г. позволили экспертам и Правительству говорить о возобновлении устойчивого экономического роста, который стал возможным благодаря не одним либеральным инструментам рыночного регулирования. Таким образом, на преодоление экономических трудностей (перманентностью) изменений в мировой экономической системе ушло от 27 до 39 месяцев. Столь долгая адаптация российской экономики проявилась на фоне санкционной политики

и продовольственного эмбарго, что не могло не сказаться на устойчивости функционирования. Это только подтверждает неадекватность экономических институтов.

Библиографический список

1. Путин ответил главе Финляндии на условия снятия санкций с России [электронный ресурс] https://regnum.ru/news/2608460.htm_source=yhnews&ntm_medium=mobile.
2. Механизм выявления закономерностей развития сельского хозяйства России в условиях глобальных вызовов: монография / Тарасов А.Н., Щитов С.Е. и др. — Ростов н/Д.: ФГБНУ ВНИИЭиН, изд-во ООО «Азов-Печать», 2016. 116 с.
3. Картина экономики. Январь 2019 года [электронный ресурс] http://economy.gov.ru>wps/wcm/connect/885e0909_e8cf/4e9a-83ad-5d0681f71056/190211-econ-pic.pdf?MOD=ASPE_res&SASNE_O=885e0909-4e9a-83ad-5d0681f71056.
4. О приоритетных направлениях социально-экономического развития НПК России: от роста к качеству роста [электронный ресурс] // [www.viapi.ru/download/2019/ Доклад А.В. Петрикова для ВЭО 04.04.2019.pdf](http://www.viapi.ru/download/2019/Доклад_А.В._Петрикова_для_ВЭО_04.04.2019.pdf).
5. Социально-экономическое положение России. 2018 год [электронный ресурс] // www.gks.ru/frec_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf.
6. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.01.2010 № 120) [электронный ресурс] // <https://base.garant.ru/12172719/>.
7. Гусев М.С., Ширшов А.А., Ползиков Д.А., Янговский А.А. Глобальные тенденции изменения структуры производства и доходов в мире и России // Проблемы прогнозирования. — 2018. — 6. — С. 38–50.
8. Караганов С. Какой будет мир? // «Российская газета». — 2019. — 15 фев. — С. 9.

References

1. Putin otvetil glave Finlyandii na usloviya snyatiya sanktsiy s Rossii [elektronnyy resurs] https://regnum.ru/news/2608460.htm_source=yxnews&ntm_medium=mobile.
2. Mekhanizm vyyavleniya zakonomernostey razvitiya selskogo khozyaystva Rossii v usloviyakh globalnykh vyzovov: monografiya / Tarasov A.N., Shchitov S.E. i dr. — Rostov n/D.: FGBNU VNIIEiN. izd-vo OOO «Azov-Pechat». 2016. 116 s.
3. Kartina ekonomiki. Yanvar 2019 goda [elektronnyy resurs] [//economy.gov.ru>wps/wcm/connect/885e0909_e8cf/4e9a-83ad-5d0681f71056/190211-econ-pic.pdf? MOD=ASPE res & CACHE O=885e0909-4e9a-83ad-5d 0681f71056](http://economy.gov.ru>wps/wcm/connect/885e0909_e8cf/4e9a-83ad-5d0681f71056/190211-econ-pic.pdf?MOD=ASPE res & CACHE O=885e0909-4e9a-83ad-5d 0681f71056).
4. O prioritetnykh napravleniyakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya NPK Rossii: ot rosta k kachestvu rosta [elektronnyy resurs] [// www.viapi.ru/download/2019/ Doklad A.V. Petrikova dlya VEO 04.04.2019.pdf](http://www.viapi.ru/download/2019/Doklad A.V. Petrikova dlya VEO 04.04.2019.pdf).
5. Sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye Rossii. 2018 god [elektronnyy resurs] [// www.gks.ru/frec_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf](http://www.gks.ru/frec_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf).
6. Doktrina prodovolstvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (utv. Ukazom prezidenta RF ot 30.01.2010g. №120) [elektronnyy resurs] <https://base.garant.ru/12172719/>.
7. Gusev M.S., Shirshov A.A., Polzikov D.A., Yantovskiy A.A. Globalnyye tendentsii izmeneniya struktury proizvodstva i dokhodov v mire i Rossii // Problemy prognozirovaniya. — 2018. — 6. — S. 38–50.
8. Karaganov S. Kakoy budet mir? // «Rossiyskaya gazeta». — 2019. — 15 fev. — S. 9.

Контактная информация

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State Economic University

344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya str., 69

Тел: +7 (863) 261-38-92, E-mail: ln-u@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ «НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ»

1. Статья представляется в электронном виде в формате Word с расширением .doc или .docx.

1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 20 мм, боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

1.6. Фотография автора (не менее 2 МБ, формат файла .jpeg).

2. Структура статьи:

— название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;

— название статьи в переводе на английский язык;

— автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;

— информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О. (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

— краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);
— развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написанной грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

— на русском языке (до 10);
— на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

— таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;
— иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на

английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации — BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов).

— полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. Автор представляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах ВЭО России» оформляется Договор о передаче исключительных прав на произведение (научную статью) установленного образца.

При направлении статьи в электронном виде необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн подписки <https://podpiska.pochta.ru/>

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

По вопросам публикации статей следует обращаться в Дирекцию ВЭО России:

+7 (495) 609-07-60

info@veorus.ru

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
2019

Том двести двадцатый

Информационно-аналитическое издание
для членов Вольного экономического общества России

Москва, 2019

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России —
125009, Москва, ул. Тверская, 22А

Над выпуском работали:
А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Подписано в печать 16 декабря 2019. Заказ № 507. Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность — ИД № 01775 от 11.05.2000.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России —
ПР999

© Вольное экономическое общество России, 2019

ISBN 978-5-94160-208-7
ISSN 2072–2060

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

Вольное экономическое общество России — первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира — основано Указом императрицы Екатерины Великой 11 ноября 1765 года. В 2020 году Вольному экономическому обществу России исполняется — 255 лет.

Журнал издается
Вольным
экономическим
обществом России.

*Официальные группы
журнала «Вольная
экономика» в соцсетях:*

Facebook — [https://
www.facebook.com/
freedeconomy/](https://www.facebook.com/freedeconomy/)

VK — [https://vk.com/
freeeconomy_ru](https://vk.com/freeeconomy_ru)

Журнал «Вольная экономика» – это научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей.

Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учёными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeeconomy.ru>

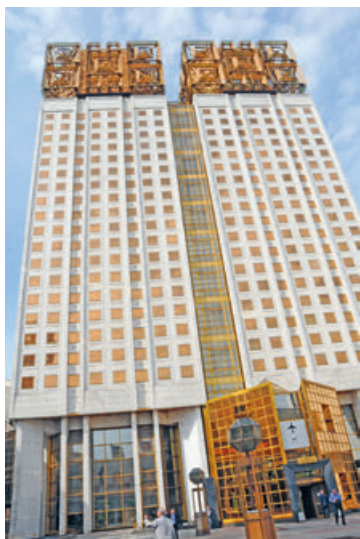
МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ МАЭФ-2020

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM | МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

20–21 мая 2020 года

Тема МАЭФ:
«Развитие реальной
экономики: научные
подходы и экспертные
решения»

Подробная информация
о МАЭФ на сайте:
<https://maef.veorus.ru>

Аккаунты в соцсетях:
[https://www.facebook.com/
MoscowAcademicForum](https://www.facebook.com/MoscowAcademicForum)
[https://vk.com/
moscowacademicforum](https://vk.com/moscowacademicforum)

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
2019

Volume two hundred twentieth

Information and analytical edition for members
of the Free economic society of Russia

Moscow, 2019

Published by the Free economic society of Russia
22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Responsible for edition:
A.V. Bobina, M.A. Lazarev

Signed for printing on December 16, 2019
Order No. 507. Run of 1,000 copies.

Mass-Media Registration Certificate — PI No.77-3786 20.06.2000.
Publishing License — ID No.01775 11.05.2000.

Subscription Code IIP999 in the official Catalog of Russian Post.

© The Free economic society of Russia, 2019

ISBN 978-5-94160-208-7
ISSN 2072-2060

